

Ксения Кулимова

ПЛАМЕННЫЙ ПОКРОВ

Ксения Леонидовна Кулимова

Пламенный покров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70622458

SelfPub; 2024

Аннотация

Огненный демон Даглас по случайности находит в заснеженном поле юную девушку – беглянку из колонии по имени Лойс. Им предстоит понять друг друга по пути в мирное и безопасное место, разобраться со внутренними распрями, Дагласу – с «синдромом выжившего», Лойс – со своим вопиющим недоверием, которое так мешает ей жить. А ещё понять, кто же так долго стоит за бессердечным геноцидом демонов, войнами и страданиями.

Ксения Кулимова

Пламенный покров

1

Ветер грубо толкал сзади, свирепо сдирал кожу наглейшим дьявольским морозом. Снег вязкой смолой цеплялся за ноги, лип на лицо влажными, трепещущими каплями. Прямая сырость неуютно душила, чёрное небо мрачно, с немой угрозой, крушилось обвалом суровых туч.

Погода не из приятных. Душа изрядно утомляется, измученная этим мерзким природным упадком... Если бы не маленький, терпеливо мерцающий в такой яростной буре, огонёк, мир бы содрогнулся и упал, бесчестно убитый бедствием.

Пламя даёт надежду.

Даглас шёл через порывы метели, бесовскими скачками таранящие ему грудь. Как бы он ни пытался запахнуться потеплее в истрёпанное замшевое пальто, холод просачивался через кожу сырыми струями, дряблым льдом схватывая горячие жилы, тряска разрывала спину в щепки.

– Очаровательно, не так ли? – сам с собой вслух урю-

мо размышлял мужчина, выплёвывая беспардонно залетающие в рот снежинки. – Люблю зиму... как святую воду, твою мать.

Даглас сердито пнул снег под ногами и продолжил идти, со свистом выдыхая из носа прозрачный серый дымок и мелкие юркие искры.

Кругом на несколько километров мчался в буре сизый океан степи, град белыми всплесками замирал в трепетном ужасе и продолжал швыряться о землю.

– Шапку надеть надо было... – недовольно поджал губы скиталец, пытаясь с унижительной тщетностью соорудить на чёрных лохматых волосах что-то наподобие зонтика из ладоней. – Вот же я валенок, а... Дурак и уши холодные...

Нога неожиданно уткнулась во что-то мягкое, но совсем не похожее на снег, не рыхлое и мокрое.

Даглас осторожно опустился на корточки перед находкой, заинтригованно разглядывая покрытую коркой льда фигуру. Алой, потресканной от мороза, рукой со скрюченными заиндедевскими пальцами мужчина стряхнул слой снега с лежащего на боку, съёжившись, человека.

Девушка, на вид всего тринадцати лет, худенькая, с тонким коротким носом, обрызганным веснушками, диковато острыми чертами лица, коротко стриженными под сантиметр рыжими волосами. Одета совсем скудно – большая серая форма детской колонии не по размеру, босые ноги. В таком рванье немудрено замёрзнуть, кожа у бедняги совсем выцвела в тон повешенному мертвецу, но на длинной шее ещё виднелась настойчиво дрожащая венка.

– Живая... – уважительно поднял брови Даглас. Что-то внутри него скользко дёрнулось от изумления и трогательной радости, что такое с виду крохотное, безобразно немощное существо остервенело не подпускало смерть к себе, мол, перетопчешься.

Мужчина наскоро набросал в натруженно трещащей голове небольшой план и торопливо поднял девочку с земли, после чего усадил её боком к себе, накрыл полами пальто и слегка навис головой сверху, чтоб плечами прикрывать её от дико набрасывающегося снега.

Даглас аккуратно сдвинул щеколду, закрывающую широкую печную дверь под его рёбрами. Через забитые сажей щели пахнуло жарким маревом, и открытое пламя, мирно урча, пристроилось рядом с худым озябшим телом. Розовые брызги огня, похожие на беснующихся в хаосе мотыльков,

невзначай касались града, и он исчезал красной шипящей вспышкой.

Даглас вяло отёр со лба липкую испарину. Из рта у него резво вьющейся пеной вылетали дымные полосы пара.

В очередной раз нагреваться, как котёл паровоза, ему претило, но он проникновенно чувствовал, как тает зверски пожравший беднягу лёд, и робко пробивается сквозь него ослабшая живая душа. Импульсивный, чрезмерно встревоженный поступок неожиданно пробудил измученное умирающее дыхание девочки.

Он просто не мог оставить её погибать. Всю жизнь изнывать до беспамятства тем, что из-за губительной паранойи не спас брошенного в снегах человека, хотя мог, Даглас не собирался.

Озябшая девочка дремотно вздрогнула, бессознательно прижала руки к груди, не раскрывая запавших в тёмные ямы изнеможения глаз. Всё ещё понуро, надломленно спит, но сердце, почуявшее долгожданное, милостивое тепло, начало биться торопко, обеспокоенно.

– Вот так, – Даглас сердобольно улыбнулся и неторопливо поднял девочку на руки, с надсадным кряхтением и желез-

ным скрипом разогнувшись. Её голова сонно уткнулась мужчине в грудь, легла на вязаный белый свитер, нагретый ма-ревом печного жара. Мужчина запер дверцу и спустил шер-стяную водолазку, чтобы багровое пылающее нутро не про-дуло, и огненная бессовестная тварь не начала голодно же-вать оттаявшей бедняге бок.

Даглас двинулся дальше через надрывный град, заботливо прикрыв плечи девушки полой пальто. Он понятия не имел, как долго ему ещё вышагивать до первого населённого пунк-та, единственное, что он осознал через пять минут бестол-ковой войны со стихией – что превратится в один большой синяк.

– За полчаса стать боксёрской грушей... Это мы можем...
– Даглас посмотрел на прикорнувшую под его пальто девуш-ку, бережно затаив дыхание, чтоб не опалить её лицо злокоз-ненно ползущими изо рта горькими чёрными струями дыма. Что с ней делать дальше он не представлял, неистово терял-ся в туго спутанных, дремучих догадках, но ничего путного в голове не вспыхивало.

Верное решение само найдётся, когда Даглас добредёт до людей. Главное не потеряться в этой истерически ревущей и безобразно скачущей метели.

Маленький соседний городок беспорядочно попадал в снег, увязнув там под угрюмой тяжестью набитых сугробами крыш. Белизна, притоптанная копытами, сапогами и шинами, размазалась в рыхлую грязь, на которую прозрачными рябыми бликами ложились жёлтые квадраты из окон.

Фонари под козырьками трещали болезненным красноватым светом, снежная пыль беспорядочно мерцающей оравой вертелась в небе, раскидывая мутные ночные облака в издёрганные клочки. Расхлябанная мрачная бездна покрылась сумеречными синими разводами, природа окончательно пришла в себя.

Даглас учтиво постучал облезлыми сапогами, обратившись в мокрую кожаную кашу, о порожек маленькой двухэтажной гостиницы. С виду заведение казалось единственным хоть чего-то стоящим местом в этом городке, даже побелка стен снаружи новая, опрятная.

– Проходите, не стойте в проходе, холодно же, – безучастно попенял гостю молодой человек за столом администрации, не отрывая огромных рыбьих глаз, украшенных толстыми линзами очков, от развёрнутой газеты.

Внутри скромно притулились в углу потёртые тканевые кресла и столик с облупившимся лаком, на полу разложен

пёстрый, но уже давно серовато выцветший ворсовый ковёр, и самый его правый край доставал до широкой деревянной лестницы на второй этаж. Сбоку несколько одинаковых дверей вели в комнаты, и только номера на них выцарапаны разные.

Пахло солоноватой жареной рыбой и противно горьким лаком. Стойка, за которой расслабленно развалился на стуле администратор, матово сверкала новенькой краской и связкой покорёженных ключей.

– Я бы хотел комнату на ночь снять, – Даглас послушно запер за собой дверь, неуловимо возмущившись тому, что о свежем воздухе в этом помещении вообще забыли, сюда только с берёзовыми вениками и приходите. – И ещё... у вас где-то есть телефон?

Громкий, требовательный голос незнакомца заставил администратора отнять голову от увлекательного чтива и изобразить на одутловатом пухлом лице неподдельное внимание.

– Оплата сразу, ваша комната – четырнадцатая, а телефонная будка – за углом.

– Благодарю, – обрадованный, хотя и безбожно разбитый усталостью, мужчина уронил на стол горсть монет и любезно

разглаженную ассигнацию. Потом покрепче перехватил плечи найдёныша и, взяв ключ, пошёл к лестнице.

Даглас старался не скрипеть половицами, чтоб не разбудить достаточно измотанную девушку. Со стороны выглядело так, будто он неловко идёт по капканам, отдёргивая ноги, прежде чем их стальные клыки схлопнутся у него на щиколотках.

Таким манером он дополз до четырнадцатой комнаты, настырно провернул ключ в заедающем замке и распахнул обшарпанную серую дверь.

Номер оказался совсем небольшим, всего шагов десять в длину, с одной низкой кроватью у окна, на которой валялся до безобразия жёсткий матрас, продавленным диваном и небольшим столиком слева от выхода. Над прискорбно заржавевшей кусками раковиной справа висела картина, один из тех бессмысленных пейзажей, которые повторялись уже сотни раз, бездушные и блёклые.

Противные запахи до второго этажа едва ли пробивались, из приоткрытой форточки веяло сладкой морозной сыростью. Хорошее место для ночлега, но неуютно прохладное, словно капризно водящее стеклом по оголённым нервам.

– Лежи, грейся, – Даглас положил девушку на кровать и накинул сверху помятый плед, сложенный в вещевом шкафу. После чего подошёл к настольному фонарику, одиноко стоящему на трёхногом стуле, вылил оттуда масло в пепельницу и поджёг фитиль из нитки своей кофты. Гореть долго лампадка не сможет, но хотя бы немного отопит комнату, пламя топки у мужчины горит гораздо пышнее и ярче обычного.

Довольный своим изобретением мужчина в обессиленном дурмане оглянулся на спасённую беглянку, сжавшуюся под

одеялом в нервно вздрагивающий комочек, и вышел.

Телефонная будка и правда стояла за углом здания, разбухшая от обильного снега, без стёкол и даже с выбитой дверью. Видимо, очереди позвонить тут откровенно бешенные.

Даглас выскреб из кармана мелочь и пропихнул монету внутрь в мясо изрубленной щели, после чего несколько раз дёрнул номеронабиратель и поднёс к уху трубку, липкую от разросшегося по ней инея.

– Привет, Нона, – жизнерадостно выдохнул в микрофон мужчина, истошно благодаря судьбу за то, что наконец добрался до пункта связи. С обратной стороны что-то недоверчиво хрипнуло и раздался изумлённый знакомый голос.

– Не переживай, это я, Даг, – торопливо продолжил путник, отгоняя надоедливые струи дыма изо рта, как стаю комаров. – Подожди, дай сказать! Да, в гостинице, в Нижнем... – Дагласа опять нетерпеливо перебили, но он снисходительно продолжал, кропотливо чеканя каждое слово.

– Да, всё хорошо, но это не самое главное, я по дороге девочку нашёл. Из колонии. С собой взял, – от последовавшей за этим ожидаемой истерики мужчина отнял трубку от уха и досадливо сморщился. – Не кричи, пожалуйста. Я всё понял.

Без продыху стальным грузным шаром перекатывая в голове дырявые мысли, Даглас, наконец, придумал, что ему дальше делать; на нём эта восхитительная идея отразилась так ярко, что искры пламени внутри яростно защёлкали, а на седые виски влажной гурьбой скатились капельки пота. Он задорно улыбнулся и зажмурился от блаженного чувства победы, прислонившись вязко пылающим лбом о прохладную стенку телефонной коробки.

– Хорошо, спасибо. Скоро приеду, жди, – от радостного возбуждения Даглас нежно прижал трубку к щеке. Строгая фраза, сказанная вдогонку до прощания, спустила на его раскрасневшееся лицо едва видную тень шутливого раздражения. – Да поем я, поем, ну что ты пристала ко мне?.. До связи.

Даглас положил приёмник на рычаг и целеустремлённо вышел, направляясь к двери гостиницы.

Глаза глухо резануло бледным алым светом, а липкие громоздкие веки нехотя поддались на огрубевшие мольбы очнуться...

Перед девушкой из пульсирующего мрака возникла комната, скромная, чистая, тёплая до приятных мурашек по спине.

Память презрительно не отзывалась, вязким мракобесием стекая по стенам воспалённого вялого сознания. Кто принёс её сюда?

Бедняга слегка подняла голову, настороженно подтянув к подбородку щекочущий вязаный плед.

Напротив неё за столом стоял мужчина лет тридцати, высокий, широкоплечий, в сером замшевом пальто. Вытянутое, скуластое лицо казалось прозрачным, как осколки стекла, из-за нездоровой бледности. У незнакомца сразу примечались прямой и острый длинный нос, густые брови и широко распахнутые глаза пыльного, латунного оттенка. Он казался порядком потрёпанным и осунувшимся, истощённо опирался одной жилистой рукой о спинку стула, запустив вторую в зачёсанные назад волосы цвета густой сажы с лёгкой сединой на висках.

Мужчина о чём-то с неудобной загнанностью думал, но, как только заметил шевеление со стороны кровати, оторвал испуганный взгляд от пола.

– Потеряшка! – нелепое прозвище оставило противный яростный отзвук в голове, и девушка подозрительно нахмурилась, вкрадчивый голос незнакомца её пугал до ошалелой

паники. – Рад, что ты проснулась. Как себя чувствуешь?

– Вы кто? – дурная до удушливого помутнения мысль, что её поймали и сдадут обратно, в прогнившую колонию, где её радушно казнят, озверело разодрало её кожу ядовитым ознобом.

Окно... Прямо за спиной, она успеет сбежать!

Девушка встала во весь рост на кровати и резко, припадочно дрожащими руками, дёрнула на себя створку окна, распахивая его и впуская внутрь прогорклый мокрый воздух.

Сердце давило на горло осатанелым хрипящим пульсом, в ушах плескался грозно рокочущий шум. Вот-вот внутрь бешено вломится участковый, стоит только чужаку призывно свистнуть...

– Слушай, давай просто сядем и поговорим, прежде чем ты навернёшься? – не ожидавший такого опасного поворота мужчина в запале недоумения раскинул руки в стороны, с неловкой просьбой смотря на беглянку. – Это второй этаж, прошу заметить.

– Крыса поганая! – на взводе рывкнула изломанная стра-

хом девушка, резво вылезая на карниз. С победным и злобным возбуждением обернулась и оскалилась: – Выкуси!

Она скользнула по трубе вниз, грубо отбив себе пятки и оцарапав ощерившимся инеем руки, и отвратно деревянные, размякшие ноги потащили её трусой прочь.

Даглас возмущённо оцепенел на секунду, череп смялся, давимый безыдейной пустотой, но мужчина уже машинально мчался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, грациозно, как напуганный лось.

Далеко убежать девушка не успела, её красные истресканные ноги скользили по обледеневшей булыжной дороге. Даглас лишь раздосадованно потёр переносицу и широкими шагами нагнал её, ловко схватив за руку.

Бедняга панически дёрнулась, в глаза губительно выстрелило мраком, рваная судорога перебила ей рёбра и изрешетила позвоночник, земля летела из-под ног с чудовищной скоростью.

Девочка обернулась и, в похоронной надежде, одурело треснула мужчину по груди.

«Дрын-н!» – рассерженно гавкнула металлическим ляз-

гом грудная клетка.

– Не ушиблась? – огорошенный таким наглым нападением, простецки поинтересовался Даглас, с бережным тщанием рассматривая красные казанки на кулачке девушки.

Рыжей показалось, что улицу потрянуло беспощадным катклизмом, и светомузыка яростно вскрыла ей череп, вспо- рола больной мозг и сжала его в полумёртвом ужасе.

Железные люди... Чудовища, гнилые твари, выползшие из бесчеловечного хаоса бездны, озверело пожирающие плоть и душу... Каждый вечер напуганные до исступления дети ложились спать, зная, что если они не сомкнут глаз, придёт из теней огненный дьявол и разорвёт им стальными зубами грудь, кровожадно проглотит сердце и сожжёт его в истошно ревушем, пылающем нутре...

Вот так она и умрёт...

Девушка нервно встряхнулась, смахивая с помрачённо- го взгляда кошмарное наваждение, и в надрывном чувстве безысходности глубоко набрала воздух в кипящие лихора- дочным жаром лёгкие, чтоб закричать...

Даглас внезапно дёрнул её к себе спиной, строго прикрыл

её рот рукой, а второй осторожно прижал её за талию к печной двери.

– Если закричишь, достанется обоим, – бдительно расчленив взглядом сизую глубину улицы, настойчиво и примирительно предупредил Даглас, понемногу ослабляя хватку. Для этого он опустил голову ниже, к веснушчатому уху девочки, касаясь его душным, искристо полыхающим дыханием.

Услышав неожиданно мирный тон и ощутив на себе деликатное, совершенно не хищное, прикосновение, девушка перестала вырываться. Железный голем до сих пор отвратительно пугал её, восставая из трухи сознания чудовищными тенями, но, если бы он хотел её сожрать, сделал бы это, с треском выломав рёбра у неё из спины...

– Не кричу, – послушно шепнула беглянка в руку мужчине, с недоверчивым любопытством подняв голубые глаза вверх, на его лицо. Если незнакомец не собирается ни есть её, ни сдавать законникам, тогда что же?

– Вот и хорошо... – Даглас чуть не взмолился, воздев руки, невероятно радостный, что обошлось без жертв. Он отпустил найдёныша и протянул ей руку. – Идём, снаружи холодно. А ты босая.

Девочка подозрительно оглядела ладонь в потрёпанной тканевой перчатке и, многозначительно обогнув печника, пошла обратно в гостиницу, шлёпая босыми пятками по бурому снегу. Она всё ещё в мятежном смятении не понимала, зачем её подобрали и что будут с ней делать дальше, и приятельски здороваться с монстром воротило до тошноты.

Даглас безропотно принял оборонную позицию девушки и пошёл за ней шаг в шаг внутрь. Он ввёл в большую привычку такое диковатое обращение к себе, и старался не суетиться попусту, выискивая очевидную причину.

Они вернулись в комнату, миновав увлечённого журналом постояльцев администратора. Девушка плюхнулась обратно на кровать, подобрав розовые припухшие ноги и грея их о простынь, Даглас, протяжно скрипнув корпусом, опустился на стул напротив.

– Начнём с меня, – мужчина вежливо откашлялся в кулак и дружелюбно, даже с зажатым возбуждением, какое невзначай появляется от завязанного интереса, начал: – Я печник, Даглас Панневер, можно просто Даг. Я топал из города в город и увидел тебя в поле, в снегу. Принёс сюда.

Даглас проглотил подползающий к горлу язвенно горький дым и, рассерженно прикрыв глаза, изъеденные в пульсиру-

ющую боль грязным паром, буднично добавил, честно и даже немного угловато:

– Не хотел, чтоб ты вот так замёрзла.

– Лойс... – слова незнакомца что-то разбили внутри, что-то мерзостно холодное, бетонное. Оно пошло вероломными трещинами, и робкое мягкое и беззащитное чувство, уничтоженное одиночеством и брошенностью, начало выползать наружу. Ему не всё равно?.. – Просто Лойс.

Голос слегка скользнул на слезах, но глаза Лойс по-прежнему не поднимала и смотрела в ноги равнодушно, безумная прозрачная тень изгнала озорной детский блеск из её зрачков, и они превратились в матовое отражение бесконечно умирающей действительности.

Она всё ещё не могла поверить в то, что так необычайно ласково коснулось её ушей и заставило бесшумно ликовать заброшенное сознание, где ещё сохранилась та погибающая часть её, не смирившаяся с мыслью о том, что девушка всего лишь бесполезная падаль, потасканная воронами.

Её спасли... просто так?..

– Расскажи, откуда ты, – Даг заинтригованно подпер ку-

лаком подбородок, чуть согнувшись и поставив локоть на протёртое колено, но его глаза неотрывно освещали девушку тёплым янтарным пламенем. Покинутая девочка вызывала целый буран нескромных вопросов, и брать её с собой, не представляя, кто она и за что попала на срок, не стоило.

– По мне будто не видно, – негодуяще фыркнула Лойс, злобно дёрнув на себе надоевшую тюремную рубашку. – Сбежала из колонии.

Так как Даг продолжал молча внимать, выжидательно подняв брови, что, мягко сказать, начинало гадко подбешивать, беглянка продолжила с грубоватой неохотой:

– Я выросла в приюте. Меня никто к себе не забирал, говорили, что я буйная. Много они понимают... – Лойс замолкла, будто её что-то паскудно придушило. Она выгоняла с позором и изломанной тоской все мысли о том, что она ущербная, порочная. Её поступки и бешеный характер зловеще пугали, и не только людей вокруг... Едва ли это возможно подавить, как беспечные внешние чувства. Это гнусная тварь, неудержимая ни стальными клетками, ни цепями, паршивый гнев, безысходно пропитавший слабое тело.

Девушка в очередной раз пришибла эту жалкую потерянность и продолжила, всё ещё недоверчиво косясь на мужчи-

ну, хотя она уже безмятежно отпустила напрасную панику жертвы и куска мяса:

– Я подралась с одной чушкой в столовой и ткнула ему вилкой в глаз. Но я чёт глубоко запихала, он так головой в картошке и умер, – Лойс понуро ухмыльнулась, понимая, что ничего смешного в этой страшной трагедии нет, хотя тогда, в ошалелом состоянии аффекта, она не соображала, что натворила, и даже победно смеялась над трупом... В голове нарастал бред стыда, но лукаво щекочущее чувство внутри, что тот парень это заслужил своими оскорбительными насмешками и побоями, всё же смягчило грусть. – Ну, и сослали в колонию, в одиночку.

– Тю-ю-ю, шифер мне в топку... – озабоченно протянул Даглас, удручённо поражённый дурной судьбой совсем юной потеряшки. Он поджал губы, вновь тщательно обмозговывая свой хлипкий порывистый план, но из дебрей угрюмой задумчивости его вывел тихий неловкий вопрос со стороны Лойс:

– Даг, ты же демон?

– Есть такое, – буднично кивнул Даглас, заложив ногу на ногу и с глухим треском выпрямившись. О его реальном происхождении знала только его близкая подруга, Нона, и

раскрывать эту тайну новому человеку оказалось настолько несуразно, что внутри него словно что-то споткнулось и упало каменным обвалом в ноги.

– А почему тогда... – Лойс хрипнула, заискивающе обрубив вопрос. На её веснушчатом лице отразилось беглое недоумение, а в голове все варианты возможного ответа просто нахально истончали и осыпались пеплом, щекочущим виски. Внутри прокатилась склизким прохладным валом судорога неудержимого интереса... Голодные чудища обычно пожирают всё живое, как говорилось в страшилках и исторических сводках, но разве это не так?

– Я слишком сердобольный, ничего не могу с собой поделать, – со стыдливой усмешкой сокрушённо развёл руками Даг, едва ли ценивший свою порой смертельно невыносимую эмоциональность, и поспешно добавил: – Но людей я не ем из принципа, не переживай.

Лойс позволила себе спокойно отдышаться, испытав пока помятую, но благодушную радость. Встревоженное недоверие всё ещё пытливо царапало ей грудь, вызывая отчуждение, как хлётскую вспышку паралитического страха в голове. Но то, что демон по совести не собирается проглотить её сердце, даже восторгало.

– Нам с тобой идти особо некуда, поэтому предлагаю проехаться до моей подруги в соседний город, – не обнадёживая себя, обратился к девушке Даглас. Он понимал, что страстное желание помочь потерянной безродной отщепенке... может для него плохо закончиться и план развалится, как голые сваи в бурю, но... Если он не возьмёт её с собой или она откажется, то куда потом сможет податься? Только на казнь за попытку защититься, за гибельную случайность. – Думаю, она будет не против тебя приютить.

– Злую рыжуху? – самоиронично вскинула выцветшие брови девушка, пока в её глазах обречённой тенью расцветал скепсис. Она давно зверски убила и расчленила в себе и так хилую веру в то, что будет нужна кому-то такая грязная и опасная. И слова Дага казались ей нелепой вульгарной шуткой.

Жизнь едва дала Дагласу второй шанс, и Лойс нуждалась в нём же неоспоримо. Смерть не всегда венец трагедии, приходится импровизировать.

– Злую рыжуху, – убеждённо подтвердил печник, кивнув с отзывчивым снисхождением. Он ещё не представлял, насколько девочка может быть пропащей, но заднюю давать не стал, жёстко обругав себя в мыслях излишне огорчёнными словами.

Их знакомство ведь только началось.

2

Настенные круглые часы с выпуклым пыльным циферблатом напряжённо щёлкнули, показывая восемь часов утра. Небо неряшливо размывалось прозрачной белизной, заливающей болезненным рыжим светом растрёпанные синие облака, влажно налипшие на опьянённую неподвижным туманом высь.

Снизу беспорядочно грохотало оживление, ещё рассерженно сонное, неумытое, но от чего-то беспричинно родное, притягательное. Люди проворно вставали пораньше, чтобы успеть на завтрак в столовую.

Услышав внизу голодную возню, Лойс подняла на Дага бойкий заинтересованный взгляд. Запросто угадав неловко утаённый вопрос, печник, задорно улыбнувшись, искушающе предложил в полголоса, чуть наклонившись к девушке, и его глаза блеснули поразительно ярким, словно два старых красных прожектора, огнём:

– Пойдём похаваем?

Лойс обескураженно фыркнула, не привычная к таким несолидным фразам со стороны взрослых, обычно нарочито

серьёзных, людей. Звучало так неприлично, что даже патологически нравилось.

Девушка и не помнила, когда в последний раз ела хоть что-то, не напоминающее мох или траву, хотя её изнурённое кровожадным морозом и беспокойной дрожью тело давно приняло суровую участь вынужденного голода.

С другой стороны... От бессилия назойливо гудит голова, будто вместо черепной коробки на шею насадили пчелиный улей, ноги, как расхлябанные тряпки, и позвоночник сводит в воспалённую дугу...

Это гораздо выше поневоле вбитых в голову, словно шурупы молотком, самодурства и надменности.

– Идём, – охотно согласилась девушка, слишком уставшая уродливо выделяться перед незнакомым человеком. Впервые за эту утомительную бесконечность к ней относятся по-доброму, и на это нельзя не ответить, даже скупно переломив страх и гордость.

Даглас встал, торжественно достал из шкафа примятый серый халат и протянул девушке. Печник сам себе не мог объяснить, что испытывает... счастливое возбуждение от того, что смог хотя бы ничтожную малость расположить к се-

бе одичавшую девочку, или судорожную растерянность от расползающихся зловонной плесенью мыслей, как поступать дальше в общении с новым для него лицом.

Но сам план виделся коротким до безобразия. Без проблем доехать до Ноны, дабы она приютила у себя несправедливо осуждённого на казнь сиротливого ребёнка.

Даг терпеть не мог думать наперёд, и внутреннее чувство благодатного принятия посоветовало ему импровизировать.

Лойс взяла гигантский, пропахший сухой деревянной темнотой, халат и надела его сверху на робу, полы вытягивались до самых её пят.

Они дружно спустились из номера вниз, в дверь под лестницей, которая вела в столовую.

Зал напоминал больничную операционную своими белыми стенами и уныло продирающимся через прозрачный тюль светом из окон. Длинные лампы сверху к утру не горели, зеленоватый линолеум скользил под ногами, опущенный в таинственную полутьму. Воздух застоялся, как липкое подтаявшее масло, и в нём застряли, трепыхаясь, невесомые запахи кипящего молока, овсянки и приторно сладкого листового чая.

За квадратными белыми столами кое-где редкими кучками расположились постояльцы, одновременно ели и важно, неторопливо журчали сиплыми утренними голосами.

Лойс и Даглас наскоро заняли свободные места в углу, дальше от суеты, на деревянной столешнице уже стояли чуть подстывшие тарелки с кашей и стаканы с чаем, стеклянные края слегка запотели и покрылись мелкими капельками.

Девушка глубоко вдохнула мокрый запах пресноватой овсянки в радостном трепете. Так оскорбительно странно, что это не мерещится, не достойна она этого тепла, спокойствия, этой очаровательной каши...

Лойс притронулась к ложке, дотошно убедившись, что это всё настоящее, и принялась за еду так осторожно, словно набирала из тарелки не кашу, а расплавленное железо.

Несмотря на то, что беглянка катастрофически терялась в догадках, к чему затевалось всё её спасение, она чистосердечно благодарила Дага где-то в завёрнутых в дремучий в туман жизнерадостных мыслях. Так или иначе, он не дал ей погибнуть там, в снегу, и ей стоит отплатить ему хотя бы признанием.

Даглас смотрел на маленького найдёныша с таким бойким участием, будто без него под ней провалится пол, и она упадёт в чистилище. Конечно, ситуация не заслуживала такого титанического волнения, но справиться с паническими нападками из головы у печника получалось через пень-колоду.

– А ты есть не будешь? – озадаченно спросила Лойс, с безучастной досадой провожая глазами слетающий с соседней тарелки пар. Впрочем, она подозревала, каким будет ответ.

– Я такое не ем. Да и смысла нет, сгорает быстро, – рассудительно развёл руками Даглас. Голод заставлял его сердце недовольно тарахтеть, болезненно плюясь мокрым дымом, но дров он поблизости не нашёл, что вызывало в голове разочарованную, свирепую мигрень. – Да и... Поверь мне, забрасывать овсянку в топку на глазах у честного народа немножко некультурно.

Лойс застыла, поднеся ложку к губам, словно её окунули в головой в битый лёд. А ведь правда, и чего она так сглупила. Девушка слизнула кашу с чумички и дубовато произнесла:

– Я об этом не подумала.

– Хотя чай вкусно пахнет. Хлебну стаканчик, – Даглас со смаком втянул носом ароматный вихрастый дым, лениво

плывущий от стакана к потолку. Побаловать себя стоило, да и совесть пагубно изжевала душу – не может же он совсем не послушаться заботливого наставления Ноны.

– А разве огонь не потухнет? – обескураженно возразила девушка, переведя пытливый взгляд вниз, где под столом пряталась печка во второй половине тела мужчины.

– От чая?.. С какого перепуга. Есть, понимаешь ли, вода чайная, а есть святая, – наставительным тоном пояснил печник, эмоционально взмахивая рукой, словно дирижёр. Хотя при этом лицо у него выражало крайнюю серьёзность, от которой даже свет испуганно шаррахнулся, бросив мрачные тени в глазах Дагласа. – Это вещи разные.

Что угодно мужчина мог скрыть за искренним добродушием, но только не темы смерти. Любое слово о разрушении жизни повергало его в спутанный шок, крошило в пепел тело ненавистными приступами воспоминаний.

Он не хотел делиться этим нечеловеческим ужасом с девочкой, пусть даже ненароком, но ей стоит знать хотя бы малую часть этого изведённого годами сокровенного. А остальное не играет роли. Оно останется внутри него, задушенное в цепях, приваренное к стене скобами, немое. Так гораздо лучше.

– А женщина, к которой ты меня повезёшь... Она кто? – любопытно наклонила голову Лойс, всё ещё не решаясь на чистоту смотреть мужчине в глаза. Её выцветший взгляд блуждал по остаткам каши, которые она увлечённо соскребала ложкой.

– Полевой врач, – ответил Даглас, поставив локоть на стол и оперевшись щекой о кулак. Он чутко улыбнулся, благосклонно располагая девушку к своим словам, хотя в подруге положительно не сомневался. – Мы с ней знакомы с детства. Уверен, она тебе понравится.

– Её не смущает, что ты демон? – косо воззрилась на печника Лойс, осудительно словив лицемерный подвох. Дружить с нечистью с её малограмотной точки зрения могли только безнадёжные психи и юродивые-идолопоклонники, которых даже иерарх опасался.

– Я бы сказал, она единственная, кого это не пугает, – отрадно ухмыльнулся Даглас. Он бы ни на что в этом грёбаном мире не променял того единственного человека, который не впадает в истеричное смятение при виде его бурно горящего нутра.

Лойс подняла голову и впервые с ярым отрицанием загля-

нула Дагласу напрямую в глаза, всего на жалкое стыдливое мгновение, чтобы снова угрюмо отвести обожжённые зрачки в сторону. Её невыносимо воротило от лицемерия, но в её чувствах металась лишь половина правды. Глухой страх и непритворный интерес вцепились друг в друга намертво спаянными кусками стали, и что из этого с потрохами поглотит другое решала только запоздалая оробелая благодарность.

– Я тоже не боюсь, – бойко возразила беглянка, смятенно изучая прожилки в столе. Сторона выбрана, идти на попятную поздно. Но посмотреть, что будет дальше, имея только пришибленную надежду, всё равно неистово подмывает.

– Пряма-таки не боишься? – задрал брови печник, пытливо наклонившись к девушке, и улыбнулся с долей скабрёзной иронии. Не то чтобы он мог прочитать потеряшку, как состав мешка соли, но сбитая на потерянные запинки дрожь в её словах объяснила всё.

Впрочем, Даглас совершенно не удивился. С тем, что со святой уверенностью рассказывают о демонах маленьким детям с самого рождения, и так сложно смириться. Тем более с тем, что это кровожадное чудовище сидит сейчас перед тобой, безобидное и совсем не похожее на печь на паучьих лапах, которая глотает лёгкие и пожирает души.

– Да, – уже более складно ответила Лойс. Сдавать позицию показалось ей тараном стальной стены. Обоснованное недоверие Дагласа только раззадоривало её сомнения, и бессильная злоба рвалась через её короткий ответ.

– Приз тебе за второе место, теперь я спокоен, – Даглас смягчённо выдохнул, надув щёки и выпустив битый серый дым в ворот свитера. Он заплутал в собственных мыслях, но одно точно проступало долгожданным светочем сквозь них – уверенность. Спасённая жизнь согласна, чтобы её выручали дальше, трепетно неся под крылом.

Это дороже всего. Доверие к проклятой твари, как человеку, вытащившему мёртвое тело изо льда в пламя.

– Ладно, поверю, на слово, – девушка соблаговолила смириться с тем, что её нагоняет прытким кошачьим шагом. Хорошая женщина, готовая взять её к себе, даже такую грязную и необузданную, и далёкий путь прочь от казни и прошлой жизни вместе с плотоядным демоном с такими непосильно уставшими бледными глазами.

Будь что будет.

Даглас встал, довольный и утомлённый, взял в руку стакан и вторую дружественно протянул Лойс. Та наскоро допила

чай, подорвалась с места и вперёд него, несколько эмоционально смутившись его очередному жесту, поспешила вон из столовой, всё ещё зашуганно опасаясь брать его ладонь.

Мужчина развёл руками, уязвлённо поджав губы. За пару часов подружиться не получилось, но другого он и не надеялся получить от себя и злобной сироты.

– Не хочешь как хочешь.

Как ни странно, девочка ждала его у лестницы, и поднимались они уже вместе. Очевидно, Лойс просто забыла номер снятой комнаты, но говорить об этом вслух казалось ей постыдным.

Как и то, что она так враждебно относится к человеку, который от доброты душевной вытащил её из снега. Дура, ну как её после этого не казнить?

– Спасибо... что меня спасаешь. Это не так уж и важно.

– Каким бы демоном я ни был, для меня это в радость, – с тихим смехом ответил Даглас, доставая ключи из кармана истёртых брюк. Боевая девочка, осуждённая на смерть за попытку защитить себя от боли – её жизнь изначально пошла не так, как нужно...

Их жизни.

Никто не заслуживает того гиблого ужаса, что пережил он.

Ближе к обеду Даглас решил всё же разжиться чаем и осторожно вылил его в пламя, от чего в воздух комнаты душно впитался запах кислого дыма и приторно сладкой лисовой воды.

Лойс лежала головой в подушку, напряжённо стараясь заснуть. Но белый и гадливо ползучий белый свет дня рассеивал серые круги в её глазах, заставляя мозг всякий раз просыпаться резко и мучительно, словно виски выбило топором.

Сдавшись, девушка недовольно села на кровать и свесила ноги. Босые, сухие, с кровавыми трещинками в коже...

Даглас озабоченно осмотрел девочку с головы до ног и сочувственно протянул, закинув ногу на ногу:

– Надо тебя одеть.

– Здесь нет ничего, кроме халата, – опешила Лойс, удручённо оглядываясь в поисках обуви или тёплого верха.

– Поэтому пройдемся до ближайшей бакалейной лавки, – залихватски предложил печник, поднимаясь с места и стягивая пальто. Мысль купить беглянке душегрейку в дорогу с самого утра вопила в голове, требуя внимания, душевно хотелось сделать такой добрый шаг в сторону хорошего расположения Лойс.

Девушка пунцово зарделась, ощутив себя до противного неловко, на розовой коже веснушки смотрелись маленькими тусклыми искрами. На неё свободно тратят деньги, ради того, чтобы она не замёрзла... Эта обыкновенная доброта пугала страшнее плотоядных демонов из ада, и подсознательно Лойс понимала, что в этом нет ничего особенного, что так должно быть. Но старые привычки безжалостно говорили другое, шипами вьедливой ржавчины врастая ей в сердце.

Даглас заботливо накинул на плечи девушки своё пальто, и они спустились на улицу.

Снаружи серыми мыльными бликами сияли окна, дома из кирпича и дерева, кованые заборы, паровые автомобили с выпуклыми круглыми фарами и высокими выхлопными трубами увязли в раскисшем снеге, хрустящем, как битое стекло. Небо морозно трещало, медленно дрожа, как голубая водная гладь, булыжная дорога обледенела грязной прозрачностью, лопааясь грохотом под копытами лошадей и тол-

стыми зимними колёсами. Над крышами плыл вязкий дым, ревело пламя в топках машин, люди торопливо шли куда-то, молча, суеверно боясь, что холод схватит их за язык.

– Никуда не отходи, ладно? – серьёзно попросил Даглас, осторожно схватив Лойс под локоть. Не хватало ещё потерять её в буйно летящей толпе, а уж если там законники...

– Я знаю, не тупая, – огрызнулась девушка, гневно вырывая у него руку и зябко спрятав нос в ворот пальто. Она до беспамятства не любила, когда ей так тупо говорили очевидные вещи, это выводило её из себя похлеще оскорблений.

Печник широкими шагами поспешил вперёд, внимательно оглядываясь и наблюдая, идёт ли потеряшка за ним. Он слегка расстроился её реакции на его утомительную тревогу, но, возможно, он и переусердствовал, схватив её под руку без спроса.

Они прошли молча до другого конца улицы, Лойс испуганно шарахалась от огромных лошадей и надрывно орущих автомобильных клаксонов. Она совсем отвыкла от внезапной опасности городских дорог, и, сама того не осознавая, старалась держаться ближе к единственному человеку здесь, относящемуся к ней не как к живодёру. Она обиженно семенила за Дагласом, цепко схватив его за край свитера узкой

воспалённой рукой, хотя выражение её лица оставалось всё таким же сердитым.

Даглас чувствовал неотрывный умоляющий взгляд девочки, и это немного смягчило его печальное возмущение. Ей приходится чертовски нелегко с таким ярим характером, и уживаться с Лойс придётся ещё долго и волоком. Печник обернулся на девушку и ободряюще улыбнулся.

Деревянная дверь небольшого облупленного дома в переулке открылась, приветственно звякнув колокольчиком. Даглас зашёл внутрь и провёл в помещение Лойс.

Внутри расположилась длинная стойка на три стены и полки, опрятные, с параноидально ровно расставленным товаром. Продукты, инструменты, всякого рода зонтики, платки, шарфы, часы, паровые насосы... По центру ютилась дверь, такая маленькая, словно вырезанная с расчётом на продавцов-гномов, и из неё, согнувшись вдвое, выполз и сам консультант.

– Добрый день! – жизнерадостно произнёс молодой владелец стойки, выпрямившись и взмахнув каштановыми кудрями. Лицо у него было узкое, с огромными и серыми, как у совы, глазами, но такими гладкими чертами, что вовсе не запоминалось. Зато через переносицу у него с одного и другого

конца выглядывала короткая позолоченная струнка с двумя аметистами на тоненьких цепочках, которые раскачивались в такт его голове.

Современный денди, Даглас всегда искренне восхищался их образом.

– Здравствуйте, у вас тут маленькая гостья. Сможете ей одежду и обувь по мерке подобрать? – Даглас слегка вывел вперёд застенчивую Лойс, которая встревоженно пыталась спрятать нос поглубже в воротник.

– Без проблем, проходи в комнату и раздевайся, – молодой человек придирчиво окинул взглядом растрёпанную девочку, будто уже снимал с неё мерки глазами.

Девушка умоляюще посмотрела на Дагласа, диковато дёрнув его за край свитера. Стоять одной посреди комнаты и голой, как на разделочной доске... Лучше утопиться, чем позволить себя трогать, а вдруг этот подозрительный чухан узнает её в лицо, а если...

– Не бойся. Я за дверью, – мужчина тяжело сглотнул рвущийся пронзительными клубами дым и утешающе улыбнулся. Он заранее подготовился ко гнетущей боли в обожжённом горле, хотя стараться не дышать жаром в помещении

представлялось мерзким до головокружения.

Бросить Лойс одну в чужом для неё месте гораздо хуже, чем тошно давиться воздухом... Скорее бы на улицу. Замешаться среди густого, как гудрон, дыма машин без посторонних угрюмых взглядов...

Девушка, успокоенная мыслью, что её не оставят наедине с незнакомцем, робко прошла в комнату, и продавец запер за собой дверь.

За проёмом оказалась обширная комната, заросшая пылью, как мхом. Среди множества разошедшихся стеллажей ютились коробки, свёртки, стопки, наверняка с самыми разными вещами. Под низким потолком висели маленькие газовые плафоны, желтоватый свет окроплял бронзой сероватый кирпич.

Беглянка начала понемногу стягивать с себя пальто, оставаясь в одном халате. По плечам дробью прошёлся омерзительно мокрый холодок, но волнение постепенно повержено улеглось на дно груди, сердце устало и притихло.

Ей никто ничего не сделает, пока рядом есть Даглас...

– Встань-ка ровно, руки разведи, – продавец осторожно

поднял её руки, касаясь их самыми подушечками пальцев. Он серьёзно и сосредоточенно измерял глазами маленькие и худые габариты девушки. – Вот так.

После чего торговец достал из кармана лиловых брюк длинную ленту с разметкой и начал обвивать ею буквально всё. Ну, так казалось Лойс, ибо она не понимала, зачем для подбора одежды нужно знать размер талии.

Записав всё в маленьком огрызке бумаги обкусанной перьевой ручкой, продавец удалился ненадолго, и громко зашуршал чем-то на другом конце зала.

– Рубашка, брюки, тёплые ботинки, шарф и пальто, юная леди, – юноша вернулся со стопкой одежды преимущественно бурого оттенка, при этом смотревшейся чистой и опрятной. Он сложил набор на руки девушки и с гордой торжественностью разрешил: – Одевайтесь.

Затем он вышел из комнаты, оставив Лойс переодеваться. Она смогла выдохнуть свободно, словно с её шеи наконец сняли острое лезвие удавки, и воздух тонкой струёй потёк в сжатую трахею. Беззащитность повергала её в шок, и она не сразу отошла от этого потрясённого бредового состояния.

Вышла к терпеливо ждущему Дагласу Лойс уже в обнов-

ках. Непривычная телу мягкость и податливость ткани заставляли её незаметно дрожать с жесточайшей непривычки, но она трепетно радовалась этому чувству, хотя и немного нерешительно.

– Красавица, – в тихом восхищении Даглас бурно похлопал в ладоши и, задорно улыбаясь, покрутил кистью в броском жесте. – Повертись.

– Смеёшься что ли? – грозно уставилась на печника девушка, оскорблённая такой бестактной просьбой. Она что, модель, чтоб вертеться?

В мрачной подвальной глубине души ей хотелось покрасоваться перед зеркалом, упоённо смотреть на бегущие мутной молнией блики на кожаных сапогах, вдохнуть свежий горьковатый запах шелковистой подкладки... побыть хотя бы несколько секунд беззаботной маленькой девочкой.

Но она никогда не была такой. Её безвозвратно лишили этого детского очарования миром, и теперь всё это баловство казалось ей бесполезным и непристойным.

Даглас досадливо махнул рукой и печально нахмурился. Лойс выросла, не зная радости от простых вещей, и ей уже поздно возвращаться к этому. Убивающее чувства в мерзкий

пепел сострадание теребило исцарапанное железное сердце, хотя мужчина понимал, что ещё рано искать способ излечить беднягу от этой саднящей злости.

А ведь она совсем несчастна...

– Тебе хоть самой нравится? – участливо поинтересовался Даглас, слегка сгибаясь на уровень глаз девочки, чтоб миролюбиво выцепить её всё ещё чертовски обиженный взгляд.

– Угу, – согласно кивнула Лойс, демонстративно опустив голову на новую обувь, дабы не смотреть на приставучего Дагласа. Она понимала, что он всего лишь присматривает и заботится о ней, но на этот раз раздражение взяло своё и грубо стинуло молчанием её хрупкие рёбра.

– Посчитайте нас, – печник залез в карман и безропотно выудил оттуда все ассигнации и монетки, которые у него остались.

«Придётся ехать в товарном... но зато потеряшке тепло» – Даглас умильно ухмыльнулся этой мысли и, рассчитавшись с продавцом, открыл дверь на улицу, вежливо пропуская Лойс вперёд.

– До свидания! – весело прокричал вслед юноша, прежде

чем дверь с сахарным звоном закрылась, и аметисты в его носу плавно качнулись, будто провожая обоих в далёкий путь.

Даглас, наконец, смог выпустить дым из лёгких. Белки глаз у него покрылись алыми трещинками сосудов, а кожа побледнела ещё больше, словно он начал понемногу болезненно растворяться в воздухе. Рвущим на осколки глотку подступил кашель, врезавшись в горло щербатым ножом.

Печник зашёл за угол, опершись о стену, ноги его не держали, похожие на размякшие мешки, полные колючего песка. В глазах гуляла острая шероховатая темнота, лёгкие светло жутким воспалённым спазмом.

Даглас закашлялся, надрывно, булькая, от губ потекла вязкая мазутная струйка. Кровь, смешанная с сажей, разъедала нёбо терпкой горечью, сердце поперхнулось и пропустило удар, выстрелив в голову слепящей свирепой болью.

Казалось, припадок длится веками, разлагая тело на гниющее зловонное мясо, безжалостно сжигая его в мокрый пепел... И снова, и снова, и снова...

– Даг? Всё хорошо?

Глухо обеспокоенный голос Лойс вывел печника из мучи-

тельного, удушливого оцепенения.

– Д... Да... Я в порядке, – пытаюсь сипло отдышаться, ответил мужчина. Морозный тягучий воздух потёк в истрёпанные лёгкие, пламя вспыхнуло, с кровавой жадностью хватая живительный холод.

Он соврал.

Зачем? Может, чтоб девушка не теряла безмятежное чувство безопасности, впервые за долгое время так нежно подаренное ей. Он не может оплошать, это убьёт её без следа, размажет по раскалённому бытию. Они оба погибнут...

– Я вижу... – с мрачным недоверием сощурила глаза Лойс, растерянно посмотрев куда-то в сторону гневно трещащей и трепещущей жаром топки печника. – Ты болеешь?

– Возможно... но это не важно, – Даглас слабо, умиротворённо улыбнулся, смятенно показывая снаружи мужественную уверенность, хотя всё тело изнутри тлело болью, словно изрезанное тупой пилой на куски. – Идём скорее, нам надо успеть на паровоз.

Печник дружелюбно протянул спутнице руку, второй торопливо стирая с губ кровь. Алые капли уродливо впитались

в белую шерсть свитера, но мужчина не обратил на это внимания.

Девушка замялась на мгновение, но легонько сжала его прикрытые помятой перчаткой пальцы. Может, она просто не привыкла к такому самопожертвованию, поэтому так по-звериному огрызается... Но печник благодушно даёт ей шанс, смиряется с её отвращением, берёт её с собой, чтобы укрыть от подступающей ледяными шагами смерти.

Значит... ей стоит отдать ему должное. Согласиться на помощь, как бы сильно он её ни бесил.

3

Трупы...

Сваленные ломаными, разодранными в мерзкие, склизкие и кровавые ошметки, гнилые, могильно угасшие.

Земля с мокрым хлябаньем проваливалась под ногами. Из неё, как из грязной зловонной бездны, торчали измученными оскалами покорёженные останки печей, оторванные руки и ноги, покрытые размазанным слоем пыли и крови, головы с открытыми в истошном предсмертном крике ртами и бледными, высохшими до рыжих трещин, глазами.

Тела стелились по земле грудями мяса и железа, словно беспорядочно опавшие золотистые от ржавчины листья. Беспорядочно опавшие, замершие в посмертном вечном молчании.

Худые и синие от сырого дрянного холода ноги в истрёпанных дырявых ботинках осторожно ступали меж хрупких, трухой рассыпающихся перед глазами мертвецов, испуганно поскользываясь.

Ступни нестерпимо саднили, будто в них вбили дюжину гвоздей, выворачивающих мясо наружу при каждом шаге. Нервы воспалённо пульсировали, отдавая лихорадочной темнотой в глаза и сковывая тело душной слабостью.

Он так долго шёл, а поле трупов всё не кончалось.

Мысли растерянно барахлили, голова заполнилась до одури терпким дымом. Больше ничего, только шероховатый звон в ушах...

Мальчик потерянно сел под осколок серой покрытой разводами извести стены, подобрал стёртые в кровавые клоки колени к груди.

Лёгкие измотанно гудели, наполненные сырым паром, он

нервно вздрагивал, чувствуя, как гадко замерзает его сердце, неслышно пропуская удары и болтаясь в лоне, как мёртвый кусок плоти. Безжалостный весенний мороз словно зверски содрал с него кожу, изломал кости в ледяной прах.

Огонь тревожно задыхался, безвольно ползая по дну печи. Бледные растрёпанные отблески впитались мокрую землю, гуляли жёлтыми змеями по стали печей, задушенно погасших в палых обмякших телах, застревали сизыми искрами в траве.

Поле беглыми вспышками меркло, словно ныряя в тьму бешеными рывками, застилалось мутной кровавой водой.

Слёзы засохли грязными струйками на пепельно-белом осунувшемся лице с равнодушно подёрнутыми слепым туманом глазами.

Он уже ничего не чувствовал.

Казалось, он потерял сердце где-то там, среди бесправно убитых. Один, покорно обезумевший внутри груды железных костей, гниющего мяса и мерзко сжирающего кожу смрадного дыма.

Если бы только он мог умереть, чем видеть всю скорбь ми-

ра, истошно отрекаясь от эмоций и неумолимо сходя с ума...

Если бы...

Всё погибло. А он остался жив.

Мальчик измученно спрятал голову в колени. Из хрупкой полудрёмы к нему неслышно протянула руки тень, источающая трепещущий свет, такой незабвенно тёплый и ласковый, что хотелось надрывно рыдать от неистово печального чувства потери. Она что-то далёкое и расплескавшееся тихим эхом говорила безумно родным голосом матери и с предсмертной горькой нежностью гладила его по голове. Отец со своей косой от шрама ободряющей улыбкой гигантской ладонью потрепал его за плечо, пропадая в трясине уставшего сознания. Их полные тяжело скрытой тоски слова, признания, мольбы, сожаления... они то возникали всполохами огненного треска, то медленно уходили, глухо впитываясь в мрак.

Неужели это последняя встреча перед концом?..

Их нет, они лежат среди трупов. Он жив и совершенно одинок.

Звуки мешались в безобразный шум, в рёв умирающей

твари, призраки истерично рябили, рассыпаясь в прах, их лица гадко рвались на кровавые куски, мокрым грохотом падая вниз.

Холод беспросветного ужаса дробью ударил мальчику в затылок, непроизвольно брызнули слёзы, неуютно колкие, как шипы репейника, вросшего в его красные глаза. Поле неспешно поплыло, тревожно рухнуло небо, поглощая багровыми каменными тучами, угловатыми и сырыми, томно угасшую землю...

– Ау!

Торопкий настороженный шёпот вонзился в уши до треска. От неожиданности пламя метнулось назад, беззащитно вжавшись в инистую железную стенку. Мальчик вскинул голову, напрягся, каждая жилка запуганно дрожала, хрупко ломаясь от жуткого бессилия. Ноги не слушались, словно дырявые тряпки, пропитанные ледяной водой, и скиталец подобрал колени ещё ближе, словно стараясь слиться с кирпичами грязным полотном.

Сердце ударилось в дребезг, в глазах резко потушили свет серыми разводами, дым мерзкой слизи осел в горле.

Перед ним сидела на коленях девочка в белом платье. Пе-

репачканная в земле и крови, будто втоптаный в пыль лан- дыш, она с мирным сожалением протягивала к нему руку. Совсем маленькая, лет восьми, с пылким румянцем на ще- ках, широкими серыми глазами, похожими на кроткое зим- нее небо, и золотистыми волосами, заплетёнными в длин- ный хвост чёрной лентой. Среди смрада смерти и ужаса та- кое невероятно милое лицо выглядело таким богоподобным, что от шока у мальчика чуть не остановилось сердце, устало хрипнув.

Что она делает здесь, неужели потерялась?.. Разве она не видит, кто перед ней?.. Почему не бежит прочь с рыданиями, как все человеческие дети?..

– Не бойся, – девочка в пыливой растерянности огляде- лась и тихо чистосердечно заверила, стараясь поймать взгля- дом бегающие глаза бедняги: – Здесь никого нет. Я тебя не обижу.

А он всё ещё не смел поверить в то, что видел. Мир страш- но дёргался от потока слёз, огонь тщетно тянулся синими гиблыми языками до сердца.

Может, он всё же сошёл с ума и смерть появилась перед ним в виде девочки в белом платье?..

– Ты ходил долго, да? – догадливо спросила девочка, переводя хмурый от печальной задумчивости взгляд на его голые избитые ноги в истончавших подошвах.

Она говорила тихо, словно с пичужкой в силках, почти задушенной собственными трепыханиями, но ещё живой. Не убийца, а спаситель. Пришибленный дрянными чувствами страха, тоски, жалости, с белым подолом в крови... Но ещё крепко вцепившийся зубами в мир.

Девочка сняла с плеч сумку и начала обеспокоенно там рыться, ища что-то. На свет появилась деревянная расчёска, связка угольных карандашей, гербарий, маленькая потрёпанная и засаленная книжка, щекотно отдающая спиртом. Пахнуло кислым запахом микстуры, пропитавшим дерево.

– Держи, – незнакомка слегка пододвинула свои находки руками в сторону голодного замёрзшего бедняги. Она с наивной неловкостью поёжилась, бурно соображая, как заполучить к себе доверие. – Ты же ешь дерево? Мне не жалко.

Отзывчивая щедрость девочки заставила парня прийти в себя и расслабить сведённые воспалённой судорогой ужаса плечи. Алая тина с глаз начала уходить, мир прояснился, как под трезвенно ярким прожекторным светом.

В разъедающем душу мраке что-то проснулось, ничтожное, но неожиданно сияющее. Он ещё не понимал этого чувства, заставлявшего его пламя возбуждённо трепетать, наполнять голову липким жаром.

Надежда на лучшее? Существует ли всё ещё такое странное чувство, доводящее до счастливых иступлённых слёз?..

Да.

Беглец аккуратно подполз ближе, волоча расплавленные усталостью сбитые ноги. Волнение улеглось, он, наконец, смог ощутить себя в безопасности, воздушное тепло окутало его, и паническая разбитая дрожь нехотя ушла глубоко внутрь.

Мальчик отодвинул щеколду на печной дверце и, горстью собрав все «угощения», погрузил их в пламя. Огонь довольно заурчал, давясь углём и треском, взвился рыжим припадочно пляшущим факелом.

– Спасибо... – скрипнул надсадным, едва слышным голосом скиталец, выдохнув душистый серый дым в ладони, болезненно почерневшие от заморозков. Сердце наскоро наладило ритм, с металлическим лязгом подгоняя утраченные силы.

Он поднял голову на спасительницу, обращая к ней полный восторженной благодарности взгляд почти ослепших от безмерного горя глаз. Девочка не видела подвига в том, что сделала, и отдавать отчёт этому не хотела до брезгливости, всего лишь вдумчиво слушала свои мысли, руководимые определённо чем-то глобально безумным и в то же время невероятно человечным в её голове.

Все, кого он любил, необратимо погибли, оставив его совсем одного, без защиты и близкого тепла. Невыносимо видеть, как смерть упорно забирает жизнь маленького несчастного существа, перетерпевшего столько недостойной карающей боли.

Нельзя так умирать.

– Ты потерялся? – поинтересовалась девочка, сама прекрасно зная ответ. Она слышала со своей улицы безжалостные отзвуки хаоса, и безрассудное любопытство дёрнуло её в самую гущу падали. Искать в геноциде хотя бы одну маленькую жизнь.

– Д... да... – он обнял руками плечи, с жгучей ненавистью, пускающей ядовитые острые корни в самую душу и сминая её в пустоту. Осознание, что остался один... оно вер-

нулось таким всплеском могильно тяжёлого отчаяния, что ландыш перед ним снова скрылся в шершавой шумной темноте...

Но его тоскливые гиблые мысли прервала ладонь девочки, уверенно и дружелюбно сунутая ему под нос.

– Идём, сейчас дождь начнётся.

Он взял её руку своей чёрной когтистой лапкой и медленно встал, пытаясь унять противное головокружение. Куда она его поведёт? Думать не хотелось, мозг трещал гулко и раскалённо, ломая череп на саднящие осколки. Будь что будет, во всяком случае, он доверял ей больше, чем бурно ревущему наступающей грозой адскому небу.

Они шли сквозь вязкий прохладный ветер, застревающий в одежде и волосах ледящими комьями. Тропинка через выжженное до пепельно-чёрной рыхлой земли поле кончилась брусчаткой, начали вылезать из земли здания.

Когда двух маленьких путников полностью окружили разноцветные строгие стены и укоризненно смотрящие мутные окна, незнакомка обернулась, продолжая тянуть парня за руку, и с неподдельным интересом спросила:

– Я Нона, а тебя как зовут?

Операция по спасению всё ещё вызывала тревожное недоумение у сироты, но он послушно плёлся за Ноной, вдумчиво смотря на её кудрявый встопорщенный затылок.

Утешение понемногу преобладало над метущейся в безвыходной грусти и дремучем страхе душой, и мальчик ответил, слабо, но лучезарно улыбнувшись:

– Даглас...

Даглас вёл Лойс под руку по тропе через перелесок, ползущей к вокзалу. Деревья свисали сверху мокрыми белыми обрывками, покрытыми снегом, словно встопорщенным мехом. Сугробы обхватывали фонари, залезали беспорядочными морозными узорами на их облупившиеся столбы.

Дряблый дым и прозрачный, рябящий по воздуху пар медленно застревали в спутанных кронах.

Об спину Лойс шмякнулся рыхлый снежок. Девочка возмущённо обернулась и заметила, как нарочито отставший Даглас, посмеиваясь, прячется за стволом берёзы. Дважды просить девушку не нужно, и она, полная азарта попасть печнику прямо в лицо, смяла снег и метко швырнула его в лу-

каво прищуренные латунные глаза, смотрящие из-за дерева.

– Ах ты ж! – демон по-совиному задорно расхохотался, сбрасывая с лица расплавившиеся водянистые ошмётки.

Девочка язвительно высунула язык, за что получила снежком в грудь, в ответ разозлённо схватила в охапку ледышку и кинула в мужчину, но тот увернулся гибко и быстро, как ветер.

– Эй! Я в домике! – Даглас сложил руки над головой, изображая крышу, и улыбнулся широко и весело, выявив ямочки на щеках.

– Так не честно! – в животном бешенстве гавкнула Лойс, разъярённая своей неудачей до отвращения к себе.

– А ты давай, поймай меня, черепашка!

Дразнится... думает, она... она Макар, на которого все шишки валятся?..

– Э, рыжая манда!

Лойс, не оборачиваясь, малодушно стерпела брошенное в затылок оскорбление. Билл Кинг обычно огрызался на неё

так по десять раз на дню, если не двадцать, особенно – после того, как ночью измажет её лицо углём. А ещё пастой, навозом, протухшими яйцами...

– Да ты глухая или чего?..

Девочку грубо схватили за плечо крупные пальцы. Она всё же нехотя повернула голову, упёршись глазами в жёлтые, обросшие чёрным кариесом зубы задиры. Он обиженно скалился, как крыса, у которой отняли мусор.

– Отстань, – Лойс уже научная горьким опытом перекинула косу на грудь, чтобы у парня не появилось соблазна содрать скальп с её головы.

– Поднос отдай. Сегодня не хаваешь, – Билли требовательно протянул жирную руку, с гнусным превосходством улыбнувшись. Его наглые глаза навывкате, как у рыбы, высверливали в голове у девочки пару кровавых дыр.

– Скройся, фаршированный.

Такой непростительной дерзости мальчик не ожидал. В здравом уме никто не смел на него наезжать, даже ребята одной с ним весовой категории, и единственная, кто его рот топтала – эта уродливая тощая свинья. Борзая, потому что

бесстрашная?..

От злости Билли заскрежетал зубами, подняв верхнюю губу, свёл брови так, что его маслянистые глаза чуть из орбит не вылезли.

– Слышь, – парень сцапал девочку за грудки и дёрнул к себе так бесцеремонно, что её деревянный поднос перевернулся, и порция пресной овсянки с водой плашмя впечаталась ему в льняную рубашку, едва застёгнутую на все пуговицы. – Ты вякай поменьше. Забыла, что вчера было?

Лойс плохо забывала причинённую ей боль. Тем более, когда это продолжалось буквально годами. Её холодная строптивость бесила горца-хулигана, привычного к беспрекословному повиновению, и поэтому она всегда одна из первых попадала под удар, даже несмотря на то, что гораздо меньше и слабее.

День назад он избил её поленом. До сих пор болят руки, которыми она тогда смиренно прикрывала голову для защиты. Слезы высохли, а саднящие до судорог синие полосы остались.

Но так просто она не даст себя сломать... Если доживёт, конечно, до момента, когда сможет воткнуть вилку этому

мерзкому жиробасу в глаз.

– Я помню.

– Брысь отсюда, дура.

Девушка отошла, освобождённая от хватки, и поставила на стол пустой поднос. Её плечи припадочно тряслись от униженного гнева и доведённой до безумия скорби. Но плакать она уже не могла, только яростно дышать, не в силах никак противостоять и ему, и самой себе.

Слабая, немощная, глупая...

– Ты, черепаха безобразная. Быстрее, твою мать!

Когда Лойс уже собиралась уходить из развороченной в хлам шумом и зеваками столовой, Билли остановил её, чуть не сломав в своих толстых пальцах её предплечье. Опустился к её уху, грязно дыша солоноватым смрадом ей в лицо:

– Ты думаешь, тебя полюбят и домой заберут?.. Мечтай, шлюха тупая.

Даглас растерянно остановился, увидев, как Лойс бесстрастно замерла с поднятой рукой. В глубоко беспокойных

глазах девушки плыли нити белёсых вздрагивающих слёз.

Потеряшка неспешно опустила ладонь, будто окунутая в транс мутной ледяной воды, снежок мокрым комком выпал из её пальцев. Она ощущала... пустоту? Ярость и расстроенный азарт сменились на унылую надоедливую мелодию в голове, будто кто-то со всей психованной дури бьёт скрипку о лестничные перила.

Почему она подумала так?.. Тем более о нём...

Даглас стремглав подошёл и тревожно протянул руку, собираясь добродушно взять девочку за плечо в качестве поддержки, но побоялся её недовольства и передумал, неуверенно одёрнул пальцы.

– Извини, если я напортачил. Не хотел.

Лойс безжизненно опустила голову, глядя на налипший на сапоги снег, блестящий перламутровыми переливами.

– Это я. Я напортачила. Ничего.

– Мы оба дурачки с тобой, – несогласно нахмурил брови печник, поджав губы в неловкой улыбке.

Девушка ухмыльнулась, уже в чуть более приподнятом настроении. Как-то у мужчины получалось располагать к себе и делиться частью своего тёплого позитива, даже такой ничтожной.

И то верно.

А кто не дурак в этом чёртовом мире?..

Они продолжили дорогу, уже не решаясь дразнить друг друга снежками.

– Куда мы идём? – бодро отбивая обледеневшую дорогу хрустом шагов, спросила Лойс.

– На вокзал, – разомлевший от опьяняющего кислорода, втянув воздух сквозь зубы, ответил Даглас, затем ненавязчиво поинтересовался: – Ездила когда-нибудь паровозом?

– Не-а...

Лойс озлобленно стеснялась своих постыдно малых знаний о внешнем мире, ибо его для неё за стенами приюта и колонии не существовало, словно за забором в самое небо упиралась чёрная титановая стена.

– Я думала это как автомобиль. Только на рельсах.

– Почти так, – мужчина мягко улыбнулся, подбадривая помрачневшую девушку. В её возрасте он сам поразительно мало знал о простых вещах, но двадцать лет совершенно другой жизни перекроили ему такое жалкое понимание действительности. – Но его не поймаешь, как извозчика.

– Тогда на вокзале ждать надо?

Даглас сам себя жутко оскорбил мыслью о том, что почти впервые поедет в транспорте, не заплатив. Но собраться в другой город стоило побыстрее, а задерживаться ради того, чтоб перехватить работу в несколько монет – опасно, тогда Лойс будет долго оставаться без присмотра, во враждебном ей мире.

– Ага, – заговорщически кивнул в ответ на хмурый застуженный вопрос печник. Он нагнулся к уху девочки и шепнул, глотая дым, неловко и в то же время с отзывчивой оживлённостью: – На билеты у нас с тобой денег нет, поэтому мы немножко схитрим.

– И как? – ошарашенно уставилась на взрослого серьёзного человека Лойс, не подозревая, как возможно так просто взять и обмануть систему. От лютого интереса у неё словно

самое нутро души забилося в нервных конвульсиях.

Даглас повёл её по тропе, оборачиваясь и слегка заведя назад руку, чтоб прижать девушку поближе, если она отстанет.

Впереди уже просачивались сквозь деревья мёрзлым блеском очертания изогнутого полукольцом в туманном архитектурном хаосе здания с высокими металлическими колоннами – вокзала. Кирпичная серая облицовка углов уходила под крышу, чёрную и черепичную, с гигантскими, предательски убитыми ржавчиной и временем часами с треснутым циферблатом. Стены осели от сырости, ступени, ведущие на перрон, обсыпались, захваченные густым инеем.

– Смотри, – Даглас размашисто показал на чёрный ход, откуда мускулистые парни в серых комбинезонах переносили на руках и тележках груз для перевозки, и заговорщически сощурился. – Время нам с тобой стать ящиком.

– Мы что, просто возьмём... и залезем... – Лойс осенило с такой нахальной силой, что она плутовски наморщила нос, по-хулигански улыбнувшись.

– Ага, – демон галантно взял девочку под локоть и торопливо повёл слегка в сторону, одновременно тщательно

просчитывая план. До заднего двора не далеко, оттуда всего один коридор до склада, и схорониться в один из более-менее больших ящиков не составит труда, главное сделать это незаметно, как проскользнувшая пыль.

Даглас сам откровенно удивился своей способности запоминать такие незначительные детали с первого косого взгляда, а ошивался он на этом вокзале от силы два раза – в поездке и по работе. Будучи кочегаром, мужчина часто захаживал на склад за углём для топки паровоза, но из трудолюбивой честности никогда его не прикарманивал. Ящики из-под горючего достаточно большие, чтобы вместить двух человек, хотя и вплотную.

Они зашли за здание, напоминающее сзади жуткую спутанную сеть из толсто покрашенных серым труб и перемотанных кабелей, так неожиданно отличающуюся от опрятного внешнего вида спереди. Как раз между двумя вылезающими из земли скобами вжалась в монолитную стену крепко сбита дверь, запертая на истрёпанную в стружки щеколду.

Даглас не решился радикально выносить проход плечом, поэтому тихо наклонился, выпустил изо рта влажный трепещущий жар, хрупкая железная полоска начала расползаться и таять, поражённая рыжеватым раскалённым отсветом. Глубоким прерывистым вздохом охладив скрипящее дурма-

нящим пеклом стальное горло, печник беспрепятственно открыл дверь и пригласительным жестом указал Лойс внутрь.

– Так просто? – осмотрительно подняла бровь девушка, проходя в широкое помещение с высоким потолком, расчерченным металлическими балками. Красноватый отблеск прозрачной вуалью полз по полу, застревал на стенах и грудах ящиков, мешков. Бетонный пол сухо пропах угольной крошкой, вдалеке из открытой двухстворчатой двери выносили груз, посвистывая и гаркая команды, будто вместо рабочих на перроне собралась стая возмущённых ворон.

– Не переживай, нам ещё в коробку втискиваться, – шутливо ободрил спутницу Даглас, легонько похлопав её по плечу. Её чудовищно злое чувство страха начало понемногу упорно цепляться и за его душу.

Нужный пустой ящик нашёлся быстро, хитро затерялся среди десятка огромных коробов, спешно относимых в грузовой вагон.

Даглас резво залез внутрь и помог забраться девочке, протянув ей руки. Лойс суетливо вскарабкалась по деревянной стенке и шмякнулась боком о дно, но подкладка пальто смягчила неудачный удар. Мужчина, надрывно треща корпусом, перегнулся через край ящика, подцепил с пола перепачкан-

ную углём крышку и, едва слышно кряхтя, натянул её сверху.

Печник сел в терпкой пресноватой темноте, неуютно сгорбившись и подогнув колени так плотно к груди, что рёбра чуть не прогнулись, Лойс поступила его примеру, настороженно, словно застигнутая врасплох зверушка, оглядываясь сквозь золотые, узорно выющиеся по деревянным стенам щели.

Вскоре послышались чёткие громоздкие шаги, к ящику, яро дискутируя, подошли двое грузчиков, и один из них попытался грубо толкнуть плечом короб ближе к навороченному шестерёнками подъёмному механизму, продолжая буйно ругаться с напарником о значимости материала поршней.

– В рот мне ноги, – гневно выпалил рабочий, недовольно заметив, что с места ящик двигается с трудом. Он попытался упереться в стенку двумя руками, и, заметив тщетные попытки коллеги справиться с раздражающей тяжестью груза, второй всей тушей навалился плечом рядом с ним.

– Тяжёлый, зараза! – ящик, наконец, лениво сдвинулся с места и понемногу заскользил по бетонному полу. Грузчик севшим от утомляющего напряжения голосом изумлённо рывкнул: – Чего они туда набросали?

– Небось чугунную ванну с гвоздями! – хохотнув, шутиливо съязвил второй, на что Даглас с обиженным возмущением закатил глаза. Небольшой ящик угля и печник весили примерно одинаково, хотя... один почти целиком металлический человек весом примерно в две с половиной сотни фунтов и девочка впридачу вполне окажутся тяжелее.

Но он далеко не чугунная ванна.

– Давай на раз-два, – предложил один из грузчиков, целенаправленно продолжая толкать ящик. В ответ поступило короткое, но ёмкое «Угу», и под дно начал ломиться отвратительный лязг. Короб бесцеремонно пихали на подъёмную корзину.

– И-и-и... Р-Р-РАЗ! – хлёстко скомандовал мужик, и короб трянуло так, что Лойс, не успев притормозить падение ногами, со всего размаху ударилась лбом о грудь Дагласа.

– И-и-и... ДВА!

– Не больно? – заботливо и едва слышно поинтересовался мужчина, беспокойно пытаясь с прищуром разглядеть лицо девушки в густой, как грязный морок, пыльной полутьме.

– Нет, – почти честно ответила Лойс, шумно вздохнув

сквозь зубы, чтоб ушибленное гнусное нытьё в висках быстрее сошло. Она не винила спутника за то, что у него от рождения железные кости, но слишком скабрёзно злилась на себя. Стоило держаться лучше... Только и горазда что лбом биться.

И зачем он спрашивает, больно ли ей? Что ему с этого?..

С бурным щебечущим дребезжанием паровой механизм оторвал ящик от пола и неторопливо, вразвалочку, сдал назад, после чего водрузил его в открытый вагон. Рядом шумно упало ещё с десяток ящичков, створки двери глухо, захрустев инеем, захлопнулись и, наконец, взвинченно визжащий гудок оповестил об отправлении паровоза.

Даглас шустро упёрся руками в крышку и резко поднял её, старательно до утрашения огляделся, уверившись, что они далеко унеслись от вокзала, а дверь прочно заперта, и грузно поставил нахлобучку к стене. Волнение угасло, как бесхребетный отблеск молнии в конце безумной бури.

Мерно стучали колёса, дробя рельсы и звонко спотыкаясь на стыках. Ничего кроме этого вдумчивого грохота и степенного гула мороза... словно всё вокруг вмёрзло в тишину и впало в беспокойную, но неподвижную спячку.

Даглас выбрался из ящика и помог спуститься Лойс, после чего задрал свитер, бережно открыл дверцу печи, и подвальную уныло давящую темноту разогнал дёргающийся в полусонном маньяческом приступе свет пламени. Золото кровавого оттенка, сминаясь и ломаясь в кривые осколки, легло на стены и ящики, каждая невзначай залетевшая внутрь через щель дверей снежинка мерцала мелким угольком и растворялась в воздухе невидимым паром.

– Садись, – мужчина стряхнул с себя пальто и заботливо расстелил его в углу. Девушка прислонилась к стене и прикорнула сверху, зябко подогнув к груди колени. Даглас плюхнулся напротив неё и начал готовиться ко сну, положил под голову мешок с песком, а накрылся сухой до крахмальной твёрдости холстиной, до этого покрывающей половину ящиков.

Странно, но Лойс ощущала себя так уютно, как никогда раньше за свою убогую жизнь. В хлёстком грохотании колёс, нежном и диком огненном свете, уголке на умильно тёплом пальто виделось что-то невероятное, будто враждебное, но при этом искренно доброе и родное, как то, чего с ней и быть не могло. Спину пробило короткой дрожью, словно выстрелом, но вместе с этим мучения закончились, отступили в тень злопамятными тварями.

Пару минут продолжалось неудобное смутное молчание, но девочка решила из навязчивого интереса добить уже почти уснувшего Дагласа вопросами:

– И всё же, разве ты не должен... Ну, жрать людей? Ты же демон.

Она всё ещё боялась, не доверяла монстру в человеческой шкуре, но он вёл себя настолько необычно для кровожадного огненного демона, что не спросить до победного казалось охальным.

– А зачем? Вы же такие же живые, как я, – без толики сомнения пробубнил Даглас, устало приоткрыв один глаз. Истина казалась ему настолько очевидной и простой, хотя он, с губительной тоской во всём своём одиноком существе, понимал, что бездна между людьми и печниками настолько непреодолимая, что любая заселённая рьяными сектантами в голову народа мысль о лютых беспощадных монстрах навивно примется за неоспоримую правду.

Неужели они так невинно допускают до ума, что чудовище может убить человека потому, что он не один из них?..

– Но... мы же... ну, люди, – девушка не могла уложить в голове то, что монстры, испокон веков считавшие немощ-

ного человека пищей, внезапно искренне признают его равным себе. От этой догадки сознание полыхало, расплавленным железом плескалось внутри черепа, разрушая в бесполезный пепел его стены. Все сурово вбитые с детства в мозг устои гибли под ним, и оставалась только безыдейная параноидальная пустота, заменить которую казалось невозможным.

– И что же? Вы далеко не все одинаково вкусные, – неловко отшутился мужчина, не найдясь, как ответить на такую наивную по детскому незнанию провокацию. Он не мог объяснить это мягко стесняющее душу чувство, родственное, доброе. Никогда ему не говорили, что люди достойны смерти, нет, они... всего лишь наши миролюбивые, хотя и слегка пугливые соседи. Может, в коротком задумчивом бреде печник хотел иной раз бессердечно отомстить за напрасную смерть своего народа, но кому? В этом всё виновато лишь бесхарактерное меньшинство, легко поддавшееся собственному обману, и ведомое, как козёл за верёвку, слабое и испуганное большинство, не осознающее того, что творит. А ведь среди них всё ещё есть те, кто не состоял ни в одной из сторон. Нона, например.

Лойс не оценила шутку и сурово сощурилась с толикой презрения. Она ненавидела проклятой гневной болью, когда ей указывали, а ещё беспощаднее – лжецов. Может Даглас

и заботится о ней из своей искренней доброжелательности и только, но разве он ни разу не убивал?.. Даже потому, что человечество, озверев, столько страданий причиняет ему и его народу?.. Не может быть, чтоб душа не прогнила от одержимой злобы. Пусть даже люди и дышат так же, как чудища, и пульс тоже бесится в их венах, бездумно торопясь к концу пути, обременённого существованием.

Даже если Даглас и не ест людей... то почему же он до сих пор так добр к ней?..

«Ты не они...»

Исчадие ада со светлыми помыслами казалось иллюзией истрёпанно вздрагивающего воображения, сбитого с толку отвратительным опытом и безумными словами прошлого.

Лойс подняла голову от колен и взглянула на мужчину, недоумённо, словно облитая ледяной водой и внезапно рухнувшая в пропасть между смыслом и хаосом.

Даглас с взволнованным трепетом осознавал своё шаткое положение. Он – демон, мрачное воплощение смертельной агонии и опасности, тварь, которую учили бояться и ненавидеть, истреблять до последней искры... И при этом за свою жизнь печник не позволял себе причинить кому-то боль, да-

же тем, кто достоин этого. Он способен на прощение и безвозмездную любовь к людям.

Это и отторгало измученную существованием до полу-смерти Лойс, которая в этих обычных чувствах видела только коварную гадкую ложь. Потому что ничего другого она и не знала.

– Пока мои сверстники ловили и закидывали в топку живых птичек, я мастерил для них скворечники, – хрупкой аллегорией выразился Даглас, медленно выпустив в потолок густую от серой копоти струю дыма изо рта. – Вот и весь ответ.

Это ничего не объясняло, да и сам печник едва ли мог понять себя правильно, не занимаясь постыдным и несерьёзным до раздражения самообманом. Просто... никто не достоин таких страданий. Даже самые ужасные, бездушные люди. Они не заслужили. А почему?..

Ответа нет, голова пуста и звенит, как толстый кипящий казан, раздутый и красный от кровавыми всплесками текущего жара...

... сквозь створки двери внезапно продрался шипящий скрип, явно непохожий на спокойный стук поездных колёс.

Кто-то с буйной яростью продирался внутрь, мощно выламывая руками стальную щель....

4

Нона умела мастерски справляться со своим плохим настроением. Исключением бывали разве что моменты, когда на схваченной морозом улице стоял жуткий гололёд.

Мостовая холодно застыла в блестящую корку, покрытую сероватыми разводами и белёсой снежной пылью. Положение усугублял яростными порывами набрасывающийся ветер, хлыстом отбивая лодыжки. Воздух выедал глаза до слёз, пробивая их воспалённой болью.

Удержаться прямо давалось с безбожным трудом, и, как бы отчаянно Нона ни старалась сосредоточиться, её мысли неуловимо утекали в отвратительную бессильную злобу, хотя на лице это отражалось лишь большей упрямой мрачностью. Женщина энергично переставляла ноги по дороге, осторожно нащупывая каблуками сапог цепкие трещинки во льду.

Внезапно над её макушкой хищно склонилась рябая желтоватая тень, и Нона вопросительно подняла голову. Дорогу ей преградили двое замученных погодой констеблей в чёр-

ной липко вымокшей форме, один из них держал в руках маленькую чёрно-белую фотокарточку.

Шмыгнув красным, искусанным морозом, носом, тот, что с маленькими усиками, показал медсестре фотографию и выверенно дежурным, чуть гнусоватым тоном спросил:

– Извините, вы не видели эту девчонку?

Женщина присмотрелась к неприятно чёткому зернистому снимку. Оттуда искоса смотрела прямо в камеру девочка лет двенадцати, худая, неопрятная, вся в веснушках и с волосами, собранными в высокий хвост. Она не выглядела печальной или напуганной, её совсем непроницаемые, грязно-хрустальные глаза выражали тупую злобу и гадкую усталость, словно она уже давно осознала всю эту погибающую перед её глазами жизнь.

– А кто это? – излишне безучастно поинтересовалась Нона, только потом заметив, что девочка стоит перед ростомерной разметкой стены, а на серой помятой рубашке выжжен номер 327. Её нагруженная, как сотней наковален, голова раздражённо витала где-то далеко, в больнице, куда врач ужасно опаздывала, но теперь неожиданно ясная догадка дала о себе знать взволнованной внутренней дрожью, словно перед искушённым и пугливым мотыльком включили огром-

ную горячую лампу.

Неужели это та самая?.. Глупости какие, Даглас же даже не сказал, как она выглядит.

– Малолетняя преступница, недавно сбежала из областной колонии, – быстро ответил второй, черноволосый и напоминающий лицом хмурого орла.

– Не-а, не видела.

Мало ли, сколько детей сбегает из подростковых тюрем, но в таком случае вряд ли правоохранители сосредоточились бы только на одной девочке. Значит, это нервное внутреннее чувство не соврало, Даглас приютил в своей печке именно этого маленького озябшего демонёнка.

Но она знала, что печник не стал бы спасать бессовестного убийцу, а уж если человека казнят за случайность... здесь невозможно проявить такое безжалостное хладнокровие, особенно Панневеру. Он точно не палач, а уж она – тем более.

И женщина соврала, со всем омерзением к смерти и напускной добродушностью.

Какие наглые, тут дама в беде, как корова на льду, а они ей даже на хорошую твёрдую дорогу перейти не помогут... Поделом.

– Спасибо, мэ, хорошего дня, – как мутное обязательство торопливо бросил констебль с усами и вместе с напарником пошёл дальше.

Нона уже собиралась продолжать злиться, но тут её руку ласково сжали тёплые сухие пальцы. Женщина в вопящем недоумении подняла голову и встретилась глазами со святым отцом.

Так они и стояли – она, невысокая, пухленькая, в берете и спускающейся до щиколоток юбке, прикрытой не менее длинным чёрным пальто, и он, долговязый и худой, как фонарный столб с горящими неживым серым блеском глазами, бездушными и до отвращения цепкими, словно у утопленника.

– Прошу вас, – отец Йонес учтиво поцеловал руку Ноне и беспрепятственно, как бы вальсируя воздуху, провёл её на тротуар, пятясь и даже не заглядывая за спину.

Отца безропотно уважал весь мир, его ангельская красота при солидном возрасте в полвека, непринуждённые манеры

и величественные слова захватывали голову каждого человека без остатка, сладко просачиваясь в мозг божественным образом. Когда он выходил на проповедь в белом балахоне, расшитым золотом, всё исчезало и оставался только он один посреди этого беспросветно кошмарного и грешного.

Нону он нисколько не впечатлял. Она не поддерживала убийственные идеи местной церкви, хотя бы потому, что бесстыдно "якшалась с дьяволом". С тем, кто эти "честные и беззаветно святые" поучения испытал на себе сполна.

К этому прелестному во всех отношениях человеку она испытывала лишь такое гневное презрение, что могла бы смертоносно разорваться, как наполненный ядовитым пламенем вулкан, но снаружи её лицо выражало невозмутимость бетонной стены.

Отец Йонес шёл рядом с Ноной, подстраиваясь под её сбитый бегущий шаг, словно их связали за ноги. Простуженно бледное солнце падало на его белоснежные волосы, заплетённые в длинный низкий хвост, черты лица казались ледяными и безупречно мягкими, растекающимися плавленным серебром под лучами. Веки томно прикрыты, губы постоянно ухмыляются, словно выбитые в мраморе на года. Божественно спокойное выражение, воцаряющее в сметенных душах долгожданный покой...

Глазами Ноны же он выглядел, как штырь с козлиной бородкой клинышком, который шёл за ней по пятам на верёвочке, даром что не блял.

– У меня есть к вам разговор, мисс Тайджер. Надеюсь, я могу занять пару минут вашего времени? – святой учтиво наклонился ближе, и его лунный лик дрожащей вспышкой проскользнул перед очерствевшим взглядом женщины, как прозрачный ветер. Она тут же неприязненно потупила глаза в землю, дабы не встречаться с ним зрачками, а то мало ли, на что корыстное и зловещее способен напыщенный сектант.

– Только быстро, я опаздываю... – перечесть такому высокопоставленному человеку себе дороже, тем более среди восхищённой толпы, замершей в бесхребетном оцепенении перед явившимся на улицу чудом. И, хотя так и подмывало демонстративно уйти и оскорбительно плюнуть церковнику под ноги, Нона вежливо добавила, соглашаясь и опуская опасно раздражённый тон: – ... святой отец.

Йонес виртуозно ощутил растерянные переживания Ноны, которые та уверенно скрывала за равнодушным выражением, и, с привычной лаской взяв её за плечо, вкрадчиво успокоил:

– Не переживайте. Храм совсем рядом с лазаретом. Мы побеседуем, вы согреетесь, и я вас отпущу.

Будто одолжение сделал.

Медсестра глубоко вздохнула носом, чтоб хоть немного успокоить впавшие в грозное бесчинство нервы.

Что же ему понадобилось? Небось, опять станет допрашивать, мол, крепка ли вера больных в Бога и выздоровление их... через молитвы... и куда делись Святые Законы в каждой палате...

До церкви шли молча, если не считать подбегающих людей, встревоженно и благоговейно спрашивающих что-то или благодарящих отца Йонеса. От бодрого гула хрупких, рассыпающихся в слёзы и смех голосов, улица словно разом ушла под откос и начала вращаться и бежать вместе с людьми, снег вихрился маленькими пышными бурями под их ногами.

Появились исполинская белая стена с голубыми изразцовыми наличниками окошек, три строгих кирпичных башни, увенчанные серебристыми мозаичными куполами и тяжёлая двухстворчатая дверь, обитая железными полосами. В колокольне над головой хищно щёлкнули огромные шестерни,

передвигая позолоченные часовые стрелки и запуская хитрый громоздкий механизм, лениво качающий колокола.

Долгий звон с усилием расколол холодный воздух и, панически дрожа, спланировал над городом, хрипотцой отзываясь в голубых трещинах мороза и застревая грохотом в смурных серых облаках.

Нона покорно шла за отцом Йонесом по коридору храма в его кабинет. Высокие сводчатые стены, врастающие в узорную потолочную роспись, будто с раненным стоном рушились с двух сторон и уродливо давили, как бы просторно ни было. Сердце сжало в жутких склизких тисках что-то неизвестное и одинокое, такого противного въедливого чувства от прихода в святую обитель женщина ещё никогда не ощущала.

Рябь из колонн, запотевших размытой серостью окон и зеркального мраморного паркета закончилась мягкой, неведомо лизнувшей глаза вспышкой огненного света.

Тяжёлые синие шторы на окнах кабинета душно задрнуты, на тёмном большом столе стоит всего один маленький бронзовый канделябр, и три оплывших свечи, пугливо поддёргиваясь, нападают сизыми искорками на темноту, поднимая от пола таинственный и неожиданно тревожный зеленоватый отсвет. Золотые обезображенные блики прыгают по стёклам длинного книжного шкафа и полкам картотеки.

Мрачные в гадкой и влажной, как в подземелье, обстановке вещи приобретали вид враждебных монстров, тихо спящих до тех пор, пока им не дадут приказ разорвать.

Святой отец разулся, бережно повесил длинную зимнюю накидку на крючок сбоку от двери и прошёл по густому истёртому ковру до стула, степенно опустился и поставил локти на столешницу, переплетя пальцы в снисходительном ожидании. Нона поступила его примеру, сбросила туфли, сняла пальто, кинула его на вешалку и, неуютно поёрзывая, плюхнулась напротив Йонеса на сиденье.

– До меня дошёл слух, что вы уже давно от нас кое-что скрываете, мисс Тайджер, – мужчина в настойчивом принуждении наклонил голову, сухо наблюдая за действиями Ноны. Он пытался бесчувственно сломать её взглядом попо-

лам, вытаскивая признание, притаившееся с суровой осторожностью глубоко внутри.

Врач всё очевидно поняла без слов и прогигаться, а уж тем более ломаться под власть имущим не собиралась. Если он думает, что она послушно хрустнет в его пальцах, как тоненькая лучинка, то стальную рельсу он уж вряд ли может скрутить в бесполезный мямлющий мусор.

Отстаивать своё Нона умела как никто другой. А ещё лучше у неё выходило молчать и держать лицо бетоном.

– Мне от вас нечего таить, святой отец.

Заметив уверенно и сердито нарастающую защиту от претензий вокруг Ноны, Йонес невозмутимо приступил к фактам, хотя через его туманную прозрачную кожу струились синие набухшие раздражением жилы, а нервы оскаленно потрясывали сведённые болью плечи.

– Недавно в архиве при разборе военной хроники попалось случайное письмо одного из солдат, вшитое в документ как приложение. Во время Громогласной Войны Ленс Уордек лежал в вашем лазарете, и описанное им в тексте меня... мягко говоря... удивило, – святой отец недовольно откашлялся в кулак, в очередной раз с заведённостью помешанно-

го бегая глазами по строчкам на листе и продолжая хитро и миролюбиво улыбаться, словно других эмоций выражать не умел, из принципа или нерв зажало. – Здесь сказано, что вы, мисс, работали в паре с дьяволом. С печником. Потрудитесь объяснить.

Голос Йонеса неумолимо дрогнул в конце торжественно и одновременно ненормально угрюмо обличающей фразы. Произносить слово "дьявол" давалось с кощунственным отвращением, будто в рот силой заливали кровавую болотную грязь и шантажом заставляли глотать. Как такая непорочная с виду женщина могла так позорно пасть на самое дно этой огненной змеиной ямы?

Нона в тяжёлом недоумении подвинулась ближе. Что-то упало у неё внутри, словно вниз швырнули чертовски страшную бурю, грудную клетку сжало в мерзкий клокочущий комок, сминаящий сердце в безвольную размякшую грудку, трясущуюся от панического ужаса. Она хмуро присмотрелась к письму, которое мужчина услужливо развернул к ней. Не может быть, чтобы эта несчастная церковная секта узнала об этом сейчас, прошли годы, и одна глупая роковая случайность...

"Дорогая моя Клара!

Я боюсь писать об этом, у меня дрожат руки. Я не знаю, взаправду ли это, или я совсем потерял голову на этой чёртовой войне.

За мной и другими сослуживцами в лазарете ухаживает очень милая девушка, право слово, я чувствую, что с её руки начал идти на поправку. Если я не ошибаюсь, её зовут Нона Тайджер. Но дело даже не в ней, а в её помощнике...

Я совсем рехнулся, меня колотит ночами лихорадка, но клянусь, что своими глазами видел у этого парня печь в брюхе. Мне вряд ли поверят, если я доложу командованию, демонов перебили много лет назад... Один остался?

Медсестра ходит с ним по палатам, и они помогают раненым. Я уверен, что эта тварь питается человеческими трупами, Клара, я не верю, что он способен на сострадание.

Может, это плод моего воображения, но, когда из лазарета начнут пропадать живые люди, я подниму тревогу. Демон только прикидывается добрым среди нас.

А Тайджер ему потакает. Потакает этому чудовищу. Если бы я не был прикован к постели давно бы убил их обоих...

Очень переживаю за тебя. Надеюсь, всё будет хорошо.

Жду ответного письма, люблю,

Твой Ленс."

Нона хорошо помнила Ленса. Он мучительно умер от лихорадки через несколько дней после того, как написал письмо жене.

Где-то они допустили оплошность, и больной заметил печку Дагласа, но ещё тогда они договорились, как медсестра будет отвечать, если её неожиданно спросят.

– Это мой брат, – не выразив ничего, кроме печального безразличия, заученно и сухо ответила Нона, будто этот вопрос жадно сдвинул ей тоскливыми воспоминаниями горло. – Сводный от другой матери. Он погиб в той войне, и я сама хоронила его в братской могиле. Если вы верите словам, написанным больным лихорадкой человеком при смерти, то мне вас жаль.

Она не решилась с оскорблённым превосходством смотреть на пристыженного такими резкими словами отца Йонеса, но вздёрнула бровь, словно сомневаясь в том, что он выдвинул против неё.

От такой наглости мужчина уязвлённо отпрянул и до хруста стиснул зубы, но, чтоб не терять наглухо привязавшийся образ благодатного святого, быстро улыбнулся и охладил беспокойный потерянный взгляд до мертвецки цепкого.

Основания не верить Ноне под рукой не оказалось. Ведь при лихорадке может показаться столько адского ужаса, что демон с печкой под рёбрами становится не удивительным видением в воспалённом мысленном хаосе.

– Я раньше не слышал о вашем брате, даже во время войны, – попытался подловить женщину Йонес, но та с завидным спокойствием ответила, скептически опустив веки:

– Вы думаете, аристократ с громкой фамилией стал бы распространяться о детях со стороны? Вы плохо знаете моего отца.

Убеждённый наконец в словах мисс Тайджер, отец Йонес примирительно протянул руку, не спуская своей наигранной душевной улыбки. Нона без благоговейного восторга коснулась его внезапно сухих и прохладных, как у ящерицы, пальцев и сжала их, прощаясь.

Женщина оделась и вышла из храма.

Несмотря на то, что она так легко отделалась ложью, она всё ещё жутко переживала за Дагласа, её слегка потряхивало от мучительного чувства ужаса, вросшего в сердце, питающего его парализующим ядом, от которого мутнело сознание. Что если святой отец не поверил ей, а только прикинулся дураком?

Она не знает всей правды, но время покажет, кто останется в выигрыше.

Когти продолжали раздвигать двери, сминая металл, как сырую глину.

Настороженный Даглас проворно вскочил и принял боевую стойку – расставил ноги, развёл руки в стороны и наклонил голову, словно разъярённый атакующий бык. Его сердце разогналось от уродливо вьёвшегося в мозг волнения, поршни начали пыхтеть, наливая тело горячей клокочущей кровью, он застыл, как связанный цепями. Казалось, от единственного движения его разорвёт пламенем в прах.

Что это, оно враждебно? Если Лойс пострадает он себя не простит.

– Даг, что это? – девушка вжалась в угол вагона, испуганно наблюдая за борьбой когтей с дверью. Ей казалось, что она беспробудно увязла во мраке, бесовские вспышки маниакально метались у неё перед глазами, грохот колёс и голос печника отзывались в ушах бессмысленным рёвом.

Она боялась.

Что если её убьют? Или она останется совсем одна?.. Это страшнее смерти...

– Ну, это точно не ветер. Сиди тут, – Даглас мужественно выдохнул рвущиеся из горла клубы чёрного бархатного дыма и медленно подошёл ближе к двери.

В сию же секунду створки, рывкнув металлом, разъехались в стороны, и внутрь через щель втиснулось существо, напоминающее облако разбитого тумана, с размытыми чертами и десятком тёмных кошачьих лап, но постепенно оно начало принимать форму человека, скручиваясь и стягиваясь в плоть.

Мужчина, нечто с совершенно белой, словно вылепленной из невесомого снежного отблеска кожей, серыми длинными волосами, волочащимися понизу хвостом, и десятком чёрных когтистых и костлявых рук с каждой стороны. Под

светлым балахоном скрывались ноги, похожие на птичьи, их когти тихо царапали выстланный досками пол. Бескровное узкое лицо с двумя мутными тёмными колодцами вместо глаз, губы содраны и челюсти выставлены наголо, обнажая острые, как у щуки, зубы. С локонов, одежды, рук и из дыр глазниц текла непонятно откуда вода, чистая до стеклянной прозрачности, невидимая и неслышимая, но коварно подбигающая к ногам неосознанным живым видением.

Существо сделало пару уверенных шагов к Дагласу.

– Ох, какие мы злые.

Голос, будто журчащий из ведра, наполненной умирающими плещущимися рыбами. На удивление для самого себя Даглас был спокоен внешне и пришиб все свои бесполезные эмоции, в то время как пламя металось в жутком терзающем хаосе, голодное и кровавое.

– А с тобой по-доброму убьёшься, – мужчина щёлкнул спиной, слегка наклонившись в сторону. Что-то ритмично зазвенело в его нутре, с азартным треском билось о стены, шипели в тугом напряжении поршни.

На секунду воздух опал на пол под мутным запахом гари и холодного дождя, и тут же существо выпрямилось, бесшум-

но раскрыло зубастую пасть, и все его десять рук, растягиваясь и завертевшись в рваный жгут, кинулись на Дагласа.

Печника с впечатляющим треском швырнуло к стене за плечи, но он вовремя согнул ноги, оперся ступнями о металлическую грохочущую поверхность и, оттолкнувшись, кувырком вывернулся из лап монстра.

Битва окоченело завораживала и одновременно до потери рассудка пугала Лойс. Она не моргая наблюдала за Дагласом, пухом летающим над полом, и не понимала, как такое тяжёлое металлическое создание вообще способно резко и ловко передвигаться. Но дело даже не в этом...

Они знают друг друга?.. Кто это?..

– Я тебя долго искал, где ты прятался, а? – пришелец угрюмо свёл белёсые брови и мерзким пауком промчался по потолку, кривыми когтями пальцев легко пробивая сталь. Кажалось, под ним покорно проминается всё пространство, и он способен свалить одним жалким ударом гору, если сильно постарается, но демон ему не уступал, бегло уворачиваясь от липких мокрых рук, жадно ползущих к его пламени.

Потолок опасно завибрировал, как кожа на барабане, с него внезапно ударила вниз пенистым стонущим каскадом

вода, скверная, чёрная и вязкая, словно машинное масло. Согнувшись, надёжно прикрывая печь руками и одеждой, подставляя спину под гневную атаку плотоядного склизкого дождя, Даглас скрылся за ящиками. Тварь ползала по вагону, бессмысленно раздирая внутреннюю обшивку и оскорблённо рыча, как раненный волк в капкане. Как только пламя скрылось под пальто и влажной завесой, всё резко упало в беспокойную, идущую кувырком, тьму.

Печник ощутил тревожное слабое прикосновение к его руке, обёрнутой перчаткой.

Лойс настороженно, инстинктивно схватила его за плечо, подползая ближе, как последнюю догорающую среди оглушительного ада соломинку, мокрая в пух и прах и с глазами, бездонными от добившего голову ужаса, будто сожравшими весь свет потерянной шириной зрачков.

– Кто это? – шёпотом прохрипела девушка, пытаясь в темноте разобрать хоть одно скачущее очертание монстра.

– Душехват, это призывной дух, демон, который веками с нами на одной земле воюет, – отвлечённо пояснил Даглас, быстро на мучительном разгоне пульса думая, как выбраться из такой неудобной ситуации. Он не хотел применять своё последнее безрассудное решение, но ему пришлось.

– Выходи. Тебе терять нечего, все твои померли двадцать лет назад. Знаешь, как меня злит, что на земле до сих пор ползает одна недобитая печная блоха? – душехват, наконец, остановился, с хлюпаньем втянув носом воздух, и с потолка спустился на пол, продолжая бесшумно ползать на четвереньках, как уродливый дракон в луже застоявшейся воды. В его словах плавало столько ядовитой злости, что она словно выжигала гадким смрадом всё вокруг, окрашивая дождь в уродливые багровые цвета.

– Одна?... – собственный голос поздно толкнул в развороченной голове Лойс безумное осознание всего происходящего бреда.

Даглас... соврал? Точнее... он не сказал, что он единственный демон в мире! Нашла защитника на свою голову... Да ему самому помощь нужна!

Она не знала, как описать это беспокойное саднящее чувство. Обида или злость... дичайшая ярость, пробивающая на слёзы от такого бесчеловечного предательства её эмоций и того умиротворения, которое только начало понемногу крепнуть в её сердце. С каким дьяволом она, дура, связалась?

Нет, нет... они все одинаковые...

В крушащем череп потоке стонущих болью мыслей Лойс не заметила, как Даглас бесшумно вышел из укрытия. Она растерянно высунула голову из-за ящичков и прищурилась, пытаясь отчаянно разглядеть, что происходит в колотяще мокрой, погрязшей в белёсом дыму, темноте.

Всё мгновенно стихло, словно после меткого выстрела в небо, когда все птицы в страхе умчались, и над болотом взвился прогнивший запах смерти. Только вода с булькающим звоном разбивалась о пол, стекая с мерным раскатистым журчанием с потолка.

Два хищных зверя выжидают удобного момента для нападения, стараясь не попадаться друг другу на глаза.

Даглас стоял к девушке спиной, но та с коротким приступом замешательства заметила, как он напряжён, до припадочной тряски. Что-то тихо щёлкнуло и, ошарашенный неожиданно грохнувшим в тиши звуком, печник заглянул назад, широко раскрыв латунные глаза, сверкающие двумя золотыми монетами в удушливой суетливой темноте, словно у кота в чулане. За распоротой дверью нервным скачком мелькнул луч светофора, окунув в кислотно-зелёный кошмарную фигуру демона, сгорбленную, с длинными винтовы-

ми рогами, с хрустом прорастающими через череп. Когти вылезли сквозь перчатки прозрачными скрюченными иглами, а по полу бросился ёрзать и бить тонкий хвост.

Слабый глаз человека не смог уловить махом проскочившее движение двух монстров – одна туша зловеще упала сверху на другую, в то время как та кинулась ей навстречу громоздким мощным ядром и сбила с ног. Душехват, отвратительно шипя и беспомощно плюясь водой, пытался вывернуться из стальной механической хватки Дагласа, но тот оказался быстрее, вдавил его грудь коленом в пол, локтем прижимая шею так, что на ней вздулись и затрепетали синие вены. Десяток рук призрачным ветром кинулись к печнику, пытаясь ненасытно пробраться к его нутру...

... но внезапно раздался дьявольский рёв, потряхнувший вагон так жестоко, что рельсы заискрились под колёсами.

Весь Даглас пропал нескончаемо распадающимся в алый пепел кошмаром в огне, выедающем глаза до кровавых слёз, его рот разорвало в огромную кипящую рябым жаром пасть, челюсти выдвинулись вперёд, и тонкими стальными клыками печник с хлябаньем впился в грудь душехвата, с голодной яростью прогрыз его рёбра и дрожащей в адском мёртвом пламени рукой вырвал изнутри испуганно мерцающее мокрое сердце.

Дух рассыпался в жидкий туман, молча, без остатка сохранный огнём и поверженный. Дождь тут же прекратился, вода хлестала под ногами грязными лужами, утекая вон из вагона.

Даглас не ожидал от себя такого глупого поступка. Что он безрассудно пожертвует своим телом и разумом ради защиты крохотной бессильной Лойс и уязвимой печи, но выбора у него не оставалось. Девочка теперь напугана вусмерть, и он, бесчувственный садист, виноват в её разочаровании...

Сознание демона начало пропадать, гаснуть, беспокойно цепляться за покой и погибать в яростном плотоядном огне, лёгкие наполнились рвущим внутренности в кровь и гарь дымом, воздух застревал в горле, дыхание остановилось. Нагретое до измученного раскалённого шипения сердце натруженно трещало по швам, какой-то из поршней, хрипя, вышел из строя, забившись сажей...

Даглас опасно пошатнулся, перед глазами резко встала красная пульсирующая тьма, в ушах грязно билась оглушительным визгом кровь, ноги устало подкашивались, словно отрубленные и сгнившие до костей. Он выпустил из расплавленного металлического горла сдавленный стон измождённого

ной боли, плохо похожий на человеческий, крик раненного отощавшего зверя.

Он не мог вернуться в бывший облик, агония сдавливала его тело, ломала кости и опускала нервы в склизкий безумный холод. Нельзя так оставаться, нельзя, нельзя...

Девушка, всё это время незаметно сидящая у ящиков, насильно приняла опрометчивую и разрушительную мысль, что потеряет печника, если ничего не сделает. Привести кроважидное чудовище в чувства не легко, ведь никогда не знаешь, что ожидать от полумёртвого дьявола...

Где-то в деревянном от критического шока подсознании беглянка понимала, как беспощадно Даглас должен ненавидеть людей. Они не просто принесли непоправимый вред его народу – они извели его с лица земли. Горе не пережить, мёртвых оплакивать вечно, пока душа не сгниёт в слезах... Вечность одинокий обессиленный зверь из терзающего большого отчаяния и ярости кидается на всё неестественно враждебное, не находя покоя и утешения, но, может, стоит довериться тому, кто ни разу не обнажил на неё клыки?..

Лойс расторопно схватила первое, что попало ей под руку – что-то увесистое, металлическое, вроде как длинный бидон – дабы огреть обезумевшего от припадка Дагласа в

корпус, и со всего едва ли богатырского размаха, на орущем благими намерениями адреналине подняв тяжёлый баллон, с чувством треснула им прямо мужчине под рёбра.

Взрыв в страшном потоке грома всколыхнул половину леса и грубо качнул вагон так, что он едва встал обратно на рельсы, оглушённо переваливаясь и подгибая колёса. Мощный столб дурного дымного пламени насыщенного чёрного цвета рванулся изо всех щелей сжирающими кожу и глазницы искрами, выбивая заклёпки и гвозди с убойной силой выстрела пороховой ракеты.

Мрачный смог сбитой сизой гурьбой вывалился через расщелину двери, неуловимо царапая остывшим пламенем пол.

Даглас шумно, чуть ли не вывернув утомительно саднящую трахею наизнанку, откашлялся от дыма. Из его рта и носа отвратно зловонными ручьями хлынула кровь, смешанная с вязкой чёрной сажой. Надрывно кашляя и булькая, мужчина тяжело сел у покрывшейся мглистыми радужными разводами стены и, постарался восстановить ритм сердца. Дышать глубоко и медленно распаренной отекающей от температуры глоткой и смятыми лёгкими, поражёнными внезапным взрывом, давалось ужасно.

Лойс бодро встряхнулась, сбивая с одежды и волос кислый запах и грязные следы гари. Она не ожидала такого потрясающего эффекта от своего слабоватого удара, но ещё страшнее за больного, впавшего в паническую лихорадку Дагласа, хотя она уже в который раз напоминала себе, что она на него обижена, даром что уже избегать нечего.

– Как это... – безуспешно стараясь прояснить себе случившееся, начала девушка, но не придумала, как закончить, впав в дрожащий ступор от такого искромсавшего череп падения событий.

– Это пропан, Лойс. Пропан. Он взрывается, – на удивление невозмутимо пояснил мужчина, наконец ощутив, что его раненное, опавшее трупными кусками, сердце забилось хрипло, но спокойно, и внутреннее пламя перестало необузданно жечь тело. Даглас слишком устал для бурных эмоций, да и нагло злиться на девушку за то, что она пыталась помочь, казалось ему глупым. Разве ребёнок, всю жизнь закрытый в четырёх стенах, мог знать, как выглядит баллон с пропаном?

– Извини... – Лойс искренне и саморазрушающе пожалела, что ей в голову ударилась настолько глупая мысль. В груди словно что-то сжалось во влажный холодный комок и потерянно трепетало оттуда, льдом проходясь по коже. Ничему

её жизнь не учит, ну почему?!..

– Ничего, тебе и правда стоило это сделать, – Даглас вытер кровь рукавом, окончательно добив белую шерсть бурыми липкими пятнами. Если бы его так не швырнуло изнутри взорвавшимся газом, он бы не смог убрать этот назойливый пламенный шум из головы, безжалостно мешавший ему вернуться. Когда мозг внезапно отвлекается от адской боли легче всего сосредоточиться.

Девушка села рядом с ним у стены. С обоих неслышно капала вода, мерно отсчитывая бесполезно потраченные секунды и беспечно булькая в лужах мазутными пузырями.

Она решилась задать этот вопрос.

– Ты... совсем один?

Даглас не хотел говорить. Зашить себе рот или отрубить голову, но только не подло выбрасывать эту кошмарную тайну прямо девушке в лицо. Но она с таким разочарованным рвением пронизывала взглядом его отвёрнутый седой висок, что он не выдержал, чуя, как невыносимо раскаляется от дурацкого стыда.

– Я не хотел тебе говорить.

– Лжец! – яростно до беспамятства гавкнула на печника Лойс, вскочив с места дёрганным рывком, словно рядом с ней сидел голодный лев. Может, она в тайне надеялась, невозмутимо питаясь незнанием, что на земле вечно был мир за стенами её серого обиталища и заключения, но мимо неё прошла трагическая гибель целого народа, и теперь страшная война продолжается, но уже только с одним демоном...

Ей его... жаль? Сквозь сердитое непонимание, почему он так просто взял её с собой и подверг такой опасности, предназначенной только ему, прорывалось томительное желание узнать истинные намерения мужчины.

Если бы он сказал ей об этом с самого начала... что он совершенно один, и на него ведут кровавую охоту, как на хищного подбитого зверя... выбор Лойс бы ничуть не изменился. Ей некуда идти. И она готова спрятаться под ласковым крылом того, кто готов дать ей защиту ценой собственной безопасности. Ведь Даглас не собирался забрать её жизнь, он спасает её, но она, как всегда, превращает всех вокруг себя во врагов...

Ведь таких добрых людей не бывает. Тем более демонов.

А ему просто... не всё равно. Он безвозмездно заботится

о ней в то время, как люди перебили его семью, как полевую саранчу ядом... в то время как она ведёт себя просто отвратительно из-за страха и недоверия...

– Нет-нет... – Даглас приподнялся, сгибаясь пополам от тяжкой, шумно пульсирующей боли под рёбрами в криво выгнутой дымом диафрагме. Зря он откровенно молчал и врал, пытаясь дать ей то умиротворённое чувство безопасности, которое сам не ощущал никогда. Может, ей трудно осознать, зачем он так глупо жертвует собой. Он и сам понятия не имел.

Теперь она обижена на него, он снова облажался... Когда пытаешься сделать лучше всегда выходит так.

– Двадцать лет назад всё погибло... весь мой народ был уничтожен. Я каждый день смотрел на главную башню часовни, где постоянно сокращалось "число исчадий ада на святой земле", пока оно не дошло до нуля. Я остался жив благодаря случайности, о моём существовании не знает ни один человек, как и о том, что я пережил. Прости меня.

Печник говорил медленно и сквозь зубы, чтоб не выпустить из полумёртвого спокойствия срывающиеся тонкие отголоски давно застывших слёз. Даглас опустил обратно на пол и подогнул одно колено к груди, устало положив на него

лоб и впав в разрушительное уныние, схватившее хребет бурным колючим холодом, словно разросшимся розовым кустом.

– Я просто хотел, чтобы ты ничего не боялась. Чтоб в твоей голове не было всего того кровавого мусора, который вбит в мой же мозг по самые корни... Ты уже слишком много перетерпела для такого. Я хотел... во что бы то ни стало сделать так, чтоб мою судьбу не повторил ни один живой человек.

Ему не удалось прижать чёрствое чувство сострадания и противно отекающей по телу печали, и последние слова прозвучали, дрожа через гортань, хрипло и на выдохе, будто в истеричном протесте цепляясь за губы.

– Не может быть.

Лойс угрюмо отшатнулась. Он так же беспросветно одинок, как она. Ненавистный людьми уродливый демон, сломанный изнутри, как мутно застывший в прошлом, облитый кровью часовой механизм. Но готовый обогреть ещё одно такое же несчастное существо.

Дать ей то, что сам никогда не имел.

Теперь она всё поняла. И великодушные мужчины сжало

ей сознание в панически трясущуюся частицу, готовую взорваться на обрывки из прошлых глухих убеждений. Чтобы родилось что-то новое.

– В это трудно поверить. Я сам до сих пор не могу, – Даглас силой вытолкнул из дурно звенящей головы кровавое месиво жутких воспоминаний. Она теперь ещё больше испугалась... он монстр в её глазах, паук на железных ногах, который украл её и затащил в кошмар...

– Мне... мне жаль.

Внезапно едва слышный голос Лойс отвлек печника от бешеного пустого самокопания. Он поднял меркнувший взгляд. Бледное осунувшееся лицо расстроенной девушки вымокло в слезах.

Она так долго не плакала. Первый раз она выпустила из себя всю грязную ярость, тупой страх и... благодарность.

Находя невидимые причины для осточертевшей злобы, Лойс не учла, что ей не желали зла.

– Ох, Лойс...

Даглас в растерянном, чутком порыве испуганной вины и

сострадания, почти буквально терзающем в осколки его рёбра, бережно прижал к себе Лойс, маленькую, бесконечно печальную, с дрожащими губами и текущими блестящей рябью слёз глазами.

Ещё много времени утечёт, прежде чем она полностью доверится ему и перестанет клеймить дьяволом. Он так же глупо терялся, его жестоко бросало из крайности в крайность, как корабль без руля, но всё проходит.

Сейчас она спокойна, стыдливо прильнула к его жёсткой груди и тихо, подрагивая от нехоты уходящих слёз, слушает, как прерывистым лязгом бьётся его металлическое сердце.

5

– Даглас?! Даглас, вставай!

Он приоткрыл глаза, по зрачкам резанула мрачная красная вспышка. Демон медленно, будто плавал в густой смоле, тронул саднящий лоб. На перчатках остались липкие багровые капли, источающие синий сырой пар.

Кровь...

– Ты не ушиблась? – Даглас с трудом поднялся на ноги, будто его обязали цепями в неподвижный паучий кокон. Но-

на в ответ отрицательно помотала коротко стриженной головой.

– А вот ты – да. Чёрт тебя дёрнул спасти эту лошадь... – девушка недовольно бубнила себе под нос, хотя изнутри вся зябко трепетала от подавленного волнения.

– А что с ней?.. – печник принял из рук подруги бинты и начал наскоро перевязывать себе голову, как она его учила. Его меньше всего волновал дребезжащий до лихорадочного припадка колокольный звон, погребальный грохот и истошные человеческие крики. Где Вильгельмина?..

– Когда часовня упала, тебя отбросило, а её придавило. Вот результат, – Нона сухо указала на переднюю половину пегой лошади, безжизненно валяющуюся в красной кирпичной пыли на площади. По её голубому, заплывшему мертвенным бельмом глазу бегала голодная муха, а розоватые и склизкие лёгкие и кишки тянулись к растрёпанной груди деревянных балок и кирпичей, плюясь и харкая кровью.

Виски Дагласа сдавило до пульсирующей темноты, а к горлу мокро и мерзко подкатил комок печальной тошноты. Что же теперь делать...

– Соберись.

Голос медсестры ввинтился в голову сотней гвоздей, разрывающих мозг в беспорядочное месиво из внутреннего жалобного и потерянного с концами крика и глубоких, едва осязаемых мыслей. Перед глазами уродливо убитая морда Вильгельмины, обломки стен, разбитые колокола, ошметки живых людей...

Как... как тогда...

– Даглас Джордан Панневер! – в чувство его привёл мощный воспитательный подзатыльник от подруги. Та нетерпеливо нахмурилась, искренне расстроенная тем, что друг опять впадает в испуганную прострацию, в данный момент абсолютно недопустимую.

Даглас встретился с ней глазами, полными мерцающих слёз и терзающего огорчения, словно ему в самую душу пустили ядовитых змей, сжирающих её хладнокровно и беспечно, как тлеющую падаль.

Нона проникновенно сжалась над парнем, опустилась на колени и, взяв его лицо в свои ладони, ласково вытерла его слёзы большими пальцами. В её взгляде не пылало ни одной злой искры осуждения.

Так или иначе, он пережил то, что она бы не смогла. В такие моменты легко простить слабость при виде окружающей тебя смерти.

– Как мы... как мы их повезём?.. – заикаясь от лезущих наружу гиблых и безутешных чувств, спросил Даглас, растерянно повернув голову на кое-как сбитую телегу. В ней рядом лежали трое раненных солдат, притихшие в мучительном сне и суровые, и один вражеский пленный, без сознания и полумёртвый.

– Я не знаю... но... – девушка смекалисто щёлкнула пальцами, хотя при этом сомнительно сощурилась, оглядываясь по сторонам. – Мы можем достать другую лошадь!

– Долго, они погибнут, пока доедут до лазарета... – тут Дагласа осенило, и из состояния болотистого серого переживания он выкарабкался сияющим, как храмовый купол. – Слушай, а что если я потащу телегу?

– Ты с ума сошёл? – уже привычная к бредовым идеям демона, больше подтвердила, чем спросила врач, скептически подняв бровь. – С больной головой? Ты её вообще потянуть сможешь?

– Я не знаю, но попробовать стоит, – без промедления,

Даглас воодушевлённо поднялся, подошёл к телеге, кряхтя взвалил на плечи грубо срубленную оглоблю и схватился за неё покрепче. Сначала вся эта грузная махина казалась не слишком тяжёлой, лишь немного натирала шею, как ледяной наждачной бумагой.

– Ладно, назвался груздем – полезай в короб, – Нона проверила опустевшую и погрязшую в хаосе площадь на наличие чужих глаз, но выбитые окна зданий лишь печально падали в гнусную темноту, а кроме хрустящего колючего звука падающих кирпичей и затихающего баса колокола ничего не сотрясало небо.

Даглас, с виду напоминающий покорного вола перед плугом, слегка сгорбившись потащил телегу наискосок по разбитому шуршащему гравию. Грудь от напряжения сводило чуть ли не до треска, а ноги сразу увязли в утомлённой мелкой дрожи, но демон не подавал вида, продолжая паровозом терпеливо пыхтеть по дороге, твёрдо отталкиваясь носками от земли.

Нона торопливо шла рядом и подбирала с тротуара, усыпанного серыми осенними кронами, осколки стен, освобождая колёсам более-менее ровный путь. Периодически девушка заглядывала к раненым, проверяла их пульс.

Город словно вымер, хотя подавляющее большинство людей просто благоразумно сбежали из опасного центра на окраины, а другие боролись за свою непокорную жизнь в лазарете. В тугой, как прогорклое масло, тишине потерянно стонал ветер, разозлённо хлопая дверями и путаясь в молодых желтоватых листьях вязов. Шуршащий трепет и грохот заунывно бросались по улицам, наталкиваясь на разбитые фонари, осколки стен, мёртвые тела в пропылённых сухих лужах чёрной крови.

Даглас старался не опускать голову, но и сверху на него порицающе давили красный дымный небосвод и трупы, повешенные на деревьях как ленты на столбах. Белые, с распахнутыми ртами и глазами – грубыми, каменными, иступлённо застывшими. С наглым жужжанием мухи садились на гниющие желтоватые раны, потирая мелкие лапки.

– Зачем им это?.. – едва слышно риторически проскрипел печник, выдохнув большое мазутное облако дыма.

– Что? – Нона с завидным равнодушием привычно оттащила с дороги ещё одно обескровленное тело и подняла на друга вялый вопросительный взгляд. – Убивать?

– Угу...

Нона озадаченно покачала головой. Она и сама не знала. Будто бы чем больше людей погибнет, тем скорее правительство прислушается к повстанцам, как беспросветно глупо... Без этого можно обойтись, но тем, кто начал бойню, уже всё равно, как она закончится. А цель – результат в отношении их самих, страх, паника...

Но ведь главным на самих людей наглухо плевать. Им просто боязно, что рабочая и военная сила умирает, а поддаваться не хочется... И только таким образом эти великие умы человечества и умеют договариваться...

– Притча есть, про двух баранов. Шли они по бревну через реку, столкнулись на середине, никто уступать не хочет, треснулись лбами, упали и утонули.

– Разве трудно пойти на компромисс?.. – обескураженно проронил Даглас, натруженно потирая тлеющее паром лицо. Конечно, он всё понимал, но происходящее уже обратилось в такой зверский абсурд, что поднимает дикий внутренний крик о помощи. При каждом случайном взгляде на мертвецов впереди демон чувствовал, как сердце гибло жжёт и колотит, хрипло пропуская удары и швырком бросая его то в ноги, то в голову.

В чём они провинились?.. В том, что живы?..

– Поэтому они и бараны, – поставила тоскливо напряжённую точку в разговоре врач.

До лазарета шли молча, хотя с каждым шагом Даглас всё сильнее утопал в гадком оцепенении от усталости и потрясения. Только у ворот, сбросив с себя оглоблю, он, медленно качаясь, позволил себе привалиться к белой стене. Его лёгкие раздувались широко, как мехи, он мелко дрожал всем телом от дрянного переменного грохота сердца.

Медсёстры оперативно забрали раненных и пленного внутрь, Нона побежала им помогать.

Двор опустел. Ужас пройденной улицы начал мирно угасать в голове, но тут же свирепо возвратился срывающим уши беспощадным воем, кроющим всё вокруг в багряный липкий мрак.

Перед глазами Дагласа снова вспыхнули трупы. Гора мёртвых тел... Нельзя, нельзя думать... Дыхание перехватило, словно ему сжали огненной сталью горло, он разом недвижимо обмер, брошенный в дремучую бурю эмоций без предупреждения.

Воздуха...

К горлу вместе с обжигающей болью подкатила волна ге-молимфы, смешанной с сажей, и с булькающим кашлем, лихорадочно согнувшись, Дагласа вывернуло наизнанку. Кровь всё продолжала сочиться сквозь кошмарно трясущиеся пальцы, не останавливаясь и засоряя склизким комом дыхание, перед глазами брызнули расплавленной пеленой чёрные круги.

Чем больше удушье и паника рвали Дагласа в гадкие лоскуты, тем ниже он падал по стене, будто пытаясь зарыться в землю от преследующих его стонущих отголосков и кислого мокрого запаха смерти...

Сколько можно, как долго это будет продолжаться, неужели он обречён страдать вот так?.. Бестолочь, лучше бы ты содох, неблагодарная тварь, что ни делай тебе не спасти себя от самого же, умри, умри, умри...

– Эй, ты чего расселся, тетеря, – из забвения Дагласа вывел тихий и исполненный нежного сострадания голос подружки. Она так редко говорила подобным тоном, и сейчас, когда печник как никогда в нём нуждался, его вернули им к жизни, бардовая дрянь хлынула из сознания, и голова взорвалась нарастающей дурной болью от влетевшей в неё на всей скорости реальности.

Нона заботливо обернула рогатую голову друга воротом его пальто.

– Всё хорошо. Я тут.

Даглас встретился с врачом осолопевшими влажными дьявольскими глазами, невозможно напуганными и встревоженными до беспамятства. Девушка ободряюще улыбнулась, хотя при этом взгляд её оставался суровым и бестелесным. Она так истрепала свою душу, сокрушив её в бесчувственный пепел всего за несколько лет войны, но всё ещё осталась собой.

Даглас нервно вздрогнул, ломко заикаясь вдохнул, прошептал в разгорячённой истерике, искренне, как покинутый ребёнок:

– Мне страшно.

Нона раздосадованно вздохнула и ласково обняла Дагласа, позволив ему печально уткнуться головой в её грудь.

– Горе ты моё...

Паровоз остановился, развязной волной качнувшись на колёсах.

Даглас сразу тревожно заподозрил неладное. До станции ещё далеко, значит, тот очевидно мощный взрыв пропана привлёк внимание экипажа, и проверить они решили сразу, пока место преступления не остыло.

Убитые створки двери разъехались, и на уступе лесенки появился машинист, загорелый, седой и ужасающе суровый, в рабочей голубой форме и с таким гуммозным выражением лица, что невзначай начинает потряхивать от нервной растерянности.

– Даглас?

Печник неожиданно подскочил, как на пружине, и, увидев знакомое по работе лицо, немного смягчился, но всё ещё готовился к худшему из возможных исходов. Его словно покрыло толстым слоем бетона, и он бестолково застыл так, сгорбившись, схватив руками плечи и сыграв на лице криковую неудачную усмешку.

– Бертольд!

Лойс юркнула за спину демону, отчаянно вцепившись в

его пальто, словно её уже оттаскивали силой. Так или иначе, с ним рядом безопаснее, чем с представителями закона. Даже железнодорожного.

– Только посмей добавить «Я думал, ты умер», – мрачно буркнул в ответ машинист и замороченно поднял выцветшую бровь. – Не ожидал от тебя.

– Берт, честно, если бы не обстоятельства... – начал судорожно, будто его обсыпали колотым льдом, подыскивать слова, Даглас, чуть ли не жуя язык, но его спонтанную, пробитую стыдом речь перебил седой:

– Мне плевать, – он протяжно задёрганно выдохнул и безучастно, но как выстрелом чётко, ревушим тоном спросил: – Зачем ты к чёрту расхреначил баллон?

– Это случайно вышло.

Печник обречённо развёл руками, не найдя, что такого, удивительно похожего на правду, сказать. Едва ли он мог сейчас коварно симпровизировать, тем более что врать убедительно у него никогда не выходило. В голове одиноко болтались остатки холодного бодрого рассудка, но и они не помогли.

– Я знаю, что в участок ты добровольно не пойдёшь... – Бертольд сошёл со ступеньки и, закрыв глаза, дабы не видеть такого феноменального позора в лице своего бывшего коллеги, милостиво отрезал: – Я сегодня добрый. Чтоб глаза мои больше тебя не видели.

Даглас, согласно кивая, поднял безмолвную, как живая фарфоровая кукла, Лойс на руки и вынес её из вагона, пока машинист не видел. Они скрылись за погрязшими в синих сугробах деревьями двумя ловкими невидимыми зверьками, а Бертольд шумно закрыл двери и, грузно хрустя снегом, пошёл обратно внутрь паровоза.

Машина умчалась, дробя воздух в грохочущие частицы и взбивая под колёсами снежные вихри, похожие на грязные мелкие облака.

Даглас обернулся, недовольно оглядывая ровные сырые стволы, чёрными мохнатыми столбами вросшими в замороженную землю. От полос кривых колючих ветвей деревьев, подпирающих смурное и оплывшее синими вспышками небо, так чесались отвыкшие от тьмы глаза, что невольно хотелось раздавить их пальцами.

Воздух упал душным и мертвенно морозным пологом, резал горло и жуткой трескучей болью цеплялся за лёгкие.

Печник примерно представлял, куда им идти дальше, но мысли у него путались, как игла в нитках, и мычали что-то дурацкое и бессвязное.

– Ну вот, – разочарованно подытожил он, поставив Лойс на землю. Притихшая девочка враз до яростного помутнения возмутилась такому обороту событий и ничтожной реакции мужчины и уставилась на него с укором такой безжалостной испепеляющей силы, что пламя ада показалось хлопущей.

– Что «ну вот»?!

– Пойдём пешком. На следующей станции пересядем, авось, – не теряя стойкой жизнерадостной надежды предложил Даглас, начиная спешно идти по снегу вдоль рельс. Девушке ничего больше не оставалось, как бежать за ним, зябко кутаясь в шарф.

Они почти бегом прошли вперёд в звеняще падающую чёрным шёлком тьму, пока Лойс не произнесла со всей давно взбунтовавшейся гневной серьёзностью, на сколько хватило обиды:

– Даг. Ты опять мне чего-то не говоришь.

– Да? – удивленно поднял брови печник, внимательно повернув голову на потеряшку. Он даже замедлил шаг, поравнявшись с ней, и, наивно недоумевая, пытался не упустить ни единого слова. Подтверждать статус страшного лжеца ему претило до смерти.

– Ты кашляешь кровью, – вспомнив не единожды обрётённые следы болезни, похожей на запущенный туберкулёз, нахмурилась девушка, всё же не выдержав открытого тормозящего взгляда от печника и беспокойно опустив глаза.

– Не бери в голову, – Даглас раздражённо махнул рукой, в нём словно пилой остервенело крошили корпус, заставляя бессильно опустить плечи. Нет, невыносимо, просто невыносимо. Неужели он должен и это объяснять? Она и так напугана дальше некуда, и свести её с ума окончательно ещё и фактом, что он болен... бесчеловечно.

– Конечно, без проблем! – напряжённо, как под взрывной миной, съязвила Лойс, ощерившись и гневно сощурился глаза. – Я уже как-то смирилась с мыслью, что нас могут укокошить, потому что ты ходячая мишень! Но на этом моё терпение кончилось, всё.

Требовательный злобный тон оказал на мужчину дей-

ствие, похожее на мощный удар по шее. Он спрятал лицо в вороте ошетилившегося нитками свитера, стараясь не выдать пылающих алыми пятнами стыда щёк, но и дальше вдохновенно строить из себя несокрушимую стену уже казалось бесполезным.

– Эх... дело в том, что я питаюсь деревом, а сгорает оно быстро и тлеет отвратительно. Огню не хватает сил, чтоб греть сердце, а дым оседает в лёгких. Если бы я ел мясо, такого бы не происходило. Но есть нюанс – человеческое.

– И всё-таки ты меня не сожрёшь? – всё ещё мало удостоверившись, тем более с такими неутешительными знаниями, поинтересовалась девочка, с подозрением вцепившись глазами куда-то печнику в подбородок.

– Ты уже три раза спросила, ДА, – ёмко гаркнул Даглас, утомлённо понимая, что ему ещё часами придётся убеждать, что он не кровожадный чёрт из преисподней. И что он способен защитить Лойс и не сделает ей больно...

Это доказать тяжелее всего ребёнку, который в своей жизни никогда не чувствовал и не видел к себе доброго отношения. Только бездушную злобу и одиночество.

Железная дорога вскоре свернула на мост через озеро.

Оно застыло в моменте шквала, прозрачными мутными разводами синей, зеленоватыми искрами блестящей воды и белых трещин льда, складывающихся в завитки и сеть непонятного зимнего языка. Пришлось сойти на берег и идти вдоль, пробираясь через кусты и ветки, тянущиеся серебристой ломкой бахромой до самой земли.

Дагласа не оставляло ощущение, что за ними наблюдают, жадно и пристально, словно голодная до бешенства стая волков из леса. Но дикие звери не выходили к озеру ночью, потому что тогда его бдительно охраняют духи утопших. Демон они не трогали, но в таком случае разве может в чаще истомлённо ждать адское существо, не упуская двух озябших путников из вида?

Ведь кроме Дагласа здесь нет нечисти... или его чутьё подвело?

– Даг, мне кажется, я что-то слышала, – у Лойс панически ёкнуло сердце, когда до её ушей донёсся далёкий беспорядочный дребезг. Пульс застрял в горле и колыхался там, сбивая дыхание. – У меня же не у одной в голове звенит?

– Нет... – печник испытующе осмотрелся, в дебрях леса метался металлический шипящий гомон.

Он слышал это, много раз, почти каждую ночь в его больных, лихорадочно разбивающихся в кошмарные картины снах гудел этот стон.

Они...

Даглас внезапно грубо схватил Лойс поперёк туловища и утащил в сухую расщелину в корнях развороченного в угли молнией дерева, до дрожи черепа сжал зубы, не пропуская ни искры, ни строчки дыма. Пламя спряталось глубоко за полами пальто.

– Ты что делаешь, дурак! – разозлённая таким бестактным поступком рявкнула девочка, но Даглас машинально закрыл ей рот рукой. Она попыталась, взбунтовавшись, укусить его за пальцы, но перчатка не давала её клыкам добраться до кожи.

Но Лойс сама перестала выбираться и благоговейно притихла, когда звон начал грохотом нарастать и приближаться, являя из липняка нечто.

Это гора, слепленная из железа и тлеющего синего огня. Живые металлические кости, проклятой силой сбитые в один надрывно, тоскливо рыдающий и стонущий ком, слепо скребущий черепами и руками о стволы. Разинутые челюсти

и потухшие глазницы полусгнивших трупов, пришитых друг к другу помятыми изуродованными печами, извергали грязный поток крика, от которого кровавыми вспышками болела голова и слёзы текли от священного беспомощного ужаса.

На длинных паучьих ногах, взрывающих под собой землю, ползло чудовище под зверской тяжестью своей бесконечной мёртвой боли и гнилой растерянной жажды. Спереди единственный обглоданный скелет с истерично мерцающими глазами тщетно ломал руками собственные исцарапанные рёбра, под которыми печь исходила тусклым неживым светом.

Монстр неспешно прошёл мимо, со скрипом и одуряющим лязгом обходя деревья.

Даглас начал дышать только тогда, когда все звуки вокруг эхом исчезли, и остался только стрекот ветвей и лёгкий морозный гул, похожий на переговоры озера с ветром. Мужчина выполз из норы, резко хватанул воздух ртом и удушенно закашлялся, выплёвывая гадкие облака дыма и прогорклую сажу, смешанную со страшно чёрной кровью. Сердце снова вошло в ритм, и Даглас успокоился, сев на снег и протерев им лицо, взяв кусок сугроба в охапку.

Лойс вышла вслед за печником и рухнула рядом с ним. От увиденного кошмара у неё припадочно темнело в глазах ря-

быми полосами, а жилы мучительно ныли от пульса. Она вся противно вспотела и дрожала, будто её ненавистно огрели металлическим брусом по хребту. Всё прошло, но безбожный страх осадком давил на грудь, мешая дышать.

– Что это...

– Огненная химера. Все, кто погиб при истреблении. Бесмертная тварь, не выходит из леса, ибо боится людей. Но ищет пламя для своей печи. Раньше... это был мой народ.

Даглас до катастрофического шока испугался того, как холодно и дико прозвучал его собственный голос. Он так отчаянно мирился с мыслью, что этого невыносимого чудовища не существует... что оно со временем начало казаться ему всего лишь хищным видением его травмированного сознания. Но он не сумасшедший, и сплав на паучьих ногах, измученный плач которого догонял его каждую ночь, всё равно дал знать о себе.

Сердце уже не так поверженно болит, он обманывал себя достаточно долго. Но Лойс...

Даглас тяжело посмотрел на девочку. Она понемногу отходила от потрясения, на её глаза начали наплывать прозрачными крупными бусинами слёзы. Печник добродушно рас-

крыл объятия, и Лойс взволнованно юркнула в них ненадолго, чтоб прийти в себя и перестать так забито бояться.

Даглас умело развёл костёр, чтоб пожарить ветчину и хлеб, которыми набил карманы ещё утром прошлого дня, стащив еду из столовой. Из салфетки на ветку насадились мясные кусочки и мякиш, печник отдал Лойс фляжку, где обычно держал перекись, чтоб сводить кровь с ткани. Однако тщательно её помыть и наполнить чистой водой труда не составило. Мужчина всегда бережливо и впрок готовился к любому путешествию.

Подпаленная огнём топки трава и ветки журчали и потрескивали, девушка держала двумя руками палочку над очагом тепла и со вкусом тянула носом приятный солёный запах подпалённой ветчины.

– А ты будешь есть? – поинтересовалась Лойс, заморожённо, как опущенная в сон с открытыми глазами, глядя на печку под рёбрами у мужчины. Она таила в себе гораздо больше удивительного, чем каждые не похожие друг на друга брызги пламени.

– Кидай, – вместо ответа печник деловито протянул Лойс несколько сухих палок без коры и открыл заветную решётчатую дверцу. Изнутри лизало металлические стенки игри-

вое дымное пламя, похожее на злобного зверька, томящегося в нетерпеливом ожидании. Рыжие взлохмаченные ленты вились вместе с тлеющими чёрными облачками, нороясь откусить девочке палец.

Лойс ловко размахнулась снизу и забросила веточки прямиком в пламя.

– Трёхочковый! – печник изумлённо и даже обрадованно прихлопнул в ладоши. Ему до благодушного возбуждения нравилось открывать что-то новое в своей спутнице и понемногу вытаскивать её из норки, куда она стыдливо и гневно забилась. Даглас хрипло закашлялся, выпуская наружу недовольно ревущие струи дыма насыщенного дегтярного цвета. – Играла в «городки» в детстве?

– Не, лупила крыс в одиночке, – отрешённо, но не без доли кроткого смущения от похвалы, ответила беглянка. – Там если не попадёшь грустно будет.

– Давай ещё.

Лойс с готовностью взяла охапку палок и начала их по одной метко забрасывать в печку...

Острый край ветки случайно оцарапал ей палец, и ни-

чтожно маленькая капля крови, сорвавшись с её мизинца, провалилась в пламя вместе с деревом.

– Щ-щ-щорт, – Лойс приложила саднящую ранку к губам, чтоб боль скорее ушла.

Даглас ощутил, словно что-то буйной ледяной струной протянулось через его позвоночник, нервно подрагивая. Кости разбились в пепел, и он одним безвольным движением встал, словно его вздёрнули за шею. Тело онемело, а голова наотмашь влетела в дремучую темноту, мгновенно ослепившую глаза.

Увидев, как понемногу пустеет прозрачной пеленой взгляд мужчины, Лойс виновато понурилась и неловко шепнула, добывая себя последними бранными словами:

– Извини.

Печник вцепился руками в лицо, чувствуя с отвратным солёным привкусом во рту, как его клыки ножами разрывают дёсны. Он сторбился, словно сломанный пополам, ноги ослабли двумя размокшими плетями.

Что такое... опять оно, и страх парализует сердце, заставляя его задыхаться в конвульсиях.

Успокойся... перестань...

Паника рождала в голове чёткие до тошноты образы изрубленных в мясо ржавых тел, страх срыва обдал голову воспалённым морозным холодом.

Не впускать это в голову... не бояться...

Никто, никто не погибнет больше...

Припадок так же быстро улёгся, как и начался, истрёпанные ноги встали на место, а покалеченное сознание выползло из вязкой тьмы на спокойный огненный свет.

– Всё хорошо?.. – Лойс обеспокоенно взгляделась в лицо Дагласу. Она видела, как звериные когти разорвали пальцы его перчаток, а из-под волос выползли короткие, облитые чёрной кровью рога. Девочка уже замечала его таким, но в метущемся огненном свете превращение выглядело ещё кошмарнее и неестественнее.

Он опять обратился в чудовище, как тогда, в вагоне. Но печник выглядел вовсе не хищно... лишь испуганно и жалко, как изуродованная собака, безысходно запутавшаяся в колючей проволоке лапами и тихо молящая о пощаде.

Как Лойс могла хоть на секунду задуматься о том, что он способен выпотрошить её?..

Даглас медленно осел на землю и зябко подобрал колени к груди, обернув ноги длинным тонким хвостом, покрытым металлическими пластинами, ало мерцающими в искристом пламени костра.

– Да... – Даглас забито испугался своего голоса, машинально вонзив когти в горло, тон просел и стал стонущим, рычащим. Он резал слух, как притупленной пилой, долго и раздражающе. – Я держусь.

Лойс поняла свою ошибку и опустила взгляд, наполненный тревожной горечью. Даглас ненавидит вкус крови, она возбуждает его дикие чувства, которых он сторонится. Скорбь во всём его существе пропитала и её сердце безутешным печальным криком.

– Извини, я...

– Не переживай, пустяк, – связки перестали безобразно дрожать, и голос, наконец, вернулся в норму. Это успокоило разрушенные эмоции Дагласа, и он ободряюще улыбнулся потеряшке.

Даглас долго думал, что он сильнее голода и страха, но постепенно они одержали над ним верх. Но даже это не заставит его причинить кому-либо вред. Особенно Лойс.

Девушка не стала улыбаться в ответ. Его посредственное отношение, которое может стоить ему жизни, отторгало её до злобного разочарования. Она не могла точно объяснить причину, почему так ненавидит его поведение, может, потому, что он лжёт. Скрывает от неё правду, пытаясь защитить незнамо от чего, как маленького ребёнка, но ведь она даже не достойна этой опеки, она...

Даглас примирительно протянул девочке свою чёрную когтистую руку, похожую на лапу пантеры.

– Не обижайся, ладно?

Лойс всё ещё с опаской давала чужакам прикасаться к себе, поэтому просто энергично кивнула. Ссориться на такой неустойчивой почве не хотелось, и она приняла его доброту на этот раз.

Отец Йонес, казалось, никогда не уставал. Как конвейерная машина, питаемая бесконечным топливом, на износ, он помогал людям, проповедовал и пешком обходил соседние

города.

Но сейчас только одно заняло его мысли и властно остановило работу бессмертного механизма.

Правду ли сказала Нона Тайджер? Никто не смеет испустить ложь из своих уст в присутствии святого, тем более человек такой близкий к самой жизненной сути – врач.

Но сомнения вызывали у отца утомительную головную боль, дробящую череп стальным долотом.

Неужели остаётся только ждать, пока она сама не допустит ошибку? Не важно, сколько пройдёт времени, но последний демон получит своё.

Йонес равнодушно взглянул на стеклянные настенные часы своего кабинета. Прозрачные шестерни, гулко ворочаясь, подвинули стрелку на полночь. Время позднее.

Мужчина поднялся, размял затёкшие плечи и неспешно направился наверх. В конце коридора распростёрлась лестница из гладкого, как замёрзшая вода, белого камня.

Этажом выше располагался огромный зал, на мозаичном тёмно-синем полу стоял длинный стол с вычурно вырезан-

ными ножками. Возле приткнулось столько стульев, сколько и не бывало народу в храме, с потолка, подпертого тонкими колоннами из голубых пластин, свисала люстра, похожая на беспорядочное сверкающее бешенство хрусталя в ярком электрическом токе.

Окна здесь практически никогда не открывались и вечно задёрнуты толстыми чёрными шторами, словно свет мира способен потревожить то, что зыбко дремлет прямо посреди стола.

В столовую не ступали шумные ноги толпы, тихо и холодно, как в тревожную зимнюю ночь посреди умирающего поля. В чём тогда смысл этой комнаты, если посещает её только один человек, безраздельно главенствуя в самом начале бесконечного стола?

Но никто бы не вынес и мгновения тут. Рядом с великой трапезой, растворяющей рассудок в испуганную грязную дрянь.

Отец Йонес сел за стул, придвинулся ближе. На куске кружевной скатерти перед ним стоял поднос, накрытый матово блестящей крышкой. Он сам приносит сюда свою пищу, но целый день уходит на то, чтоб притронуться к ней на трезвую голову.

Святой медленно снял крышку, изящным движением взял вилку и нож с салфетки и начал понемногу отрезать шматы от сырого полежалого куска мяса, пропитанного до черноты кровью. По белой широкой тарелке пошли алые мутные пузыри, разбиваясь о зубцы столовых приборов.

Горло Йонеса брезгливо сжалось, словно под мокрой удавкой, а по спине пробежала склизкая щекотливая дрожь.

Мерзкая, но терпимая цена за то, чего он достиг.

Отец Йонес поднёс ко рту вилку с наколотым на неё жилистым красным куском мяса, и, схватив его зубами, проглотил, не пробуя языком. Всё равно ощутимо поплохело, в голове поднялся хрипящий гул, по дёснам расплылся кислый и влажный привкус железа. Тело невольно привыкло к этому, но голова, безнадёжно подбрасывая ненужные нормы морали – нет.

Бледные глаза святого наполнились густыми чёрными слезами, тяжёлой смолой текущими по лицу вниз. Грязные дорожки переплетались в узоры страшной паутины на лице, вздрагивали на пульсирующих прозрачных венах шеи и, срываясь, падали на стол.

Боль не трогала его, только внутреннее скорбящее чувство пугливого подобострастия, попытки усмирить бранные человеческие мысли.

Он величественно называл это мытарством. Страдания, которые не может вытерпеть смертное существо.

Вечен. Он вечен и идеален, люди идут за ним, не выбирая дороги, потому что покорно верят ему, ищут у него защиты, знака свыше, проливающего капли света на бесцельно прожитую жизнь.

За эту вечность и веру... он готов бороться до конца.

Голова склонялась над столом всё ниже, словно моталась на сломанной шее. Удержать её становилось трудно, виски налились грубой ледяной тяжестью, словно морозная глыба выросла отцу в затылок. Ну же, нельзя засыпать...

Как только отец, чей лик уже мало походил на исчерченный лунным светом хрусталь, поднёс к почерневшему рту ещё один крупный кусок мяса, в двухстворчатую дверь из белой древесины робко постучали.

– Поесть спокойно не дадут... – Йонес тщательно вытер лицо салфеткой и, прикрыв мясо крышкой, позвал: – Прошу

вас!

Внутри, спотыкаясь о свои же ноги, вбежал послушник лет пятнадцати, с коротким конским хвостиком на голове и таким перекошенным лицом, будто в детстве его со всего размаху влепили носом в пол.

– Святой отец, в часовне уже все собрались! Вас ждут! – сипло выпалил мальчик, так взвинченно жестикулируя руками, что чуть не оторвал ручку от двери, за которую постоянно крепко держался, словно тонул в болоте.

– Да, конечно... Служба... Дай мне пять минут, отроше.

Святой отец подождал, пока дверь за парнем закроется, после чего наскоро проглотил оставшиеся куски мяса, жутко горчившие в горле, и вышел из зала, засунув промасленную блестящей чернотой салфетку в карман жилета. На проповедь он выходил в платье, но в этот раз пришлось прийти более официально, в сером костюме-тройке, что несколько народ не смущало.

Широкими отчеканенными шагами, отбивая каблуками маршевую дробь, святой отец шумно вошёл в высокую белую дверь часовни с косяками, облицованными маленькими многокрылыми ангелами.

Он здесь бог, повелитель света и тишины. Тотчас же в здании вспыхнули диковатым синим пламенем свечи, сумрачной волной проливая свет на белоснежную паперть, длинные и узкие витражные окна из тонкого голубого стекла, ровные скамьи, серебристые ступени лестницы, нападающие звериным прыжком сверху своды потолка и икону.

Гигантский иконостас во всю стену, изображающий любимую картину Йонеса – он, крылатый и безупречно прекрасный, святым знамением побеждает страшных до бессознательного омерзения огненных демонов. Такие же благосклонные, но утопленные в смерти глаза, миролюбиво смотрели на горожан с холста и паперти.

Люди – женщины в белых платках, наивные дети, суровые мужчины и поражённые старики – сидели нервно журчащей гурьбой, с чистым вожделием и паническим благоговением подняв многочисленные глаза на своего бога.

Йонес встал за паперть, медленно, со смаком втянул носом холодный, сырой воздух, пропитанный запахом снега и размокшей лепнины, перебил на языке болезненный и грязный вкус крови, и раскрыл своё сердце.

Такое красивое название, и святой всё ещё им нежно гор-

дился, как своим лучшим идеальным детищем. Читать песни из книги приносило блаженное удовольствие не только ему, но и слепо внимающим людям.

Это ли не истинное счастье, когда ты можешь владеть всем, просто раскрыв рот?..

6

– Давай поиграем в цвета, – в шутку ребячась, предложил Даглас, пока они с Лойс шли по широкой тропе, исполосованной в рыхлое болото грязными колёсами. С двух сторон всё так же кренился в чуткой спячке прозрачный лес, едва слышными ударами хрусталя звенели схваченные льдом ветки, и улёгшийся на землю ленивый ветер тщательно ровнял сверкающие сугробы вокруг мокрых серых стволов.

– Это как? – поинтересовалась девочка, со скучающим видом пиная перед собой ледышку. Её всецело сковало такое отвратительное тоскливое настроение, что хотелось упасть лицом в снег и не двигаться, как вмёрзшая в озеро лягушка. Это всяким интереснее, чем бесконечные деревья и Даглас...

– Ну, смотри. Я вижу что-то белого цвета. А ты должна отгадать, что это, – печник слегка наклонил голову, начиная входить в боевой азарт и с коварной ухмылкой на лице ожидая ответа девочки, но та лишь фыркнула и грубо пробубни-

ла, угрюмо сведя брови:

– Даг, ты тупой? Сейчас зима, вокруг всё белое!

Её крушило такое неистовое желание демонстративно сесть в снег и замолчать, но она не любила капризничать, это казалось ей непростительной слабостью. Только отбросы из прихоти трепыхаются, у неё же ещё есть достоинство... или нет? Она же уже плакала, чем нарушила все каменные устои своей гордости.

Никому не хочется идти против себя и закапывать глубже в душу всё доверие, необоснованные страхи, слёзы... А для Лойс это в одночасье превратилось в печальное откровение, которое желательно скрыть.

Она же не слабая... просто дура.

– Ну, если потрудиться, можно найти много чего, – уже не обижаясь таким резким недовольным ответом, парировал мужчина. – Облако серое вон там, ветка рябины...

– Ну... я вижу что-то... – Лойс, сдавшись и опять решив поступить опрометчиво для себя, прищурилась. На самом деле ей нравилось подмечать интересные детали, тем более те, которые Даглас ни за что не отгадает. Есть повод посме-

яться. – Что-то бурое. Нет, скорее рыжее. Рыже-бурое.

– Лиса что-ли? – Даглас увлечённо принялся всматриваться вперёд, пока Лойс, задиристо наморщив нос, наблюдала за его попытками.

Около утёса, за которым начиналось просторное поле из гладкого нетронутого снега, и правда стояло что-то рыжее. Только присмотревшись Даглас понял, что это низкий худенький старичок в лисьем полушубке и тёмной меховой шапке, надвинутой на самые глаза. Он крутил свои пышные седые усы, внимательно оглядывая окрестности и сжимая во второй руке двуствольное охотничье ружьё.

– Ничего себе углядела, – уважительно распахнул глаза Даглас и хвалебно потрепал девочку по голове. – Это тот охотник за утёсом.

Не успела Лойс согласно кивнуть, как старик их заметил. Его сморщенное лицо тотчас же растянулось в выражении удивления, перемешанного с дремучим ужасом, таким мрачным, что он весь обратился в одну большую дрожащую тень. После чего схватил ружьё двумя руками и козлиными скачками понёсся к путникам.

– Так, это не к добру, – охрипшим от неудачной неужи-

данности голосом подметил печник и потихоньку попятился назад, схватив замешкавшуюся Лойс под руку. Девочка не сразу поняла, что произошло, но, когда заметила воинственно бегущего на них деда, потеряшке почудилось, будто ей от ужаса вышвырнули сердце из груди.

– Демоны! Повадились ходить, клячи бессовестные! – ба-совито гаркнул старик, похожий на сороку, трещащую и пьяно покачивающуюся на ходу.

Даглас рванулся вперёд пытящим паровозом, аккуратно выбросил за руку Лойс перед собой, дабы не потерять из виду.

– Дед, ты не так понял! – попытался добродушно, насколько позволяло сбитое дыхание, сгладить положение печник, обернув назад голову, но получил только пулей по пробору.

– Молчи, скотина, дробью в пасть пущу! – целеустремлённо не унимался старый, на ходу ловко заряжая второе дуло.

Пуля, смертоносно крутанувшись, выскочила из трубы, сжатая искристым красным залпом и впечатляющим грохотом, от которого деревья хором встрепенулись от улетающих в панике птиц. Лойс на бегу смахнула с себя колючий беспощадно обжигающий снег и обернулась в поисках отставшего

Дагласа.

Он стоял неподвижно, как вмурованный в стену истукан. На лице дико бились перетекающие бледным огнём жилы, а от уголка губ текла розовая кровавая струйка. Глаза так чутко и печально смотрели куда-то в беспощадное серое небо, что оно неузнаваемо становилось только темнее и безумнее.

В него попали?..

– Беги давай, – одними синими губами прошипел Даглас и пластом упал в землю.

Что-то порвалось в сердце у девочки, сердце схлестнуло гнилой ноющей болью, от которой страшно свело ноги. Из последних сил, собрав растрепавшийся по голове едкий шум, Лойс потащила свои размокшие оплывшие ноги прочь, стараясь не оборачиваться и слыша только сиплый победный смех старика и надоедливый саркастичный голос в голове: "Добилась своего?"

Только когда всё лихорадочно стихло, потеряшка остановилась и села в сугроб, разум рассыпался в пыль, ползая по дну черепа, как остатки бесполезного мусора.

Что произошло? Она одна?..

Ей так претило находиться рядом с монстром, лжецом и откровенной жертвой головорезов, но...

Может, она сама придумала себе всё это, перестав с годами, прожитыми в агонии, грязи и ненависти, верить в человечность? Искореняя собственные хорошие чувства ради раздирающей горло и рёбра злости? Ведь по крайней мере с Дагласом она ощущала себя не такой одинокой... Да, беззащитной, обманутой, чуть ли не съеденной... но он ведь не такой, он гораздо добрее, чем говорили ей всю её жизнь, каждый грёбанный вечер...

Он заботился о ней. Делал что-то совершенно не знакомое, но такое близкое сердцу. Она так глупо отвергала это из-за жалкого страха...

А теперь что?..

Лойс подобрала колени к груди и уткнула в них красный искусанный гиблым морозом нос. Ворот её пальто всё ещё пах его дымом, больным, полным сажи.

Куда идти?.. Да и какой смысл сейчас направляться куда-то?..

Слёзы тусклыми влажными дорожками покатались из её оцепеневших глаз, смешиваясь с потом и растаявшими снежинками на веснушках. Беззвучно, только спина дёргалась в неукротимых судорогах, а сердце жалось к горлу и колотилось, как выжатая тряпка о стены.

Она не знала, сколько прошло времени. Лишь замёрзла, тёплый липкий пар дыхания превратил пальцы в скрюченные холодные кости, саднящие ломкой болью. По всему телу словно прошлись наждачкой, стирая в кровь кожу, и окунули в битый лёд.

Коснувшееся бока трепетное тепло уже казалось простывшим миражом, пока Лойс не прижали к груди такие знакомые руки.

– Озябла, потеряшка. Прости, что так долго, – Даглас взял её красные размякшие руки в свои и выпустил жар изо рта, ласково их согревая. Он взял её за плечи, безвольную от холода, притянул ближе и усадил себе на колени, прикрыв ей голову краем пальто, уже не серого, а неприятно багряного оттенка.

Мирный треск печки вывел Лойс из горького тягостного полусна. Она потянулась к долгожданному взволнованному теплу и зарылась лицом в пушистый белый свитер.

Нет, ей не кажется... он и правда пришёл. Живой.

– Я думала тебя грохнули... – слёзы быстро сменились на отчаянное негодование, и Лойс подняла не печника укоризненный взгляд, ещё более опасный, чем ружейная дробь. – Ещё раз так пошутить, и я...

Даглас, замученный и бледный, как контуженное привидение, лишь слабо виновато улыбнулся и крепко обнял девочку, пока она тряслась от глухо сдерживаемых рыданий. Такое пережить... страшно.

Место чуть правее лопатки, куда попала одна из пуль, обильно сочилось кровью и болело так скверно, что в глазах темнело багровыми вспышками, словно где-то в побитой голове носился в кричащем хаосе шторм с красной грозой.

Он не раз бывал в таком положении и даже хуже, поэтому быстро привык. Осталось только дать спутнице повод не тревожиться попусту.

– Когда этот козёл старый подошёл, я ему хвостом по роже прописал.

Лойс весело хихикнула сквозь утихающие слёзы, пред-

ставляя эту внезапно для деда сцену. Наверное, всё остальное время Даглас искал её... Всё же он не так безнадёжен, как она думала... а она не настолько ушлая.

Скоро девочка согрелась, и они оба встали с земли. Печник отёр ладонью пот со лба и поднял мягко сияющие золотом глаза на темнеющее дымной жирной синевой небо, грузное и беззвёздное.

– Надо скорее перейти поле, пока совсем не стемнело.

Лойс без спроса размотала тонкий измятый шарф Дагласа и тщательно прикрыла им его короткие, облитые засохшей кровью, молодые рога и заострённые уши.

– Вот так пойдёшь.

Ещё раз напасть на полоумного охотника за демонами, которому показалась чертовщина в обычном человеке, ей не хотелось. Постепенно и ей начинало казаться странным и отвратным, что люди ведут себя так с её новым опекуном.

Даглас подал Лойс чёрную когтистую руку, и та ухватилась за неё так сильно, как только могла. Теперь уж она его из виду не упустит. Так страшно и больно оставаться одной...

Близилась ночь, тяжёлыми скачками грома небо в чёрном благоговейном танце. Озеро кончилось, железная дорога плавно ушла вправо, через поле на насыпь щебня около городка. В такие мирные бесшумные места люди обычно уезжали отдохнуть от гудящей и алчно несущейся городской драмы из-за каждого угла.

Кирпичные дома здесь стояли так плотно друг к другу, что соседи без проблем могли общаться через открытые окна лицом к лицу, но на главной улице можно развернуться, хотя тротуаров здесь совсем не предусмотрено – люди, лошади и машины шли как вздумается, но организованно, будто по неписанным правилам.

Глубокий красноватый свет в окнах всё ещё горел, опуская на снег прозрачные розовые тени. В неясно шуршащей и хрипящей тишине застревали, трепыхаясь, рёв моторов, топот копыт, редкие человеческие голоса.

Лойс шла близко к Дагласу, слушая, как, едва слышно звеня, пыхтят поршни в его лёгких. Её всю дорогу мучил вопрос, щекотливо подёргивая мысли в голове и противно скобля виски. Она не могла больше стыдливо зажимать это в себе, поэтому выпустила, печально и неуверенно, словно

над ней стояли с раскалённой кочергой:

– Даг, а почему... почему люди на вас напали? Вы же были добрые, наверное?..

Ей казалось, что это может пробудить ужасные воспоминания печника, и он опять превратится в исстрадавшееся чудовище, но мужчина лишь задумчиво почесал бакенбарды и поведаль, нечеловечески ровным голосом, будто жёстко запер оглохшие и ослабшие эмоции в глотке:

– Просто я из таких, кто считал людей своими соседями, но многие другие – едой. Мы жили порознь, в деревнях и в лесу, но, знаешь... Хищников развелось в таком подавляющем большинстве, что люди из страха смерти не нашли лучше способа, чем истребить всех, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Всё одно – демоны.

Он обдумывал эту глупую причину чаще, чем дышал, и постепенно свыкся с ней, как с естественным явлением дождя при тучах, хотя убийство целого народа вряд ли можно назвать чем-то обыкновенным... Ведомый скот накормили, и он успокоился, почувствовал себя в безопасности, только и всего. Проникать в самую суть непонятной религиозной веры во всемогущее чудо, ставшее венцом дьявольской смерти, не хотелось.

Лойс приникла к его рукаву, она едва плелась, стараясь не выдать своей заморенной холодной усталости. Глаза закрывались, словно залитые горячим свинцом, ноги изорванными плетью волочились следом, застревая в сколах льда, и она чуть ли не висела на Дагласе.

– Нам с тобой надо найти ночлег... – озабоченно потёр лоб кулаком печник и участливо спросил, опустив белую, как череп, голову с запавшими глазами на девочку. – Кушать хочешь?

– Угу.

Даглас кивнул, словно соглашаясь с ней. Он тоже чувствовал, как сердце начинает заметно остывать и ныть, стреляя разрозненной морозной болью в голову так, что всё тело до истомы напрягается, стараясь спасти тепло.

Мужчина повёл глазами по улице, ища что-то, похожее на гостиницу. Чуть дальше слева от дороги стояло узкое двухэтажное здание с потёртой деревянной вывеской, в основном говорящей о том, что здесь питейное заведение. Но это не исключает того, что там есть гостевые комнаты.

Даглас завёл девочку внутрь и прошёл сам, отряхнув о по-

рог сапоги. Заведение, скорее всего, уже закрывалось, ибо посетителей за столами не оказалось. Небольшую комнату с потёртым линолеумным полом и побитой жизнью стойкой в углу освещал трескучий электрический свет нескольких настенных ламп, от чего воздух шумно раскалывался на красноватый свет и прозрачную тень.

Всё здесь впитало грязный, неуютно прошибающий голову, запах табака и крепкой выпивки, от чего нестерпимо чесался нос. С другой стороны, попытать удачу стоило, хотя бы потому, что Лойс слишком устала, чтоб идти дальше.

У стойки возилась со стаканами полная женщина лет сорока с лохматым пучком на голове и большими пигментными пятнами на мягких руках. Лицо у неё выражало беспокойство и суровость, какие бывают после неудачного рабочего дня, но на гостей она подняла приветливый, хотя и беглый взгляд.

– Уже закрываемся.

Даглас по-отечески притянул к своему горячему боку Лойс, уже так худо соображавшую, будто её разбудили посреди ночи и спросили, умеют ли кошки летать на арбузах.

– Простите... мы ищем ночлег, – печник походил на раз-

битую фарфоровую статую, которую криво склеили. Он измученно горбился и кренился вправо, в сторону саднящей раны, продолжал слегка гладить девочку по плечу, не сводя с неё утомлённого выражения абсолютно истёртых глаз.

– Это всё очень мило, но комнат нет, – женщина сочувственно пожала плечами, безжизненно натянув уголки губ до грустной улыбки. Возможно, она и хотела помочь, но оказалась не в силах.

– Вы... можете хотя бы девочку приютить? – костлявая рука Дагласа перелезла с плеча на голову Лойс, и он самоотверженно поднял глаза на хозяйку. Ему-то тепла хватит, главное, чтоб для потеряшки нашёлся уютный сухой уголок. – Мы долго шли, она совсем выдохлась. Нам хватит и одеяла в сенях, только бы крыша над головой была.

Женщина на секунду пропала в тягостных раздумьях, во время которых её густые брови ходили по лбу, места не находя, но, в конце концов, тихо произнесла, охотно пойдя на уступки:

– Хорошо... У меня найдётся место для девочки, а вы можете разместиться в сарае на заднем дворе.

– Спасибо вам! Выручили! – Даглас на прощание стиснул

совсем одубевшую от усталости Лойс в объятиях и прошёл к чёрному ходу, ведущему во двор.

Хозяйка же взяла Лойс под руку и отвела в ближайшую комнату, похожую на маленькую гостиную. Внутри стоял продавленный диван, тёмный почерневший камин из маленьких кирпичей, низкий самодельный столик и глухой книжный шкаф. Судя по всему, здесь персонал отдыхал после работы или в коротких перерывах. Серый дёрганный луч пробежал от двери, розовея, запутался в крае ковра и потух.

– Садись, в шкафу печенье стоит, можешь взять. Попьём чай, и я тебе на диване постелю, – женщина всё ещё говорила серьёзно, на лицо словно камень положили, но девушка не сомневалась в её доброте при такой кажущейся стервозности. Девочка села в продавленную ямку и встревоженно огляделась, как попавшая в западню птичка, не привычная к отсутствию Дагласа рядом.

– А где... – Лойс внезапно в приступе неловкости осознала, что без понятия, как соврать. Кем ей приходится Даглас? Друг, опекун, отец?.. Нет-нет, последнее чересчур и вызовет слишком много вопросов... – м-мой брат?

– В сарае. Там есть чугунная печка, не беспокойся, – гостеприимная хозяйка кивнула, словно подтверждая свои же

слова, после чего вышла, прихватив с собой свёрнутый у края дивана плед.

Лойс подошла к шкафу и осторожно, будто таясь, вытащила оттуда розетку с горькой маленького овсяного печенья. Так обидно, что именно такое она не любила больше всего, потому как именно его подавали безвкусным к ещё более пресной каше в приюте. А вкус у него мало чем отличался от тюремного хлеба, слепленного из воды и отрубей.

Какой бы Лойс ни была голодной, она поставила розетку обратно с явным отвращением на лице. Лучше здоровый голод, чем давиться этой гадостью.

Хозяйка вернулась с чайником и парой чашек, свой чай она выпила залпом, громко хлопая, словно глотатель огня, но Лойс пришлось подождать, пока кипяток немного остынет. Она сонно смотрела на своё дрожащее искажённое отражение на расцарапанной стенке заварника и мрачно думала, что Дагласу тоже, наверное, сейчас хотелось бы сидеть в тепле с ароматным стаканом в руках...

– Вот тебе подушка с одеялом, укладывайся, – женщина деловито подала девочке свёрток, горько пропахший дегтярным мылом, и вышла, не ожидая ответа от застенчивой и недоверчивой постоялицы.

Лойс разделась и забралась под одеяло, поджав к груди неуютно и липко холодные ноги. На неё набросилась томная сероватая темнота, заливаясь бездонным шумом в уши и глаза.

Ну нет, так тоскливо спать одной, будто мучительно умер кто-то и надрывно плачет в душу, стоя над самым ухом. Это кошмарное ощущение сводило с ума так безжалостно, словно всё тело изрубило в мясо, а голову размазало по подушке, её теперь... будто не существовало. Страх потеряться в хищной тьме убивал беглянку, втаскивая из тихой реальности в панический хаос.

Не выдержав такого нахального напора одиночества, Лойс встала, наскоро всунула ноги в ботинки, накинула пальто и, крадучись, вышла из комнаты.

Странно, что она, такая привычная к этому скорбному чувству брошенности, теперь чуралась его, как ужасной болезни. Стоило только ощутить заботу, и Лойс уже не желала расставаться с ней даже под угрозой смерти, казалось, что она не выживет без Дагласа и его безропотной любви.

Сильная и самостоятельная... но внутри такая беспомощная и маленькая.

Лойс по шершавому мраку прошла к чёрному ходу, осторожно слушая мощный храп хозяйки из противоположной комнаты. Холод сразу голодно вонзился в её голые лодыжки, поэтому она поспешила, хрустя снегом, как рассыпанным крахмалом, к тускло мерцающему окошку большого деревянного сарая около кривого частокола.

Голубоватый свет с редкими рыжими искрами зарылся в снег, выпав из дверного проёма. Даглас спал сидя, преминув воспользоваться одеялом и перейдя в состояние грелки. На лбу у него выступила лихорадочная испарина, а дым изо рта прозрачным туманом летел вверх, создавая завитки и красивые фигуры, являющиеся лишь на мгновение, чтоб окрасить потолок в чернильные разводы.

Лучи огня любопытно проглядывали через решётку печной дверцы и прорывались через свитер, спокойно и рассеянно покрывая собой комнату, пыльную, наполненную воспалённым морозом, как погреб, заваленный различным хозяйственным хламом.

Из враждебной темноты попасть в такой родной свет для Лойс стало долгожданным успокоением.

Внезапно Лойс опустилась в такой жуткий стыд, что у неё

свело плечи от утомительного напряжения, она страшилась вздохнуть, будто ей сжали лёгкие железными скобами. Не может же она просто разбудить его...

Но страдать растерянными мыслями долго ей не пришлось, потому что Даглас тихо удивлённо проговорил, не открывая глаз:

– Ты чего не спишь, м?..

– Мне... – Лойс виновато запнулась, но, услышав добрый снисходительный тон Дагласа, всё же осмелела и честно ответила, потупив взгляд уже от вопящей неловкости: – Мне страшно одной там... и одиноко.

– Бедняга, иди сюда, – Даглас, всё ещё не открывая глаз, оперся спиной о щербатую деревянную стену и приветливо раскрыл руки. Лойс охотно нырнула в них и прикорнула у друга под боком, позволяя себя согреть. – Мне тоже одному в темноте страшно.

– Ты же взрослый уже, – недоумённо нахмурилась девушка, не понимая, как серьёзный и такой мужественный человек, тем более демон, может вообще испытывать что-то подобное.

– Ну и что? Взрослые тоже боятся темноты. Даже я со своим огнём. Уютнее бояться вместе, правильно? – Даглас потечески потрепал потеряшку по голове и весело улыбнулся.

Лойс энергично кивнула, безоговорочно соглашаясь. Хотелось вернуть ему это доселе неизвестное, эту пламенную заботу. Сделать хотя бы один шаг к тому, чтоб доказать себе свою полезность.

А пока что она пугливая и никчёмная... переживания так травят сердце, что кругом всё оборачивается в жуткие тени, азартно желающие ей смерти...

Но это утром... А сейчас... спать.

Даглас проснулся, ощутив неприятный стервозно покалывающий холод в пальцах. Лойс ушла, а он остыл...

Даглас судорожно открыл дверцу, дабы проверить пламя. Оно совсем плохо себя чувствовало и лениво ползало по самому дну, едва заводя потускневшее сердце.

Иступлённая боль в грудной клетке взвилась горьким ожогом до самого горла, сжирая его гадкой гнилью изнут-

ри, и печник, дёргано помотава головой, чтоб уложить вскочившее мучительное давление, сплюнул скопившиеся во рту грязную копоть и кровь в деревянное ведро на полу.

Нельзя так запускать себя, один поршень уже не работает и дышать приходится вполсилы... Ещё и эта пулевая рана утомительно саднит, будто внутри кто-то ковыряет зазубренным копьём.

Но́на знает, что делать... Главное добраться до неё вовремя и привести Лойс в целости и сохранности. Сам Даглас уже ощущал себя остывшим мешком с костями, но это меньше всего его волновало.

Дверь сарая тихо скрипнула, отворяясь, и на пороге появилась слегка смятённая Лойс. Внутрь искрами брызнул утренний желтоватый свет, и пыльный вихрь снежинок нежным морозом проплыл по коже. В дрожащих рассветных лучах волосы девочки напоминали яркий шустрый огонёк, расплзшийся по всей голове золотистыми иголочками.

– Доброе утро, – Лойс приветливо наклонила голову, едва улыбнувшись, будто не знала, как это правильно делать. Она подошла, и от её душегрейки пахнуло чем-то пресно-солонатым.

– Ты так рано вскочила, где была? – Даглас неловко спохватился и отпустил многострадальное ведро на пол, вытерев капли сажи со рта. Совсем не мужественный вид, а уж оправдываться ещё хуже. Лойс его таким застать не должна...

– Помогала хозяйке. Она сказала, что примет это вместо оплаты за ночлег, – девушка устроилась рядом, подогнув колени и заложив руки за голову. Она выглядела чуть уставшей, но по-здоровому, от плодотворной работы, и даже её глаза заведённо, со всей счастливой страстью, сияли, Лойс впервые чувствовала себя... полезной. – Я теперь умею готовить овсянку и вкручивать лампочки.

– Я знал, что ты способная, – преисполненный трогательной гордости за потеряшку, мягко потрепал её по голове пеник.

– Я принесла тебе шамку, – Лойс расстегнула пальто, вынула из-за пазухи что-то, завернутое в промокшую газету. По сырому сладковатому запаху Даглас сразу узнал, что девочка принесла, и встревоженно отпрянул, будто на него двигалась зловеющая лавина.

– Мясо? Нет-нет, Лойс... – мужчина категорично замахал руками, трезво отказываясь от еды. С такой нещадной тос-

кой он внутри себя соглашался с тем, что это могло бы ему помочь, но мужчина не хотел опять рисковать разумом и пугать девочку. Она только начала ему доверять, ластиться к его руке, как бездомный продрогший котёнок, неужели стоит так всё испортить?

– Ты болеешь, а я хочу тебе помочь! – Лойс нахмурилась, возмущённая до удушающего шока. Даг о ней заботился, не жалея себя, а когда подошла её очередь он пытается отмазаться?

– Давай без паники, душа моя, – в пустой растерянности осознав, что сейчас произойдёт взрыв бешенства, печник потихоньку начал ретироваться подальше вглубь сарая, но буря его настигла и яростно обрушилась на него с кулаками.

– ТЫ ДУРАК СОВСЕМ!

Даглас резво выскочил на улицу, как заяц из пожара; вслед ему гневно полетели осколки кирпичей и даже одна лопата.

Лойс не собиралась насильем принуждать друга к лечению, но так ужасно расстроилась, что другого выхода не нашла. Да как он смеет так с ней поступать?! Нельзя быть таким добрым уродом!

Даглас почти тигриными прыжками, спотыкаясь, влетел через заднюю дверь в холл, ободрал штанину о ковёр, превратившийся за много лет в железную щётку, ловко схватил с дивана в углу подушку и героически приставил её к груди, как щит.

Лойс с красными щеками и заплывшими слезами несправедливости глазами полетела к Дагласу, и её кулак шмякнулся со всей силы в пух, хорошо, что не о костяную сталь.

– Оп-ля. Теперь лупи, – милостиво разрешил Даглас, но девочка уже остановилась, только шмыгала носом и, недовольно хмурясь, смотрела в пол. Такая наглость её непривычно смутила, но это дало ей время успокоиться и восстановить грузное частое дыхание.

– Ты всё равно дурак, – обиженно пробубнила девушка, скрестив руки на груди и поёжившись, открыто признаваясь, что ей неуютно от самой себя. Побила ни за что... хотя он и сам ведёт себя глупо.

– Не переживай за меня, я справляюсь. Честно, – Даглас, чудовищно на себя ругаясь, соврал. Всё лучше, чем в очередной раз травмировать Лойс. – Лучше верни мясо на место, а я полешками закинусь.

Лойс поверженно согласилась и пошла за оставленной в сарае газетой, а Даглас поспешил к хозяйке, поблагодарить и спросить дорогу.

Они найдут с потеряшкой общий язык... наверное, когда он перестанет себя мучать.

Идти пешком в такой жуткий несносный мороз – кошунство, поэтому первым делом Даглас решил найти двуколку или автомобиль на крайний случай. Однако, отыскать бесхозное средство передвижения оказалось сложнее, чем печнику наивно виделось.

Они стояли у дороги, утопшие в золотом утреннем свете и глубине белого неба, Лойс скучающе пинала снег ногой, а Даглас серьёзно думал, так устрашающе, что у него чуть ли не буквально трещала голова.

– Может опять паровоз поймаем?

– Не-а, второй раз Берт нас не простит.

– А если на козлах? – Лойс с неуверенной надеждой повернулась в сторону небольшого мирного стада козлов и овец, расположившегося у околицы крохотной деревни, пляшущей рыжими огнями окон в снегу.

– Я что-то сомневаюсь, что такая кляча меня потянет. Я же вешу больше сотни, – хмуро перевёл глаза на заранее испуганных животных Даглас, рассматривая их выпученные

водянистые глаза.

Но мысль о езде верхом зародила в нём интересную живую идею, частью похожую на безумную, копошащуюся в мозге, как черви в помидорах.

– Я кое-что придумал.

Даглас раздобыл брошенную у развалившегося забора оглоблю и деревянный штырь с парой чуть треснутых толстых колёс. Он пытался уверить себя, что этот самоубийственный способ сработает, и его механизм выдержит невозможную автомобильную нагрузку, и даже терпеливо смирил себя с тревожной мыслью, что всё получится.

Лойс заинтересованно наблюдала, чем так увлечённо занимается печник. Только когда он поднял свитер и начал, брэнча, что-то сосредоточенно ворошить в печке, она взволнованно насторожилась.

Мужчина сломал пополам штырь, вытряхнул из карманов пару гвоздей и наскоро сбил подвеску и концы штырей прикрепил к своим собственным поршням через печку. Это совсем мерзкое действие заставило его болезненно поморщиться, хотя изнутри скорее щекотливо, даже лихорадочно скреблось, чем кровило. Убедившись, что всё крепко дер-

жится, Даглас выпрямился и, неловко улыбнувшись Лойс, на которую такая сцена произвела шоковое впечатление расчленённого трупа, произнёс:

– Хорошо, что с собой гвозди ношу, не знаешь, когда пригодятся.

– Мы прям так поедем? – Лойс видела ненадёжность конструкции, да и тем более разве люди, увидев такую безлошадную телегу, останутся равнодушными и... тупыми? Однако Даглас её перебил, хрипло, но бодро скомандовав:

– Садись!

Лойс осторожно заползла ему на закорки, и Даглас, слегка качаясь из стороны в сторону, встал на опорки из сломанных оглоблей, и поршни начали активно крутить колёса. Снег вязко взрыхлился, и с тяжким пыхтением и скрипом конструкция во главе с печником довольно резво покатила по дороге.

– Не, слушай, хорошо, главное равновесие держать, – Даглас расставил в стороны руки так, что издали стал похож на пугало, опрокинутое ветром грудью вперёд. Несмотря на явное гиблое напряжение, он держался и старался не терять воодушевлённого вида, хотя бы ради девочки.

Потеряшку потряс такой внезапный успех, и, хоть она и продолжала подозревать друга в том, что он брешет, как дышит, о своём состоянии, её искренне порадовало скорое окончание их пути. Сердце нежно сжималось и дрожало от нетерпения, дурманя голову, а полоса дороги неслась с жуткой скоростью, заветно приближаясь к безопасности. К дому...

Отец Йонес всё утро пребывал в странном тоскливом состоянии, в нём что-то бесновалось и боролось, мутное, неизвестное. Словно вся бесплотная вселенная ополчилась против него и атакует этими лихорадочными ощущениями, которые невозможно объяснить.

Несколько часов назад один из этих безумных охотников, уверенный, что демоны всё ещё не истреблены, ворвался в церковь и орал, размахивая руками, что видел исчадие ада, рогатое, с длинным хвостом и пламенем из пасти.

От подобных заявлений у святого только сильнее развивалось безразличие, но сейчас, взвесив всё, что он недавно узнал...

Что если один демон и правда выжил?.. Если эта женщина соврала, то придётся принять меры несовместимые с поня-

тием морали, хотя... Йонес уже давно забыл, что это такое, лишь слабые отголоски цеплялись иногда за голову и лиш- ний раз нездорово будоражили сознание.

Этот дед со свежим шрамом на всё лицо... надо расспро- сить его подробнее, а потом тихо удалить. Люди не должны жить в страхе под слухами о гуляющем среди них хищном демоне...

Нона Тайджер не уйдёт от ответственности за свои грехи.

Святой отец остервенело воткнул нож в кусок сырого мя- са, от чего тарелка громко брякнула, и мелкие розовые брыз- ги крови окропили салфетку и скатерть. Он не станет ми- риться со всем этим, ведь он обещал им защиту... и они её получают.

Даже ценой его морали и жизни.

Прогорклый гнилой запах вонзился отравленными игла- ми в ноздри и скосил дыхание до конвульсивного хрипа. Тру- пы случайных жертв несправедливой жизни... Даже они на- шли своё место.

В камерке, привязанные ногами к потолку... Но от бла- женного осознания самоотверженности своего решения да-

же истрёпанное мясо того милого мальчишки-послушника казалось святому отцу слаще сахара.

Допыхтели Даглас и Лойс буквально до старого района, предшествующего центру города. Конструкция из колёс и палок предсмертно хрипнула и развалилась, печник с ударившим в лоб холодной дробью страхом ощутил, как штыри нещадно погнули его почти расплавленные жаром поршни.

– Ая-яй... – Даглас поднялся и отряхнулся, постепенно тяжело, как после ужасного сна, приходя в себя, но дышать теперь мог с переменным успехом.

– Всё нормально? – Лойс подползла к другу ближе и встала, брезгливо морщась от вида уродливо торчащих из его печки обломков. Мужчина, отрывисто дыша, спокойно потрепал девочку по плечу, стараясь убедить в том, что обошлось без потерь.

Лойс в ответ крепко ухватилась за две мешающих мужчине палки, врылась ногами в снег и, кряхтя от раздражённого напряжения, вытянула их изнутри и отбросила в сторону, как грязь с ладоней.

– Так лучше.

Она уже привыкла к тому, что Даглас себя не бережёт. Видя его страдания, Лойс неожиданно понимала, насколько она отвратительно относилась к себе, а уж тем более мало-душно желала смерти. Её спасают от забвения всеми силами, значит, есть этому причина?.. И злиться незачем.

Даглас благодарно улыбнулся девочке и протянул ей руку. Она без опаски взяла его ладонь, и они направились по прямой улице, очерченной деревянными мокрыми заборами, обледеневшими каменными стенами, из-за которых торчали черепичные крыши домов, и заснеженными голыми кустами шиповника, напоминающими замёрзшие в лёд крючковые пальцы с острыми когтями.

Лойс с каждым шагом ощущала, как неприятно тяжелеет рука Дагласа в её пальцах. Она встревоженно подняла на него голову, с тоскливым отчаянием надеясь на лучшее. Бледный, почти прозрачный мужчина старался не подавать виду, едва выпрямляясь и пытаясь глубоко дышать, но сиплое подобие вдохов ему совсем не помогало. На лбу выступила испарина сдерживаемой боли.

В голове печник упорно держал только одну мысль – не останавливаться. Пока тело в движении, сознание не уходит. Ему не хватало воздуха, словно в трахее поставили стальную заслонку, шестерни в сердце ворочались неуклюже и за-

стревали друг в друге, пламя умирающе шипело где-то снизу, бросая душный мрак в голову. Перед глазами мир прыгал и трепетал, как изорванные чёрные крылья, ослеплял рябыми вспышками.

Ну уж нет, так просто принять слабость и сдаться?

Даглас настойчиво согнал визжащий истеричный шум в ушах, и о ледяной боли задушенного сердца напоминала только гадкая серая пелена перед глазами.

– Ты меня пугаешь, – Лойс хмуро посмотрела Дагласу в глаза, нагло дёрнула его за руку, заставляя помимо воли остановиться. Её напряжённо дрожащие зрачки лихорадочно блестели неизвестным доселе чувством, неясным, тернистым, как заросшее болото, но глубоко понятным. Девушка и злилась, и сострадала, это жуткое безмолвное положение выводило её из себя похлеще лжи или приказов. На веки набегали предательски обжигающие капли слёз, но сердце ревели пульсом, словно во время драки, подстрекая к удару.

И ведь она ничего не может сделать... ничем помочь.

Увидев растерянное на грани помешательства состояние потеряшки, Даглас измученно смирился с тем, что заврался, и пора заканчивать, и ласково успокоил её севшим от ката-

строфической слабости голосом:

– Мне плоховато, бывает такое. Мы добежим до Ноны, и она меня починит. Не волнуйся.

Как бы он ни рвался выглядеть защитником без единого изъяна и не испытывать постоянно гнетущее, парализующее сознание чувство вины за то, что сотворил по глупости, Лойс всё видела насквозь, словно рыбу, замершую во льду.

– А далеко идти? – поинтересовалась девочка, подала Дагласу руку, а второй придержала его за грудь. Ей всё казалось, что он осыплется пеплом, убери она ладонь. Он устало смотрел вдаль, до немого ужаса пусто и не моргая, будто мертвец, окоченелый и сломленный.

– Нет, пара кварталов всего, – Даглас пошёл, медленно и осторожно, как по хрупкому льду, спотыкаясь. Его голову всецело захватила отчаянная и потерянная мысль, грубо сдавливающая виски: «Главное идти, главное идти, главное...»

Лойс двинулась за другом, от тревоги у неё больно ёкало сердце и щипало где-то под рёбрами, назойливо и противно так, что хотелось вырвать всё мясо изнутри. Девушка едва касалась пальцами груди печника, побоявшись стеснить его

дыхание, и так утомлённое и хриплое, словно он втягивал воздух через гадкую склизкую дрянь в горле.

Они несколько минут шли по дороге вперёд, здания вокруг вытянулись, у дороги встали фонари с исколотыми инеем стёклами, под ногами легла вероломно схваченная льдом плитка. Постепенно пространство расширялось, переходя в площадь, у начала которой раскинул крылья величественный храм.

Лойс, раньше не выдавшая таких потрясающих огромных строений, сплошь из серебра, извести, мрамора, голубоватой мозаики... изумилась так, что остановилась, словно поражённая в глаза божественным светом. Она совсем ничего не смыслила в архитектуре, но это искусно вложенное в камень чувство величия прошибало насквозь, словно блаженный ветер всколыхнул душу, и она безмолвно задрожала.

– Ништя-я-як...

– Не то слово... этот храм... кхах... десять лет строили, – Даглас тоже поднял голову, привычно оценивая вид святого места. В голове творилось безумное мракобесие, застилая глаза красноватой копотью, мужчина страшно закашлялся и постарался глубоко вздохнуть, но цилиндры истошно скрипнули и стихли, отказываясь работать.

– Пойдём скорее, – Лойс с трудом отвела взгляд от уличного великолепия и пошла дальше через площадь, осторожно огибая озадаченно струящихся по бокам людей. Даглас накрыл руку девочки, лежащую на его груди, своей, пытаясь чуть подбодрить потеряшку и намекнуть, что всё успеется.

Хотя сам он так не думал, предпочитая бешено надеяться на хороший исход. Судя по хмурому и сосредоточенному лицу Лойс, она разделяла его мнение.

Скоро Даглас остановился около дома, вставшего в ряд с остальными на широкой длинной улице. Машины и омнибусы пёстрой смешанной в непривычно шумное и дикое линей стелились совсем рядом.

Даглас поднялся на ступенькам с помощью Лойс, которая крепко держала его, дабы он не свалился лицом вперёд, и постучал в большую тёмную дверь, облицованную узорной деревянной аркой.

Всё, как раньше, только кирпичи со временем потемнели и из песочных превратились в унылые серые блоки, заплывшие разводами извести.

Внутри слышался чёткий цокот каблучков, и дверь от-

крылась, явив слегка удивлённую неожиданнным визитом Нону в домашнем синем платье в горошек и в бигуди на всю голову.

Как только она увидела знакомое лицо, тут же возмущённо обомлела, будто ей выстрелили над самым ухом. Она грозно втащила печника в коридор и с размахом ударила его по щеке ладонью. От металлического хлопка Лойс с отвращением поморщилась.

– И тебе привет, – неловко улыбнулся Даглас, потирая щеку. Недовольство на лице подруги всё сильнее принимало катастрофический оборот, словно она сейчас же пойдёт за ружьём и сотворит неминуемый апокалипсис.

– Вы посмотрите, даже не позвонил. А я переживаю хо-жу, – Нона сурово скрестила руки на груди, сохраняя вид сердитым, но бесстрастным.

– Прости, никак времени не нашлось, правда, – Даглас попытался неуклюже откупиться жалостливым взглядом в пол, но это не помогло. Нона выцепила из-за спины мужчины опасно замершую Лойс и мирно положила ей руку на плечо, от чего та стеснённо вздрогнула. Смертоносная волна схлынула, и внезапная нежность заставила потеряшку шокированно отшатнуться.

– А это... та девочка, да? Как тебя зовут?

– Лойс... – едва слышно ответила беглянка, запахиваясь глубже в пальто, будто стараясь спрятаться от неизведанного вероятно враждебного места. Но, когда грубый взгляд Ноны несколько смягчился и заискрился лаской, хотя и без улыбки, девушка расслабилась и безвольно наклонила голову, умиленно тая, как снег под солнцем.

– То-то я думаю лицо знакомое. Так тебя по всему городу ищут, милая, – заметила врач, по-доброму потрепав девочку по щеке, и начала помогать ей снять пальто.

– Я знаю, – Лойс разозлилась тому, как нагло душат её самостоятельность, но позволила женщине о себе позаботиться. Лучше быть благосклонной, тем более, когда и правда нуждаешься в помощи. Руки у девочки жутко одеревенели от непосильного напряжения, пока она пыталась не уронить Дагласа.

Нона кинула пальто девочки на крючок в коридоре и, пока та стряхивала с ног ботинки, серьёзно приказала печнику, хотя и с некоторой дружеской задиркой:

– Даглас, кусок ты станочный, бегом в комнату.

Даглас, как мог, но, естественно, не бегом, послушно поковылял в зал на второй этаж, по пути шутливо отдав честь и изобразив на изуродованном болью скорбном лице галантную улыбку. По всему коридору встряской ходил хрипящий гул и лязг от его шарниров.

– Лойс, пойдём, приведу тебя в порядок. Нечего стесняться, все свои, – Нона за плечо ввела девушку в зал.

Место напоминало обширную гостиную с широким кирпичным камином у стены. Обои в витиеватом золотом орнаменте, просиженные кресла в красных цветах с деревянными вставками, пушистый, кое-где сбитый бурый ковёр и лестница наверх. Довершали невообразимо уютную и мягкую обстановку громадные картины на стенах – пропылившиеся, но всё ещё яркие летние пейзажи. Сверху комнату освещала люстра, похожая на подвешенные вверх дном пять фарфоровых чашек. Жизнерадостный жёлтый луч разбивался о пол и марал стены бликами.

Слева от камина, рядом с высоким книжным шкафом, полки которого прогнулись от количества толстых затёртых фолиантов, узорная арка вела в ещё один коридор, откуда шли всего две двери.

Нона провела Лойс в одну из них. Здесь всё напоминало больничные душевые – стерильный запах, безвкусный пар от воды, плитка на полу и на стенах, белая и непримечательная. Ванна мостилась рядом с забитым стеллажом и раковиной на деревянном столике с зеркалом.

– Ты пока раздевайся, а я воды наберу, – врач опустилась на колени перед эмалевой ванной и открыла кран. Горячий пар лениво всплыл наверх и осел чистыми каплями на потолке.

Лойс застыла в немом стеснении, по её телу пульсирующей волной пронёсся дикий жар. Ладно, когда она в нижнем белье, но так?!

С другой стороны, Нона женщина, её не стоит стесняться. Она выглядит славной, хотя и угрюмой, и пригласила к себе домой, в уют...

Девушка начала понемногу стягивать тёплую кофту, рубу, брюки и носки, пока не осталась совсем голой. Она замерла, как испуганный зайчонок, оглушённый шумом, сжалась неестественно, словно её беспорядочно спутало канатами.

Нона повернулась и внимательно, хирургическим взором оглядела её тщедушное тельце, так нелепо похожее на маль-

чишеское.

Лойс много раз говорили, что её костлявой тушей только собак кормить, но, увидев добродушие и даже сожаление на мягком лице врача, девочка заверила себя, что не всё так ужасно, как ей толковали. Как минимум для этих двоих она не уродина, и это вселяло ещё мутные лучики счастья в сырую тяжёлую темноту, которую она мучительно таскала в сердце много лет.

Лойс осторожно залезла в ванну, и Нона подала ей жёсткую мочалку, понимая, что лучше не настаивать на помощи. Девушка уже самостоятельная, да и не любит напрасные прикосновения.

Горячая вода подарила странные ощущения, прозрачные, медленные, незыблемые. Удовольствие наконец-то смыть противную дорожную грязь и ощутить легко пощипывающее тепло в пальцах поразило девушку утомлённым трепетом с головы до ног.

Когда Лойс как следует намылила свою короткую шевелюру, морщась от текущей в глаза пены, Нона зачерпнула ковшем воду из ванны и вылила аккуратной струёй на голову девочке. Тихо отплевавшись от горьковатого привкуса, рыжая проморгалась и спросила из чистого интереса:

– А как долго вы с Дагом знакомы?

– С самого детства, пожалуй. В новой семье он быстро прижился, мы в нём души не чаяли, – от приятных душевных воспоминаний Нона незаметно отвела взгляд вверх, пропустив быструю задумчивую улыбку. – Ты знаешь, наверное, что он один остался такой идиот.

Лойс беззвучно приснула в кулак, поддерживая зажатый мычащий смех женщины, от этого не менее тёплый и располагающий на мирный лад.

– Он всегда таким был, да? – поинтересовалась девушка, снова старательно намыливая голову так, что больно чесалась кожа.

– Да... Мать с отцом рано ушли, попали в крушение паровоза. Даглас после этого долго ходил, как в воду опущенный, будто он сам этот злополучный вагон опрокинул... – Нона мрачно покачала головой, всё ещё бросая попытки смириться со свалившейся на её шею ужасной долей. Если бы только она могла хоть чем-то помочь другу в то нелёгкое тоскливое время, но им оставалось только кое-как переживать утрату вместе, отверженно не принимая в сердце ничего, кроме загнанной скорби. – Жаль его, ему так тяжело с этим синдро-

МОМ ВЫЖИВШЕГО.

– Синдром выжившего? – новый неблагозвучный термин заставил Лойс гадко забеспокоиться. Даром что Даглас дурачок, он ещё и головой ударился?.. Второй раз?.. Она нетерпеливо повернулась к Ноне с яростным вопросом в глазах.

– Это такое постоянное чувство вины за то, что не смог кого-то спасти. Особенно своих близких, – отстранённо объяснила врач, неторопливо выливая на макушку сироте ещё одну порцию воды. Чувства Дагласа по-наивному очаровательны, но они приносят ему столько отвратной боли от уже порядком зыбкого прошлого, что лучше бы они пропали, как страшный сон. – Вот он и старается всем помочь, всех приютить, обогреть... Он однажды мне сказал, как ему плохо знать, что где-то есть кто-то грустный, беззащитный и одинокий.

– Значит... он даже меня любит? – приподнятым тоном подытожила Лойс слова, которые уже давно упорно пробили ей все мысли и рьяно просились на язык, ожидая такого невозможного и прекрасного до состояния счастливого шока подтверждения. Девушка знала ответ, но всё равно радостно встрепенулась, когда Нона кивнула с доброй усмешкой на лице:

– Ещё как.

И всё-таки её любят. Безвозмездно и от всего сердца.

Наверх Лойс бежала со скоростью пушечного ядра и впрыгнула в комнату первее Ноны, хотя едва ли знала, где искать Дага. Ей казалось, что за те полчаса, что она с женщиной невинно болтали в ванной, печник мог уже три раза задохнуться.

Как можно допустить такое и вообще оставить его одного?.. Он её никогда так не бросал.

Девушка не могла осознать, как внезапно её раздражение и недоверие сменились на тревогу и что-то странное, невесомое и до дрожи мягкое. Но... это новое чувство, хоть и неудобное, нравилось ей, ведь теперь она не боялась.

Даглас лежал на большой двуспальной кровати в комнате, где едва помещался узкий шкаф и одна табуретка. Из открытой створки окна веяло одичалым холодком, со свистом, крадущимся внутрь.

Печник скрестил руки на голой груди так, что ему только цветов кругом не хватало, чтоб преставиться; дым из его рта тёк тёплой худенькой струйкой, поднимаясь слабыми рывка-

ми в потолок. Когда возле постели послышались торопливые шаги, он чуть поднял голову и бодро, насколько мог, улыбнулся потеряшке и поднял руку в приветственном жесте.

– Всё нормально? – участливо спросила друга Лойс, аккуратно сядя на свободном краю кровати, чтоб не испортить матрас.

– Да, как лёг полегче стало, – Даглас сподобился снять с рогов шарф, и показались растрёпанные чёрные локоны и осунувшееся щетинистое лицо на тонкой шее. Так как девушка раньше не видела печника без верхней одежды, она удивилась тому, как он хрупко и изящно выглядит, даже при том, что изнутри он тяжёлая металлическая машина.

– Ты крови не боишься? – поинтересовалась мимоходом Нона, входя вслед за девочкой с увесистым чемоданом в руках. Она села на табуретку с другой стороны кровати и откинула крышку, обнажив дно, полное любовно разложенных по отделам хирургических инструментов.

– Не-а, – честно ответила Лойс, пережившая слишком суровый опыт, чтоб волноваться о такой мелочи, как открытые раны и вязкие лужи по полу. Уж тем более, когда им рассказывали о недавней на шумевшей гражданской войне – «Громогласной», и сколько крови враги церкви вытрясли из

невинных детей, нервы закалились, как стальные трубы.

Даглас заметно занервничал, с наивной надеждой распахнув глаза так, что в них можно гнезда вить; он до панических припадков ненавидел кровь, и больше всего – операции внутри механизма, которые ему, хоть и с завидным мастерством, часто проводила подруга.

– Может не будем? – прохрипел мужчина, чувствуя, как его нервы ошалело дёргаются, словно кто-то нещадно оттягивает струны и со всей бесчеловечностью хлещет ими по мозгам.

– Извини, – развела руками Нона, подняв брови, мол, ничего не поделаешь, – иначе я тебя самолично убью.

Это показалось Дагласу всё же худшим исходом из возможных, и он смиренно закрыл глаза, такой невыразимо печальный, словно и правда умер в ужасных муках. Он знал, что с виду такая отстранённая и грубая женщина абсолютно не любителю шутить, профессия обязует, но доброта всё равно берёт своё.

За это он её и уважал. За холодной твердыней скрывалось чуткое тепло.

Нона натянула на руки тёмные кожаные перчатки и вооружилась скальпелем и коротким металлическим ухватом. Лойс заворожённо следила за её чёткими действиями, никогда раньше понятия не имевшая, как работают врачи. А Даглас страдал, но не подавал виду, хотя невероятно хотелось убежать в истерике.

– Если будет больно заткни рот подушкой, – медсестра уколола остриём ножика кожу на груди Дагласа и, когда упёрлась в ребро, начала медленно и ровно разрезать покров, добираясь до металлических костей. Даглас мужественно свёл брови, хотя они и немного подрагивали, а по виску струились крупные капли пота. Сдерживать порывы болезненного крика ему помогало только то, что рядом, истомлённая выжидательным напряжением, сидела Лойс, и печник больше всего боялся, что она в который раз станет переживать за него.

Нона наклонила голову, прищурилась, разглядывая погнутой цилиндр под рёбрами, который едва дрожал, изображая бурную деятельность. Из днища, толкающего воздух, торчало искорёженное сломанное бревно.

– Зачем ты пихаешь в себя всякую дрянь? – врач крепко схватила зажимом бревно и, расшатав, вытащила из механизма, после чего по-хозяйски открыла дверцу печки на жи-

воте Дагласа и положила туда конец ухвата. Несмотря на всё гадкое возмущение и парализующую злость, женщина уже давно поняла, что лекарства от бреда, приходящего иной раз в голову её другу, лекарства нет.

Даглас знал, что пояснять глупые идеи и защищаться от убийственного взгляда подруги у него получается до ужаса плохо, но он что есть мочи постарался, выдав скомканое и тихое от мерзкой неуверенности:

– Через поля до города добраться быстрее на колёсах...

– ... быстрее по голове получить за такую дурость, – перебила демона Нона и, вытащив бревно из второго его цилиндра, раскалённым до зловонной копоты и белого света ухватом взялась за первый и вправила его, подождав, пока стенки нагреются. Приходилось подлезать инструментами сквозь кости и горячее до тёмного пара мясо, что портило всю точность работы и немало мешало.

Даглас наконец смог вдохнуть полной грудью, и его пламя весело подскочило и затрещало, кусая свежий воздух. Никогда ещё мужчина не ощущал столько восторженного удовольствия от дыхания, сколько сейчас.

Лойс, тревожно прикорнувшая в углу кровати недвижи-

мо, словно зашуганная мышь в уголке, расслабила уже сведённые губительной судорогой плечи. Она и не сомневалась в волшебных способностях Ноны, но теперь её металлический гигант вне опасности, что радовало ещё сильнее, как если бы он и правда лежал при смерти без шанса на выздоровление.

Нона свела вместе края надреза и прочно сшила их нитью, сложила использованные инструменты и перчатки на поддон и подняла чемодан.

– Я за градусником.

Напоследок она оглянулась и, в качестве дюжей поддержки, улыбнулась, хотя это выглядело так, будто она сурово пожала губы.

Когда дверь за женщиной с щелчком заперлась, Лойс переползла на стул около Дагласа и в невинном чувстве приязанности положила свою ладонь ему на руку, прикрывающую шов. Девочка впервые касалась его голой кожи, она источала жар, словно облитая кипятком, и напоминала грубую чешуйчатую шкуру ящерицы, хотя с виду так и не скажешь.

– Ты как, хорошо?

– Да, – Даглас повернул к ней голову, устало прикрыв глаза, и мягко улыбнулся. Это выражение постепенно начало казаться Лойс не глупым, а довольно милым.

Мир отвергал её, но теперь она перестала страшиться протянутых рук. Ведь они хотели не оттолкнуть её, а с любовью прижать к себе.

– Может ты перестанешь так себя вести? – по-привычке оскалившись в гримасе недовольства, обратилась к Дагласу потеряшка, обмозговывая в голове, когда же он всё-таки одумается.

– Как? – недоумённо поднял бровь печник, в ответ словив жёсткий, как наждачная бумага, осуждающий взгляд.

– Ну... ты постоянно собой рискуешь, страдаешь за-чем-то... А помочь себе не разрешаешь, – голос девочки грустно упал, когда она с тоскливым трепетом осознала эту противную брешь, которую она не может уничтожить. Она не обязана, но просто потерянно смотреть на весь этот выходящий за рамки сумасшествия кошмар слишком бесчеловечно.

– Не хотелось бы, чтобы ты во мне усомнилась, – на искреннем беглом срыве ответил Даглас, и, как только эта до

исступления горькая фраза сорвалась с его горла, он ощутил, как исполинский камень, всё это время грузным бременем привязанный к его спине, исчез. Расправились плечи, утихла мерцающая дрянная боль. Пожалуй, что бы ни произошло, ему стоило быть честным, тем более с Лойс. Всё это время.

Лучший подарок и проявление любви к человеку – искренность. Вот что важно...

– Даже у сильных людей есть слабости, это нормально. Помнишь, ты говорил, что взрослые тоже боятся? – намекнула Лойс, увидев, как растерянно задумался друг, буквально провалились в дремучее состояние самокопания.

Неужели он настолько отчаялся, что думает, будто она ничего в нём не видит?.. Не ценит его?.. Что за жуткие мысли...

– Да... – голос Дагласа всё ещё прыгал, как у буйнопомешанного, как же он понимал Лойс, каждое её слово откликлось в его измученном сердце маленькой искоркой надежды, безропотно согласной во всём, порывисто летящей к миру со счастливым криком «ДА! ДА!».

Как Лойс не врала ему, так и он никогда не опустится в грязную ложь.

– Я не брошу тебя только потому, что ты не железобетонный, – Лойс ошарашено стиснула зубы, заметив, что сказала что-то не то, и, запнувшись и покраснев, будто постыдно заговорила по-птичьи, продолжила: – В смысле... железный, но не бетонный. Ну, ты понял...

– Иди сюда, – Даглас любвеобильно раскрыл объятия, и Лойс нырнула в них, в родное доброе тепло.

Они верили друг другу, что бы ни случилось.

– Я тебя тоже никогда не брошу, – пообещал Даглас, закрыв полные кипящих слёз радости глаза. Он готов высечь эту клятву на собственном сердце.

8

Даглас спустился в гостиную затемно. Воздух пах чем-то пряным, напоминающим свежий хлеб, камин потушен, и дыра в нём зияет густой угольной пустотой. Только небольшой круг света от настольной лампы, небрежно ползая по полу, прозрачными лучами цеплялся за два знакомых силуэта.

Лойс, поджав к груди колени, уютно устроилась в кресле, Нона расположилась рядом на диване, накинув на плечи толстый вязаный плед, и заинтересованно читала книгу вслух. Казалось, девочка ни слова не понимала, но всё равно вни-

мала так очарованно, будто это не монотонный текст, а весёлая байка.

– ... пателла защищает коленный сустав, помогает в передаче силы при сгибании и разгибании колена...

– А если сломать коленку, то можно выгибать ногу в другую сторону? – с по-детски неувидительно кровожадным любопытством спросила Лойс, вытягивая носок вперёд и внимательно его изучая.

– Можно, правда ходить будет затруднительно, – от такого необычного вопроса Нона забавно фыркнула, кинув в мрачный камин долгий туманный взгляд, навверное, наполненный картинками травм и смертей войны. Что только она ни встретила, пока тащила на себе людей с того света, если он и был, и до сих пор привыкнуть к тому, что мир успокоился после скверного хаоса врач так и не смогла.

– Я бы не советовал коленки ломать, – Даглас уселся на ковёр рядом с Ноной, и положил голову ей на ноги, словно собака, жалобно прильнувшая к грустному хозяину, дабы сделать ему хоть немного тепло на душе. Но глаза печник чутко скосил на потеряшку.

– Как ты, Лойс?

– Я тебя о том же хотела спросить.

В ответ мужчина расслабленно усмехнулся и выпустил дрожащее серое облако дыма в потолок. Пожалуй, только в этом доме он мог дышать свободно, не боясь, что в нём заподозрят демона.

Удовлетворённая добродушным расположением духа друга, Лойс обрадованно кивнула.

Наконец дома... Она ещё долго не найдёт себе места здесь, но рано или поздно все волнения улягутся, остепенятся, как прирученные птицы. Тем более, что рядом люди, дорогие ей, как жизнь.

Нона шутливо взъерошила волосы на голове Дагласа и осторожно поёрзала, устраиваясь поудобнее и возвращаясь к книге.

– А кто живёт в том большом доме на площади? Белом таком. Как замок, – задумчиво поинтересовалась девушка, смотря куда-то в пёструю стену, за которой, по её мнению, скрывалось это великолепное здание, возведённое не иначе как высшими силами. Подобное сказочное произведение искусства Лойс видела только на чернильных картинках в

немногочисленных книжках, которые удавалось достать в приютской библиотеке, состоящей из одного глухого шкафа в коридоре. Читала девочка из рук вон плохо, по слогам, и разглядывать рисунки в таком случае гораздо охотнее.

– Это храм отца Йонеса. Вам не рассказывали в сиротском доме о религии? – озадаченно нахмурившись, спросила Нона. Лично ей после геноцида демонов ежедневно в школе за-талкивали в голову целый ворох бесполезных убеждений и нравочений, построенных в основном на почитании Ангела нашего спасителя.

– Не-а, – Лойс слышала пропаганду вагонами, но никогда не воспринимала её серьёзно. Если демоны, которые могут сожрать твоё сердце, если ты не спишь ночью, пугали, то заверения, что существует что-то святое и великое отзывались у девушки только циничными вздохами. Она мало верила в то, чего не видела своими глазами, кроме того, что потенциально могло убить её и съесть с костями.

– Люди верят, – Даглас отнял голову от коленей Ноны и вытянул ноги, лениво, но красочно жестикулируя руками, словно исполнял теневой спектакль, – что когда-то давно к ним с небес спустился ангел. В них большинство не верит, доказано, что их и не существовало никогда, но вот отец Йонес есть.

– И они думают, что он ангел? – нахально цокнула языком девушка, показывая всё своё бешеное презрение к самопровозглашённому святоше. Странное прозвище для того, кто просто так уничтожил целый народ. Слова, услышанные в детстве краем уха, теперь принимали совершенно потрясающий смысл.

– Да, он же избавил их от демонов... Ну, точнее, как написано в «Священной книге» – «дал людям силу разящего потока, и в великой битве тварей и чистых душ был обретён покой», – качая указательным пальцем, как старый порядком уставший профессор, объяснил Даглас.

– Святую воду? – догадалась потеряшка, вспомнив, как по-зверину робко опасался её демон. Иначе и быть не могло, это же единственный способ убить такое пламя...

– Ну, её так называют. Ею обладают и душехваты, – Даглас поджал губы, отведя глаза в грубо царапающих череп раздумьях. Так странно, что всё ту же дьявольскую силу, просто другого вида, люди привыкли приравнять к чему-то благословенному. – Уж не знаю, замешан ли в этом Йонес или нет...

– Да и не битва это была, – запоздало перебила Нона, от-

рываясь от книги и возмущённо готовясь к атаке знаниями, хотя её бессменное выражение скорее напоминало не азарт, а скуку.

– Я дословно пересказал, думаешь зря я святую книгу на войне до дыр зачитывал? – уязвлённо обернулся на подругу демон, оборонительно скрестив руки. Они уже не раз буйно сталкивались мнениями, но мужчина уже заранее знал, кто победитель, поэтому не настаивал, хотя взглядом сверлил, как отвёрткой гору.

– Во всяком случае, когда в бой идёт только одна сторона – это убийство, – таким твёрдым голосом, что страшно пересохло в горле, отрезала женщина. От последнего слова на языке появилась неожиданная гадкая вязкость, будто она глотнула песка.

– «... это убийство»... – Лойс повторила за Ноной последние слова, шёпотом, словно боясь спугнуть уже осевшую родную атмосферу. По позвоночнику дёрганым галопом пронеслась горячая дрожь, как ножом по сорванной коже.

Может раньше она и плевала на смерть, что свою, что чужую... но сейчас это вызывало у неё грозное чувство потерянности и гнусного страха, ледяной слизью стекающего по

её сердцу.

Как отвратно убивать... как гадко умирать...

– Пустое. Мы дома, все на месте. Не о чем переживать, – добродушно улыбнулся Даглас.

– Да... – Нона сокрушённо отвела взгляд, в глубине души беспокойно понимая, что им точно есть, о чём волноваться. Хотя бы о Йонесе, пропади он пропадом. Забыть то, как пытливо, словно злобный голодный мертвец, он смотрел на неё... нет, от этого определённо нужно отвлечься, иначе эта водянистая мгла подсознательного страха всю голову зальёт.

Женщина, слегка замешкавшись, вспомнила, что оставила напоследок нечто важное, и достала из кармана градусник, который так и не донесла до спальни, когда из неё вышла Лойс. На этот раз покормить ребёнка оказалось важнее, чем мучать Дагласа лечением, и врачебная этика тут ничем толковым не помогла, только путалась и мялась в сторонке от прочих мыслей.

– Однако, нам всё равно надо... – Даглас захлебнулся словами, когда Нона требовательно вставила ему градусник в рот, и капризно, но сохраняя серьёзно настроенную мину, промычал: – Нона, шифел мне в томку!

– Гундя, – врач внимательно до неловкости следила за серой полоской ртути, ползущей вверх по довольно высоким для человека отметкам. – Пятьдесят шесть. Тебя сразу убить или потом.

– Не надо! – печник поспешно вынул изо рта градусник и пригнулся, ладонь женщины с обстриженными ногтями грозной минувшей карой просвистела у него прямо над макушкой. Он помнил каждое движение подруги с детства, и уже прекрасно отточил мастерство уворота в случае разъярённого нападения на его лицо и затылок. Несмотря на то, что демон диковато встревожился от трезвого осознания своего состояния, он всё равно шутливо показал названной сестре «нос» из термометра.

– Так это... вроде бы даже выше нормы, – вставила Лойс, ведь максимальная температура, какую она видела, поднималась у чахоточного мальчика в приюте, и при сорока двух его смерть констатировали вслух обе медсестры. Но Даглас – ходячая печка, так что почему бы ему не греться, как чайник на конфорке?

– Ох, милая, норма для этого парового бойлера – не меньше ста, – Нона недовольно скосила глаза на друга, склонив голову с явной недобросовестной угрозой, хотя единствен-

ное, чем она могла вытащить наружу своё сердитое возмущение – это ещё раз треснуть Дагласа.

Мужчина тихо втянул воздух сквозь зубы, безуспешно стараясь согнать с лица яркий стыдливый румянец. Он так увлёкся всем на свете, кроме себя, что забыл даже о смертной казни по приезду домой. От такого неисправимого позора уже в который раз за годы даже челюсть сводило и рёбра пренеприятно тёрлись друг об друга, как скользкие тряпки о камень.

Лойс сразу шустро среагировала – подошла к поленнице сбоку от камина, схватила охапку брёвен и, свободной рукой бесцеремонно распахнув дверцу Дагласовой печки, впихнула туда деревянное добро.

– Ешь.

– Ох, девочка моя, – печник подобрал пару рассыпавшихся дров и забросил их к остальным, после чего прочно запер дверцу. Лойс заметила, как из горла Дагласа мягко сияет желтоватый свет, от которого густые клубы дыма обретают позолоту, смешанную с чернильной серостью.

Даглас в порыве нежной благодарности и радости за отзывчивость девочки чуть притянул её голову к себе двумя

руками и чувственно поцеловал в лоб, пульс, хоть и всё ещё лихорадочно сбитый, восстановился и начал понемногу живо шатать грудную клетку.

От такого милого проявления обычных слов Лойс зарделась, и на красных щеках веснушки чудились бледными звёздами в ровном закатном небе. Всё ещё тяжело привыкнуть к тому, что к ней относятся так любвеобильно, в случае Ноны – бережно и в то же время как ко взрослой.

Она знала, что такое воспитание в колонии, но если там тебе обрубали всякую связь с твоим невинным детским нутром, то сейчас... Ей просто давали выбор. Она могла как и отстранить в самостоятельность, так и прильнуть, когда ей страшно или грустно, и никто не осудит её за это, потому что она – человек...

Даже демон, вначале казавшийся страшным монстром, сулящим только одни потери и беды, сейчас превратился для неё в бесконечно родного человека, без которого она просто не могла представить своё ничтожное существование в этом кровожадном хаосе, называемом внешним миром.

Она не может ничего, и в то же время... всё.

Так внезапно, но она – живой человек, которого любят,

каким бы он ни был.

Утро выдалось на редкость тёплое для северного края. Солнце растворялось голубоватым шаром в бледном, неряшливо размазанном тумане.

Даглас рано поднялся, чтоб зайти на базар или в бакалею за продуктами для завтрака, а Лойс с Ноной чуть позже разжились пшённой кашей.

В готовке девочка всё ещё оказалась не сильна, и врач помогла ей, триумфально уронив в кастрюлю сахарницу. В такой ситуации обычно не до смеха, но горе-кухарки хохотали так безудержно, как в последний раз.

– Ладно, ладно, попытка номер два, – Нона раскрыла шкафчик из светлого дерева, висящий над уже порядком засахаренной газовой плитой и заглянула туда, поднимаясь на цыпочки. – У меня ещё осталось. Если печка вернётся к завтраку, может, даже чай попьём.

– А он не обижается? – Лойс оперативно сняла с огня кастрюлю и опустилась к белым ящикам доставать вторую. Ей прозвища, которые женщина давала Дагласу, казались оскорблениями, хотя на «чугунную ванну» он реагировал куда раздражительнее.

– Он мировой человек, его невозможно вывести из себя, – со знанием дела пожала плечами Нона и сжала губы в неловкой, но хитрой улыбке: – Да и к тому же, он знает, что я это люблю.

– А он... когда ему было грустно или страшно, он превращался в демона, – девочка с бурным холодом под сердцем вспомнила тот момент в вагоне и рядом с костром... Тогда чудилось невероятным кошмаром то, что Даглас, такой милый и тихий, способен обращаться в испуганного, забитого, отчаявшегося, но зверя.

Так или иначе, обе стороны составляли его воедино, и при мыслях об этом Лрйс перестала бояться. У неё тоже есть два лица, никто не идеален, как, простите, отец Йонес – потеряшка может быть агрессивной и грубой или нежной и любопытной, слегка приоткрытой этому хаосу за дверями её разума.

– Этого не отнять. Его проблема в том, что стержня нет, характера что ли... В лепёшку готов разбиться, а вот отпор дать – это не про него, – сколько моментов Нона видела, как истерзанно ломался изнутри её друг, почти проклиная своё адское происхождение, сердобольный и готовый сносить любые удары, как грязная груша для битья, только бы не трога-

ли его родных. Он мог защитить себя только в беспамятстве, и это ранило врача больше кинжала в лицо.

– Но он нас защитил... от душехвата, – девочка недоумевающе подперла кулаком щеку, пытаясь нагнать ехидным потоком уплывающую мысль своего нового опекуна.

Но на раздосадованно вздохнула. Гиблая мысль о том, что может стать с Дагласом, когда он всё потеряет, травила нервы стальным дребезжанием, кромсающим голову... Он отречётся от себя, или не станет больше покорно терпеть эту отвратную безвыходную боль?..

– Он до сих пор избегает своих нормальных чувств, которые считает злыми и неправильными, вся эта боль копится, копится, а потом р-р-раз... Это его только вбестолку выматывает, ты знаешь... Он упорно думает, что от него толку нет, что он без конца и края ошибается, как пень с глазами. Боится себя, что человека, что демона. Мыслит себя пустотой.

– Но он же не пустота, – изумлённая такими тернистыми и истошно печальными закромами души печника, возразила девочка, насыпая крупу в кастрюлю. Её искренне поражённый взгляд заставил женщину незамудрённо прийти к самому простому решению, какое она могла дать всилу своего не

особо яркого понимания эмоций.

– Просто ему не хватает немного принятия. Что от себя, что от других, – непринуждённо пояснила Нона, ласково потрепав девочку по голове. От этого добродушного жеста Лойс сначала растерянно отшатнулась, но ввевшаяся противными пятнами в сознание привычка прятать от побоев затылок постепенно незаметно уходила, сменяясь на незнакомое и тёплое до параноидальной тряски ощущение совершенно новой любвеобильной среды.

Обе радостно улыбнулись своим разным мыслям.

Мирную обстановку на большой, похожей на золотую царскую столовую, кухне прервал настойчивый стук во входную дверь, слышный через коридор гулом похоронного марша.

– Даглас же совсем недавно ушёл, забыл что-то? – Лойс то-ропливо дёрнулась открывать, но Нона остановила её, схватив за руку жёстко и сурово. Женщина напоминала собаку, замершую в каменной охотничьей стойке с напряжённым и бдительным взглядом.

– Это точно не он.

Даглас понял, что произошло ужасное, ещё по возвраще-

нию из бакалеи, с корзиной в руках и меховой шапкой на голове.

Чуяло сердце, тряслось от неясной, неосязаемой тревоги, билось шумным кипящим пульсом в горле. Демон плохо понимал природу этого дряного ощущения, насильно и резко тянувшего его вперёд, как будто подгоняя, упрямо крича в уши, что он уже опоздал.

Печник добежал до дома так быстро, как мог по гололёду и с занятыми руками, и впопыхах грубо дёрнул дверь, чуть ли не истерично надеясь, что она заперта. Но проём лёгким рывком появился перед ним огромной тёмной впадиной, источая вязкий холод и горький запах нафталина.

– Вы слышали? – внезапно настороженно окликнул чужой голос со стороны лестницы.

Даглас с гневным внутренним упрёком поборол в себе одичавшие до панического страха эмоции, поставил корзинку на пол, бесшумно сбросил пальто и шапку, чтобы они не мешали и, осторожно балансируя металлическим хвостом, на цыпочках выполз из коридора.

Одна мысль, оставшаяся твёрдой и чистой из всего кровавого хаоса в голове – найти Нону и Лойс, чего бы это ни

стоило.

Даглас прошмыгнул по стенке мимо людей в чёрной форме жандармов, столпившихся около лестницы. С усилием оттолкнувшись от пола, Даглас повис когтями на потолочный балке и тяжело залез туда целиком, как кот на забор. Брус под его тушей прогнулся и тихо застонал, и, чтобы не сорваться, Даглас сгруппировался на четвереньках и перескочил на соседний брус, с буквально разбирающей пространством на части внимательностью оглядывая комнаты и коридоры в поисках девушек.

До комнаты Ноны Даглас дополз уже весь липкий от пота, будто на него вылили ведро раскалённой смолы. Испарина лёгким белым дымом вилась около его лба, а руки дрожали мелко и нервно, как у утомлённого старика. Печник опустился с потолка на пол, стараясь не греметь, слегка оступись от вероломно расшатавшей тело усталости...

Дзынь!

Хвост механически метнулся к вазе с сухими гортензиями на тумбочке, и она свалилась вниз, оглушительно до визга в ушах разбилась в лепёшку керамической кляксой.

В напряжённой до треска тишине ни звука. Их нет в доме.

Но есть жандармы.

И они орущей в азартной кровожадности гурьбой ввалились в помещение, привлечённые звуками, как волки запахом мяса.

– Вот он! – молодой рябой парень, похожий на застрявшую в путах собственной одежды птичку помчался навстречу Дагласу, хищно оскалившись и угрожающе занеся над головой пороховой пистолет.

Даглас стремительно оттолкнулся от пола и, разбив окно ногами, вылетел на улицу в сопровождении ревущих гневных криков и мерцающих звёздами осколков. Демон приземлился прямо лицом на мокрый снег, и ободрал себе нос до крови, рана жгуче саднила, будто ошпаренная.

Мышцы совсем высохли от бессилия и опали прахом, печник с трудом стоял, чувствуя, как от грубо захватившего всё тело панического переживания горячим шаром раскаляется его сердце, просвечивая красным бурлящим жаром сквозь рёбра.

Нельзя останавливаться, если его поймают, он никогда не найдёт девочек.

Даглас, грохоча сапогами и весь лихорадочно дрожа, вылетел с улицы на площадь перед храмом.

Но там его уже заждались.

Отец Йонес медленной величественной походкой, звеня тонким, треснутым льдом на плитке, чинно подошёл к демону на расстояние пяти метров. Все выходы с площади по узким колеям заблокировали запыхавшиеся констебли и встревоженные галдящей массой толпы людей, недоумевающих, что происходит.

– Узрите! – крикнул святой отец, обращаясь в народ зычным, но не потерявшим мягкости и равнодушия голосом. – Перед вами хищная тварь, жрущая сырое мясо, аки адский зверь. Люди! Разве демону есть место среди нас?

Даглас замер, как влитой в стену, звуки кругом словно выключили по щелчку, лишь шуршащие отголоски достигали ушей, ввинчиваясь в сознание с чахоточным дребезгом.

Он в ловушке.

Сквозь дремучий ступор и наплывающий безвозвратный мрак отчаяния доносился испуганный лай отдельных осо-

бенно озабоченных судьбой чудовища людей из толпы, безвольно вторящий словам святого:

– Изгнать!

– Пусть нечисть сгинет!

– Прочь его!

– Сдайся с миром, – бесстрашно, как во сне, обратился к Дагласу Йонес. Его текучий, как мёртвые болотные воды, голос гремел по всей площади, скакал бешеными кругами, разносился скрежетом и щемящим звоном. – Тебе больше нечего терять. Девочку твою казнили. А предательницу рода человеческого застрелят.

Сердце пропустило удар с такой тоскливой ледяной болью, словно его сжали в кулаке, превратив в мёртвый кусок рубленого мяса.

Он НЕ УСПЕЛ?..

Не... успел...

Не...

Даглас чувствовал, как наливается алым кровавым светом надрывный крик в его голове, беспокойный, протяжный, потерянный. Всё тело охватила кандалами тяжесть, словно весь механизм разом вышел из строя и, задыхаясь, молил о со-
страдании.

Демон разваливался под гнётом. Неужели он не смог сбегать от тех, кого так любил?.. Они ненавидели его перед смертью?..

Так глупо, если бы они боялись его, то никогда не приняли бы. Нона не побоялась приютить его в семью, одинокое чудовище в этом пропащем мире, Лойс доверилась ему, та самая «злая рыжуха», которая никогда не знала человеческого отношения!

И эти чудесные души теперь мертвы...

От кошмарного до истерического припадка видения отсечённой головы Лойс с пустыми окаменевшими глазами и пулевых ран в груди Ноны, по спине Дагласа прошла сжирающая в лоскуты кожу дрожь, а горло сдавило сырым отвратительным комом, заставляя бессмысленно дышать до нытья лёгких.

Сдаться и умереть?.. Доказать этим, что старания Ноны

сохранить печнику жизнь, а Лойс – сделать её нужной, на-
смарку?..

Как низко... до омерзения...

Он останется жив, чего бы это ни стоило. Никакой святой
не вправе обрывать эту дорогу.

Его дорогу. Летящую вперёд.

...

В толпу и отца Йонеса швырнуло едкими красными клу-
бами дыма, накрывая сажей головы и безбожно выедавая глаза.

Святой сощурился, пытаясь вычленить среди сердито на-
бухающего алого тумана фигуру демона, но навстречу ему
ринулось тигриными прыжками что-то безобразно иное.

Отец Йонес едва успел отскочить в сторону, тормозя каб-
луками по рыхлому льду. Над ним высилось металлическое
чудище, ящер с козлиными рогами и свиным рылом, горба-
тое тело на восьми длинных тонких звериных ногах и с вы-
тянутым бренчащим хвостом. Через чёрную железную че-
шую рыжими трещинами дымило пламя, разбиваясь в шум-
ные искры о гигантские голые крылья, вряд ли способные

выдержать в небе восьмиметровую тушу.

Люди шарахнулись вон по улицам от благоговейного ужаса, как мотыльки от воды, но Йонес, не раз выдававший истинную форму демонов, сразу трезво оценил свои возможности и расставил руки, собираясь принять первый удар.

Демон пригнулся к земле, словно прячась от ветра, но зрачки его кровавых тускло сияющих глаз расширились, пульсируя и поглощая собой весь свет. Чудище молча, но от этого не менее грозно, бросилось головой вперёд, собираясь уродливой мордой отбросить противника прочь, но Йонес подготовился к этому удару.

За ничтожную секунду до того, как перекошенная личина Дагласа коснулась тела святого, из-за спины того, толкающейся и свистящей гурьбой выскользнули десятки призрачных рук, собравшись огромным мерзко хрустящим комом, они отшвырнули монстра к стене, закрывающей внутренний двор храма. Тело существа раздавило о толстые бетонные блоки с такой сверхчеловеческой силой, что по всему позвоночнику прошла мучительная судорога.

Металлический каркас выдержал напор, и Даглас, хотя и оглушённый, отряхнул с себя осколки и камни, как собака воду, и вернулся к Йонесу, не желая его бросать.

Святой отец тем временем понял, что мало просто отбрасывать чучело от себя. Его надо ранить, вымотать, вскрыть так, чтоб все слабые места оголились сами собой, окроплённые кровью.

Глаза «ангела» наполнились густыми мазутными слезами, они же торопливо заструились по его лицу, рукам, рясе.

Он знает, ради чего страдает.

Ради мира.

Отец Йонес сгорбился, чувствуя кипящую живую боль внутри, отвратную, но такую близкую, привычную, он встретил её радушно, как давнего друга. Кислотно разъедающая вены кровь застыла, как превращённая в колкий лёд, всего на мгновение, прежде чем тело святого разорвала величественная бессмертная сущность.

Нечто до сумасшедшего благоговения мироточащее, светлое, явилось миру. На четырёх лебединых крыльях великан с десятком чёрных рук, ветвистыми рогами и запутавшейся в мокрых белых волосах прозрачной луной. Длинный острый хвост и огромные, глубоко утонувшие в искрящемся мраке, глаза на бесцветном, как маска, лице, дрожали мелкой рябью

от стекающей воды. Оно ухмыльнулось, обнажив в удовлетворённой улыбке острые ровные зубы.

Постепенно оскал начал походить на хищный, когда Йонес ловко набросился на Дагласа, прытко перемахнул на его спину и впился толстыми когтями в металл плеч, внезапно ставший податливым из прежде абсолютно непробиваемого. Стальная чешуя смялась под пальцами ангела, и, скользнув вниз, тот лёгким рывком как камень бросил махину в стену заднего двора храма.

С дробящим череп лязгом и грохотом, словно небо обвалилось на землю, Даглас обрушился под обломки белого кирпича. Всё нутро натруженно болезненно пульсировало, беспокойная тряска не давала покоя, сознание шло мутными алыми вспышками...

Жарко до тления рассудка, но голова ещё не настолько пуста.

Даглас поднялся, грязно звеня отряхнулся, как собака от воды. Камни ледяными градом падали с его спины и застревали в длинных кривых ранах от когтей, сквозь которые шипело нервно скачущее пламя. Вместе с почти улёгшимся красным туманом поднимался невесомый едва видимый пар от снега, сожжённого в пепел горячим телом монстра.

– Хорошо, это будет труднее, чем я ожидал... – Йонес недовольно повёл плечами и, оттолкнувшись от земли так резко и мощно, что плитка задрожала и треснула, опустился верхом на демона, яростно до омерзения вгрызся зубами в его толстую стальную шею и повалил вниз.

Даглас мотнул головой, освободился из захвата и вылез из-под врага.

– Почему ты так поступил с ними?.. – глухой и тягучий, словно из пустого колодца, голос на срыве выскользнул из горла чудища. Даглас знал ответ, но искалеченное сердце так нестерпимо саднило, что перед глазами неслась грохочущим тернистым потоком чёрная пелена, а тело ломалось на кошмарно распадающиеся лихорадочной болью куски.

Святой отец вытер губы от кипящей рыжими пузырями крови. Он не слышал, вернее, не хотел. Каждый демон должен сгинуть, твари не достойны сострадания, в агонии умрёт каждый, кто потекает дьяволу.

Он – мессия, он – защитник, он – властелин. Ни один человек под его началом не будет бояться, всё зло уничтожено, жертва принесена, дни подсчитаны.

– Я нужен тебе, я!.. – хромая на одну из лап, рывкнул Даглас, и с его глаз бурлящим потоком скатились кровавые слёзы, застывая и дымом впитываясь в сталь. – Убей меня, но оставь их в покое, прошу!

Демон попытался опасливо подойти ближе, с каждым шагом он катастрофически терял силы. Ноги не слушались, будто хлипко привязанные и безвольные деревянные брёвна, голова душно наполнялась противным визгливым шумом. Весь мокрый от гадкой бурой крови, но не сломленный.

Если его судьба умереть – он примет её, но с боем. Глупо воевать за жизнь, которая перестала иметь смысл, но это единственная благодарность, которую он может отдать девочкам посмертно.

– Ты будешь страдать так же, как души, которые ты загубил, – ангел расправил крылья, и волна морозного ветра, тоскливо воя, взмыла над крышами зданий.

Даглас не смог больше держаться. Вымотался, его мир разрушился и тихо добровольно утонул в чёрствой крови и слезах безумного отчаяния.

Образ дьявола пал, и перед Йонесом снова появился мужчина, облитый кровью, как красный измученный истукан

солнечным светом, исполосованный гниющими под гнётом холода рваными ранами и совершенно седой. Белые растрёпанные волосы вились на ветру, словно пытаюсь слететь с головы.

По бледному стёртому в страдании и боли лицу Дагласа, дрожа, бежали крупные шипящие слёзы бордового оттенка, оставляя на щеках и разорванной шее сырые алые полосы. Но он улыбался, слабо, неуверенно, будто пытаюсь хоть как-то поддержать сам себя, или же совсем потерял голову.

Йонес тактично уравнивал силы, вернувшись в собственную форму, он вытянул руку с карающим серьёзным видом, но широкими глазами, пугающими бешеным немим взглядом, полным гневного презрения.

Толстая струя воды закрутилась в пенящийся белыми вспышками жгут и кровожадно разбилась в распоротой дверце печи, дико глотая животворящий огонь.

Пепел и гарь осели мокрым трупным пологом на дне.

Даглас рывком опустился на колени, как подстреленный. Обильные грязные слёзы заставляли его зрачки панически дёргаться, всхлипывающее дыхание приостановилось, в полном болезненном остолебенении и шоке всё внутри печника

гибло замолчало.

Огня... нет...

Уши пронзил, как ржавым лезвием, почти забытый крик.

– Даглас!!!

9

Лойс не хотела просто так прогнуться под ситуацию. Стражники быстро вели её за плечи, закованную в тяжёлые кандалы, почти волоком, ибо она настырно упиралась ногами. В результате её понесли так, что она едва касалась носками земли, и это её особенно раздражало.

Девочка решила принять осознанное и рискованное решение. Безрассудство столько раз могло её убить, если бы не Даглас и его грубые, но удивительно спокойные напоминания об осторожности.

Быстро соскоблив все мысли, разметавшиеся по заброшенным закоулкам головы, занятой бессильной изнурительной злобой, которая в данный момент только мешала, Лойс набросала короткий план.

Потеряшка внезапно качнулась вперёд, и каблуком сапога

со всей скорости влетела под колено охраннику. Лицо того чуть не сложилось в скорбную гармошку, и он свалился грудью вперёд, выдавив сокрушённый вскрик.

Одна рука освободилась, и, пока второй констебль в замешательстве смотрел на товарища и его унылые попытки встать, Лойс ударила мужчину под дых так паршиво вкосу, но грубо, что тот поверженно согнулся, едва слышно хрипя от удушья.

Да, на Дагласе этот приём плохо работал, если не сказать совсем ужасно.

Лойс бросилась бежать так быстро, как могла в такую ненастную скользкую погоду. Она ничего не видела, глаза слепил грязный пепельно-белый свет, размазывался дрянью по мыслям, упрямо скрёбся в висках.

Куда увели Нону? Где сейчас Даглас? В порядке ли они?

Девочка остановилась на площади, когда нелепый яростный туман с её глаз содрали. Сердце ёкнуло и затряслось мелко в горле, как в кричащем истерическом припадке. Тело рассыпалось в пыль, безвольное и пустое, сжатое в ничто.

– Даглас!!!

Лойс подбежала к другу на негнущихся деревянных ногах и прижала его к себе, зарывшись лицом в его грудь, холодную, беззвучную. Даглас потерянно, как бессознательный призрак, обнял её в ответ, приветственно потёрся щекой о её волосы.

– Ты мне кажешься?..

– Нет! Я жива, всё хорошо, – девушка заметила, что пламени нет. Она испугалась ещё сильнее, её словно душили удавкой, а пульс торопился разорвать вены в клочки. Слезы брызнули с её глаз, расплывшимися кругами впитываясь в бело-красный свитер.

– Чш-ш... – Даглас приложил губы к её лбу в спокойном и растроганном поцелуе. Всё внутри него замедлилось, остыло, он словно опускался в холодный сон, в вечные льды, бесконечное бездыханное пространство.

– Я не хочу, чтоб ты умирал! – на срыве, в полных крошечного отчаяния рыданиях крикнула Лойс, ещё крепче сжимая демона, будто он таял на её глазах. – Не умирай, не умирай! Ты обещал!

– Милая, не бойся. Я с тобой, – печник посмотрел на её

красное заплаканное лицо своими добрыми и невероятно усталыми латунного оттенка глазами. – Я с тобой... Ты моё маленькое снежное сокровище.

Отец Йонес пришёл в лютую звериную ярость, хотя его вид выражал только степенную злобу. Он брезгливо бросил взгляд на девочку.

– Мерзавку казнить. Уведите её.

С краёв улиц из заинтересованной пернатой толпы зевак потянулись служители закона в чёрных формах и с как на подбор бледными и жёсткими, словно мрамор, лицами. Но дорогу им неожиданно перегородила тщедушная женщина в шляпе и бардовом платье.

– Святой отец, вы правда хотите загубить ребёнка?..

Хотя вид восставшей против власти дамы невнушительный и хилый, её поддержала небольшая группа в тени ближней парадной.

– Чёрт возьми, этот дьявол её даже не тронул! – возмутился усатый дородный мужчина в потрёпанном котелке, эмоционально показывая руками в сторону прощающихся друзей.

– У меня слов нет, – оскорблённо нахмурившись, вставила высокая студентка в белом полушубке. – В Книге о милосердии говорилось!

– Она последователь сатаны! – рявкнул доведённый до нервного всплеска Йонес, обнажив чёрные, покрытые вязкой мазутной кровью клыки. Мало ли что говорилось в Книге, к отродьям кровожадных адских тварей нет сострадания!

– Это вы последователь сатаны, если хотите убить беззащитную девочку и демона, который вообще здесь ни при чём! – продолжая держать уверенную оборону от констеблей, уже вместе с парой крепких добровольцев, грубо отрезала бардовая женщина.

– Д... Демон, он же... Глупцы! Эта чёртова тварь должна УМЕРЕТЬ! – казалось, рёв ангела бездушно всколыхнул город, сотряс каждую его мёртвую ледяную клетку, врезавшись дрянным помутнением разума людей вокруг, как предсмертный гнилой знак апокалипсиса.

– Сэр, я глубоко извиняюсь, но разве вы не видите?... Тварь сейчас не он, а вы, – скривив губы в чёрствой насмешке, произнёс усатый гражданин.

– Я сделаю это! Я – каратель! Я доведу дело до конца! А вы – никчёмная толпа грязных идиотов! – под тревожные и смятённые вскрики защитников, галдящих разозлёнными сороками в ушах своего святого, Йонес в праведном, мертво-гадком гневе воздел руки.

Люди любили его, восхваляли ангела-избавителя, но теперь отвернулись от него, поддавшись греху, от которого нет спасения – они запросто примкнули к своему врагу. К тому, кто ненавистен и безобразен их святому отцу. Народ бездушно бросил его, отверг того, кто так долго хранил их трепетные жизни под своими крыльями!

Как же плевать на все эти высокие чувства, которые мигом превращаются в кровавое пламя и сжирают города, наполняя мир запахом палёного мяса. У машин нет сердца, как у демонов нет ничего человеческого; и эта безродная рыжая преступница радушно пригрела в себе зверя, встала на защиту чудовища! Против... уже не людей, против самого Бога!

Йонес направил пальцы на Лойс со стремлением швырнуть в неё энергией собственных рук.

Девушка испуганно вжалась всем телом в Дагласа, будто стараясь раствориться в нём. Она с таким бешеным беспокойством понимала, что им уже ничего не поможет, её серд-

це упало в вязкую холодную до крика пучину бесстрастного ужаса. Демон в растрёпанном смятении обнял её сильнее, дыша хрипло и медленно, словно ему не хватало воздуха. Что... делать...

Но ничего не произошло. Девушка медленно открыла глаза, любопытно повернула голову.

Отец Йонес стоял на земле на коленях, вцепившись обеими руками в горло так крепко, что на лбу и запястьях выступили толстые синие вены, казалось, он пытался свернуть самому себе шею. Из его глаз, рта, носа и ушей выливалось что-то чёрное, мерзкое и липкое, таким ревушим разбивающим потоком, что он захлёбывался до кашля.

Люди в брезгливом ужасе шептались, боясь смотреть на своего павшего святого, отводя глаза, исполненные дикого кричащего отвращения.

Когда эта страшная карма достигла своего апогея, и мазутная вода начала сменяться бурой кровью, святой упал на землю, охватив себя руками в панических конвульсиях и цепляясь за заснеженную землю, ломая ногти до лихорадочной синевы. Он хрипел, задыхаясь и выплёвывая полные безжалостно терзающей нутро боли слова вместе с собственным нутром.

– Я ж-же... убивал этих сукиных детей... гх, я жрал их гнилое мясо, япил кровь, что тебе ещё нужно?..

Нона так грозно и глубоко думала о побеге, что уже протоптала тропинку в камере, куда её насильно посадили ожидать расстрела.

На самом деле её клеткой называли узкую келью с маленьким окном и деревянными, обитыми железными полосами, дверьми, запертыми снаружи. Кругом пусто, только белёные стены и каменный пол, как выйти врач определённо не знала.

С другой стороны, при небрежном обыске охрана не подумала о том, что женщина спрятала в лифе, первое, что попало под руку возле плиты. Но как это использовать? Кресало годилось разве что костёр развести.

Точно, огонь!

Конечно, Нона не собиралась глупо сгорать заживо, но у неё в голове мельком проплыла удивительная каверзная идея.

Врач с горем пополам оторвала подол домашней юбки, в которой её и поймали, и осторожно высекла искру. Чтоб это добро лучше дымилось пришлось пустить в расход ватную жилетку, в ней женщина ходила, когда в большом доме становилось холодно.

Затеplилось мелкое фиолетовое пламя, постепенно краснея и поднимаясь вверх короткими, нервно дрожащими всполохами. Дым, вертясь колесом, потёк к потолку, разрастаясь густыми душными облаками по полу, как комья прозрачной шерсти с налипшей на ней сажей и золотистыми, весело скачущими, искрами.

Нона прикрыла воротом рубашки лицо и опустилась вниз. Сейчас всё зависело только от её ловкости, пропади она пропадом.

– Твою ж!.. Перси! ПЕРСИ, пожар! – с грубым, до маразма нервным криком в келью ворвался юный констебль в рабочей одежде, но от неожиданности произошедшего совсем не подготовленный, посему сразу же бросился продирать глаза и прятать нос под шинелью.

Нона, воспользовавшись такой глупой заминкой, неслышно, почти ветром, выскользнула за дверь и, на ходу раздражённо сбивая с одежды въевшийся дым, почти летящим бе-

гом кинулась прочь, не обращая внимания на грузный отзвук собственных шагов на хрустящем паркете.

Быстрее, к выходу и подальше отсюда, найти Лойс и Дагласа. Женщина серьёзно и рассудительно уверила себя, как мантрой, что они не пострадали, как обычно мало подверженная влиянию эмоций. Но если им кто-то навредил – она это в покое не оставит.

Уже почти перед белокаменной лестницей, спускающейся напрямик к главному выходу, Нона заметила, что просто так она не уйдёт через парадную. Охрана бдительно, как натаस्कанные собаки, сторожила весь этаж, ходя по нему опасным строевым шагом. Надо искать другой путь, скорее всего, окно. Но вот где же в храме найти хоть один открывающийся витраж?

Все мозги доктора перемололо в несуразную кашу, хотя в данный момент как никогда стоило трезво соображать, но в обстановке, где за тобой следят и охотятся, как на подбитую утку, не вести себя беспорядочно выглядело невозможным.

Преодолев напряжёнными перебежками ещё несколько светлых гнетущих коридоров, похожих один на другой, Нона попала в довольно большую комнату, скорее всего, столовую, ибо её почти целиком занимал длинный стол. Возмож-

но, маленькая, окрашенная в цвет стены, дверь сбоку ведёт на кухню, там точно должно открываться окно.

Женщина подбежала к двери, разбросав дряблым эхом стрекот каблуков по залу, и дёрнула на себя круглую ручку. Но та не поддалась, как бы её ни дёргали. Поэтому Ноне пришлось соображать в том, что она знала только в теории, рассказанном на пальцах самой Лойс. Умение вскрывать замки нехило пригодилось потеряшке в жизни, особенно когда ей нужно было сбежать из колонии.

Врач потратила немало времени на то, чтоб справиться с замурованным замком, не меньше получаса копаясь внутри двумя металлическими проволоками, выдернутыми на бегу из чуть осыпавшейся настенной мозаики, изображающей стаю ангелов. Благо, судя по всему, для людей храма это место считалось запретным для посещения, и внутрь столовой за долгое время никто так и не зашёл.

Нона распахнула дверь трясущимися от стонущего горячего напряжения руками и вошла внутрь, предусмотрительно запершись. Перед ней в узком каменном коридоре виднелся ещё один глухой тёмный проход, едва освещённый одинокой звенящей лампочкой, её грызущий глаза серый луч истощался и прозрачным пологом пропадал в трещинах стен.

Нона толкнула ещё одну дверь, уже не запертую, и тут же ей в нос пахнуло горькой дождевой сыростью и чем-то душно сладким.

Маленькая комната без окон, на небольшом столе около стены из чёрного кирпича ровно лежат ножи, столовые приборы, доски и стопка полотенец. У другого края выстроились стулья, выцветший шкаф с посудой. Вместо ещё одной стороны место занимала широкая фреска, подобная часто попадалась на глаза – крылатый ангел разит волнами святой воды уродливых дьявольских отродий.

В самой середине на железном пюпитре лежала закрытая книга в свежей, ничуть не повреждённой чёрной обложке. Вокруг её постамента вился, едва слышно плескаясь, круг воды, в котором словно застряли мягко мерцающие голубым светлячки, вращаясь по течению в безвольном неотразимом хаосе.

Врач повернула голову в сторону металлического шкафа. Из-под него тонкими струями сочилась и тут же застывала чёрными комками кровь, и именно от неё шёл гнилостный запах, мерзостно спирающий дыхание.

Женщина ожидала увидеть что-то подобное в тайной комнате человека, единственного обладающего магией кроме Дагласа. Книга, непонятный живой круг, целая коллекция наточенных ножей, розоватые и исчерченные царапинами доски...

Или он совершает ритуалы с козлиными головами, чтобы пудрить людям мозги своими "ангельскими" способностями, или он просто маньяк изобретатель.

"И то, и другое", – равнодушно решила Нона, больше разочарованная до скупого, но убийственного раздражения, чем взволнованная или удивлённая. Так или иначе, она двадцать лет прожила бок о бок с демоном, поэтому подобная картина вызывала у неё не священный ужас, а смех отторжения.

Страшно не то, что здесь безнаказанно творится какой-то кровавый ритуал, а то, что нигде нет выхода, а идти назад

опасно.

В сосредоточенных и столь же бесплодных поисках Нона без труда отперла металлический шкаф, плавающий в застывшей крови, и шокированно отшатнулась так, что чуть не упала, словно ей разом отрезали ноги.

Ожидания увидеть там остатки рогатого скота не оправдались. Внутри гнили во влажном противном холоде несколько человеческих тел, потрёпанных и обгрызенных, с торчащими жёлтыми костями и выдернутыми внутренностями. Мясо обильно кровоточило и покрылось блестящей серой слизью, все трупы висели на крюках ногами вверх, безголовые и грубо освежеванные.

– Чего я удивляюсь, чёрт возьми... – Нона, брезгливо морщась, отступила на пару шагов назад, и её каблук встретился с ручьём магической воды на полу. – Фу.

Женщина попыталась стряхнуть странную голубоватую жидкость с туфли, но, пока остервенело трясла лодыжкой, пнула попитр, и он с торжественным лязгом грохнулся на пол. Книга вылетела с подставки и страницами вниз упала в воду.

– Да что ж... – врач даже представлять не хотела, как кош-

марно ей может влететь за то, что она случайно натворила с личными вещами святого отца. Надо скорее поставить всё, как было, но высушить книгу незаметно вряд ли получится.

Нона расторопно подняла на место пюпитр, заперла металлический шкаф и резко потянулась за книгой. Как только мягкие разбухшие страницы матовым блеском сверкнули у неё в руках, женщина заметила толстые, вьющиеся вокруг непонятных кривых слов, чёрные вены, ползающие по смятой желтоватой бумаге в тихом выразительном стуке. Дьявольская вещь, ещё и живая.

Рассуждать о том, чего доподлинно не знала, доктор не стала, и, с неуютным грузом отвращения во всём своём существе, положила фолиант на место. Но её за горло терпко схватило самозабвенное желание как можно больше и трагичнее насолить Йонесу, который сейчас, может, бесчеловечно расправляется с Дагласом, Лойс и вообще толпой на улице.

И правда, зачем она так заботится о вещах людоеда.

Нона вынула из заветной пазухи кресало и со злорадной, но холодной до того, что зубы едко сводило, уверенностью начала энергично высекать искру на книгу до тех пор, пока её немногие сухие страницы не задымились.

Как только обложку начал прожорливо глотать, обращая в угли, лиловый, дивно пляшущий, огонёк, круг воды с безумным треском раздался в стороны и сердито забурлил густой серой пеной. Из книги потянулись, слепо хватая воздух и в безмолвной агонии скрючивая пальцы, десятки прозрачных, пропитанных вязкой влагой рук. Из книги начало выползать нечто размытое, как грязное облако с огромными белыми глазами, дико по-совиному сверкающими. У монстра распахнулась сквозь мутную липкую оболочку широкая гудящая пасть, усеянная сотней клыков, из головы торчали длинные рога, на которые словно кто-то плотно натянул тент. Река, растянувшаяся на полу гурьбой гигантских пузырей, пены и сероватого смога, со стонущим плеском лезла струями к книге, стараясь потушить огонь.

Чудище не могло выбраться дальше пояса и подняло ревущий лосиный крик, глубокий и громкий до того, что комната встряхнулась, с полок начала выезжать на тряске посуда, а у Ноны надрывно сдавило череп, словно на дне болота.

– Застрял? Не расстраивайся, будет хуже! – со всей силы пытаюсь перебить связанного туманом монстра, не надеясь, что он её услышит, Нона подхватила со стола позади себя тесак и в невыразимой, но надменной ярости швырнула прямо в книгу.

Будет ей ещё какой-то демон из лужи в уши орать.

Весь сумбур прошёл так быстро, словно с глаз всё срезали, обновив взор на предыдущее, дрянное и тревожное спокойствие. Только лампочка, всё это время единственная заливавшая комнату бесовским рыжим светом, не выдержала натиска произошедшего и с отрывистым лаем лопнула, выстрелив по стенам осколками.

Благо хоть месть свершилась, и вся дурацкая растерянность и мысленная щемящая тяжесть сошли. Голова чистая, словно из неё выскребли весь сор из злобы и опьяняющих эмоций, оставив только голые стены и готовность действовать.

Надо искать другое окно.

За падением ангела наблюдала целая площадь. Некоторые испуганно до крика, иные – молча, созерцая картину огромными от благоговейного шока глазами.

Лойс смогла вздохнуть с облегчением, хотя всё ещё тревожно жалась к Дагласу, как мокрый воробушек к карнизу.

Он медленно оседал в её руках, словно утекал холодным до
больной изморози песком через пальцы. Но они так крепко
держались друг друга, что неминуемо растворятся вместе.

Внезапно по площади сурово грохнул стук каблуков по
льду. Что-то страшное угрожающе надвигалось на Йонеса,
точно ужаснее в гневе, чем уродливый огненный демон.

– Вот! – Нона бесцеремонно взяла святого за волосы и с
невероятной для такого низкого роста силой вздёрнула на
колени. – Бесстыдный кусок дерьма. Я думаю вы уже все тут
в курсе, что у него сделка с дьяволом.

От такого резкого уверенного заявления толпа заметалась
во вздохах, восхищённых, испуганных, горестных, оскорб-
лённых. Гул прошёлся стонущей лавиной по улицам, застре-
вая в звенящих окнах и леденя в розовеющем полосами
небе.

– Ах, да, у него ещё трупы на кухне. Разбирайтесь с этим
как хотите, но оставьте нас в покое хоть на секунду! – жен-
щина милостиво отпустила бессознательного Йонеса, и тот
упал затылком на плитку, как деревянная доска.

Врач подбежала к Дагласу, оценила ситуацию и впала в
растерянный опечаленный ступор. Человек, которому она

посвятила себя, который всегда горел ярким нежным светом в её чёрством сердце, который жил, несмотря ни на что, сейчас умирает прямо так, на земле, раненный и холодный.

– Привет, Нона, – печник через гиблую боль ласково улыбнулся ей. – Ты как раз вовремя.

– Дурак, ты понимаешь, что ты... – женщина закрыла глаза, боясь обнажить предательски выступившие слёзы. Во имя чего он боролся?..

– Не драматизируй, всё хорошо.

Лойс всхлипнула и в голос разрыдалась, мягко уткнувшись лбом в грудь демона. Не может быть всё так сложно, должен быть способ... Он их оберегал, он защищал своё достоинство и шанс на жизнь, так почему он должен сейчас погибнуть?..

Чем зажечь... где взять пламя, какого нет в природе?..

Химера.

Слово грозовым взрывом осветило удручённую голову, с исступлённым шипением отогнав все остальные бледные и дурные мысли, жестоко разъедающие мозг. Ну конечно, пла-

мя осталось только в одном существе, но захочет ли монстр помочь?..

Выхода нет, стоит хотя бы попытаться. В конце концов, это семья Дагласа, а родные обычно всегда помогают друг другу, безвозмездно... потому, что любят.

И любят не так, чтобы вредить себе и миру вокруг, это слишком доброе чувство для таких мерзких поступков.

Безмятежно.

Лойс поднялась на ноги и панически огляделась кругом, словно её окружили все катастрофы мира.

– Кто-нибудь, дайте факел! Факел! – безжалостно разрывая горло, крикнула девочка, размахивая руками, чтобы привлечь внимание, пока плечи не начали ныть.

Так как нигде поблизости ничем подобным огню и не пахло, народ, обступивший тело своего свергнутого ангела, виновато развёл руками. Но студентка в полушубке, всё ещё не сошедшая с крыльца, бегло сняла с карниза потрёпанный фонарь и зажгла фитиль своей тлеющей сигаретой. Маленький красный всполох окрасил грязные стёкла изнутри, и девушка протянула бедняге свою находку так, будто собира-

лась его швырнуть.

– Держи!

Лойс благодарно кивнула, схватила фонарь и резво, как на колёсах, побежала в сторону парка, за которым начинался лес. Она хорошо знала это место в противоположной стороне от храма, рядом с кладбищем. Почти под самым забором находился приют, в котором она выросла.

– Даглас, ну зачем ты в это полез, а? – Нона с остервенением закатывала рукав рубашки, пытаясь держаться так же мрачно и сурово, как пять минут назад. Но обзор ей мутным бельмом заслоняли конвульсивно трясущиеся слёзы, поэтому сохранять на лице спокойное выражение уже не удалось.

– Я просто...

– Это был риторический вопрос, – женщина вынула из взлохмаченных волос шпильку и более острым её концом резанула себе ладонь. Из раны брызнула маленькими каплями кровь, и врач поднесла руку к пепелищу внутри печи друга. От падающих на дно капель крови поднимался едва видный серый дымок, тут же слабея и испаряясь. Но хоть что-то.

– Нона, ты зачем... ну не надо, прошу тебя... – Даглас попытался отползти, чувствуя какие-то грубые, но бессильны остатки ужаса в голове от внушения чужой крови. Однако свободной рукой женщина предусмотрительно прижала его бедро к земле, и он трепыхался, как змея под камнем.

– Лойс что-то придумала. Она тебя вытащит, – с таким уверенным напором прошипела Нона, что даже в предсмертной обездвиженной агонии Даглас неловко сжался.

– Зачем?..

От этого бесконечно глупого вопроса женщина аж осела, словно её без предупреждения ударили кувалдой по черепу и под дых. Ему пытаются жизнь спасти, а он ещё и не понимает, почему?!

– Как зачем, ты головой ударился?

Даглас едва слышно бесстрастно вздохнул и положил холодную руку подруге на щеку, заставляя её бешено грустные глаза встретиться со своими, пыльными и погибающими. Они так любят его, и он готов отдать за них свою душу, но из-за него девочки чуть не лишились самого главного, кажется...

Он виноват во всём этом. В том, что он последний бессмысленно выживший.

Может, Лойс сказала правду тогда.

– Нона, я последний демон на земле, может, так оно и лучше... я хочу, чтобы вы жили счастливо, правда.

– Я в курсе. Но, даже если ты и единственный такой в своём роде, это не значит, что умирать пора, – врач сжала ладонь сильнее, и алые капли злобно забарабанили по дну печи. Сколько раз она говорила ему это, что он не бесполезен сам по себе, даже если не способен защитить своих близких... А Даглас всё сомневался, вечно, разрушительно, беспотолково. – Мы... ты достаточно много сделал для нас, и мы ценим тебя за то, что ты у нас есть. Даже отвергнутый всем миром, ходячая мишень и монстр – ты остаёшься собой, да? Не принижай себя до уровня отброса, это некультурно. О чём ты думал, пока бился с тем чепушилой белобрсым?

Даглас, уже слабо понимающий, о чём его спрашивают, всё же ответил спустя минуту хрипящего и страшного затишья:

– Что вы бы хотели, чтобы я жил... ну, и боролся за вас.

Но на в очередной раз убедилась, насколько её друг непробиваемый, и сердито спросила таким требовательным и громким тоном, что толпа позади, пытающаяся придумать, приводить в чувство святого отца или нет, напряжённо обернулась, словно заслышав пушечный выстрел:

– А ты сам хочешь жить? И бороться за себя?

Это то, о чём сам демон пытался никогда не думать. Плохие мысли, которые мешают двигаться, сковывают паранойей и ужасом. После смерти всего его народа у него пропал смысл ходить чужим среди людей, и даже когда нашлись те, кто принял его, он боялся им навредить. Даглас – враг самому себе, всему миру и что тогда?..

Ещё и лжец... разве та недобитая грязь, которой он является, может сделать что-то большее, чем бояться, что его покинут рано или поздно?.. Он ничего не стоит без них...

Или нет?..

Он такой же, как все, живой. Тоже боится, тоже плачет, тоже страдает. Как человек, только... демон... Но, если бы у него был второй шанс, сейчас едва ли возможный... Он использовал бы его, чтобы всё же дать понять, что он такое,

и себе, и другим.

Он достоин этого, хотя бы потому, что сдаться – значит подвести себя, раньше так уверенного в том, что путь только начинается и дальше будет лучше.

Принятие. В нём есть силы встать и идти, так почему же он так отчаянно игнорировал то, что ему говорили об этом?..

Пора перестать гнобить себя за то, что уже случилось, и не по твоей вине. Понять, что тебя любят просто так, за душу. Осознать, что ты не одинок, пока дышишь.

Почувствовать своё пылающее сердце. И пламенный покров, объявший весь мир в одном маленьком теле.

...

– Да.

Нона словно вспыхнула счастливым до состояния лихорадочного шока солнцем, услышав такой сосредоточенный и неожиданный ответ. Хотя улыбка её вызывала скорее подозрения, чем успокоение, ибо она грозно, жёстко до того, что болели зубы, произнесла:

– Так борись. Я тебя не для того спасала, чтобы ты так к себе относился, свинота.

Лойс, казалось, успела выдохнуть все свои лёгкие вместе с сердцем, и они волочились за ней побитой грудой. Но останавливаться нельзя.

Во рту гадко пересохло, тело шаталось от громких сокрушительных ударов пульса, позолоченные очертания парка размазывались перед глазами туманными звёздами.

Фонарь скрипел в её руке в такт бегу, бросал уродливые красные пятна на истресканные и утопленные в снегу могилы, серые стены часовни, черепичную чёрную крышу приюта.

Тёмные, щербатые верхушки деревьев кололи замершее в разморенном вечернем оцепенении золотистое небо, с крон, слышав гулкие, холостыми выстрелами грохочущие по тропе шаги, взвились в облака, надрывно крича, вороны.

Деревья хороводом прыгали за девочкой, ветвями задевали её одежду, хлестали ледяными каплями по лицу. Мокрые стволы проваливались в сугробы, трещали, падали на-

встречу.

Лойс чуть приостановила бег, когда тропа вильнула назад. Нет, ей нужно дальше, по снегу, падая и зачерпывая мокрые до омерзения и боли комья сапогами.

– Эй!!!

Лес ответил недовольным галдежом сорок и разбуженных птиц. Но из глубины внезапно посыпались торопливые металлические шаги.

– Эй!!! Я здесь! – Лойс, уже сомневаясь, что её предприимчивость сработала, подняла над головой фонарь и показала им, агрессивно привлекая к себе внимание.

Её или растопчут, или послушают, осталось выяснить, что именно...

Химера выползла из-за массива ветвей и стволов грузно и медленно, как черепаха на комариных ногах. Её сверкающие исстрадавшимся голодным светом глаза обратились в сторону пламени, и, повернувшись, монстр из железных тел подошёл к девочке.

Лойс едва сдерживала в себе желание закричать и убе-

жать. Горло тошно саднило от частого дыхания, тело швырнуло в сырой жар. Каждую секунду казалось, что она вот-вот задохнётся и потеряет сознание, чёрные мельтешащие вспышки резали глаза, а ноги совсем не гнулись.

– Нужна помощь! Там... там Даглас... он умирает! – проглатывая слова в истерическом утомлённом крике, заикаясь, взмолилась девушка.

Как она не привыкла просить!.. И уж тем более спокойно выдерживать перед собой хищную тушу, от которой мрачными сизыми облаками полз дым, звенели погибающие стены и безумный ужас.

Но она это сделает, хотя бы ради того, кого правда любит.

Длинный скелет наклонился вперёд, с лязгом выгнув стальной позвоночник. Чудище медленно опустилось на передние лапы, словно лошадь, и мирно внимало.

Едва слышным от прерывистого взволнованного дыхания, хрипящим от слёз голосом Лойс пробормотала, подняв на химеру голову:

– Я... я знаю, что вы его семья. И... и я тоже его семья, я его очень люблю, и... я уверена, что он меня тоже. Помогите

ему, прошу! Он мне обещал... что рядом будет, и я... я хочу тоже ему сказать, что он хороший! Что ему умирать нельзя... Пожалуйста, я хочу... чтобы он выжил. Ещё раз.

Крупные слёзы обезумевшей печали выплывали из её глаз и падали с подбородка. Химера наклонилась ещё ниже, череп, как бы успокаивая, коснулся лбом в лоб потеряшки. Сложно понять, что существо испытывало, но оно уже явно не желало растерзать человека.

Монстр кивнул, опуская и нижнюю часть своего тела. Стенания из глубин металла и запорошённых снегом, как сахаром, печей понемногу прекратились и сменились тяжёлым дребезжащим дыханием, чудище махнуло головой в сторону своей спины.

– Мне... сесть сверху? – переспросила Лойс, заглядывая в указанную сторону. Она радостно улыбнулась, её сердце затрепетало в объятиях тёплой нежной надежды.

Химера утвердительно склонила голову, и тогда Лойс села на неё верхом. Туша неспешно подняла сначала заднюю часть туловища, потом встала на руки передней, и широким перебором лап пустилась вон из леса.

Ехать на такой многотонной машине странно, и ощущение

ния, будто скачешь на жеребце без седла, управляя им вместо поводьев фонарём. Лойс никогда не каталась на лошади, но смотреть за тем, как беспощадный зверь ориентируется на тусклое свечение за стеклом, забавляло.

Быстрее, быстрее, быстрее, надо успеть, и тогда... тогда всё будет хорошо.

Отца Йонеса всё же решено было привести в чувство, когда один из смельчаков вернулся из храма и подтвердил слова Ноны со слегка зеленоватым лицом.

Бить великого ангела по щекам никто не сдюжил, поэтому обошлись тем, что выплеснули на него ведро воды. Пока Йонес не понял, что происходит, от худа подальше ему связали руки чьим-то поясом.

Святой помято поднялся на ноги, он словно одряхлел лет на десять и глаза у него неприятно слезились, то ли от осознания своего поражения, то ли от того, что врач уронила его лицом в землю и разбила ему нос.

– Чёртовы предатели... вы ослепли все что ли? – прошипел сквозь стиснутые в очевидно праведной и бесполезной

ярости зубы святой отец.

– Оглохли скорее. Лапша на ушах тяжёлая, – съязвила студентка, и за такую непростительную грубость усатый мужчина неуверенно осудил её злым шипением, но некоторые молодые люди из толпы поддержали девушку хохотом.

Личная охрана Йонеса взяла его за плечи и повела в храм, безоружного и одинокого. Не так он представлял себе свою гибель, как правителя, но ещё обиднее, что его контрактного демона уничтожили.

Чтоб тебя, Нона Тайджер.

– Всё это объяснимо! – ничерта не объяснимо, но как ещё себе помочь Йонес не знал, растерянно оскалившись, как загнанный в угол и напыщенно вздыбивший шерсть пёс. – Вы сами отказываетесь от своего блага!

– Ой, простите, я чёт такого в энциклопедии не нашла, – злорадно огрызнулась Нона, театрально закатив глаза. Даглас не сдержал тихий искренний смех, сразу перешедший в грязный кашель.

Йонес оскорблённо замолчал, и двери за его спиной триумфально захлопнулись.

Народ остался в замешательстве, не представляя, как поступать дальше после такого неожиданного краха всего мироздания перед их глазами. Но первой решилась бардовая женщина – она скромно подошла к Ноне, помогла перетащить Дагласа к стене ближнего дома и прислонить к ней. Обе запыхавшиеся женщины одарили друг друга благодарными улыбками.

– Мы можем помочь? – участливо поинтересовался молодой человек в очках, ещё держась на почтительном расстоянии. Трудно привыкнуть, что демон не кидается на тебя, чтобы растерзать твою плоть и проглотить лёгкие.

– Если у вас есть переносная печь, было бы очень кстати, – польщённая такой внезапной отзывчивостью, ответила врач. – Смотри, нам помогают.

Даглас миролюбиво кивнул, утомлённо положив подбородок подруге на плечо.

Потянулись равнодушные люди, двое мужчин приволокли печь, свернули ей трубу, чтобы дым не плевался в толпу. Студентка вынесла спички и несколько дров из своей поленницы. Мальчишки сбегали за бинтами в лазарет и помогли перевязать демону раны поверх одежды.

Трепетный щекогливый жар от печи немного привёл Дагласа в чувство, он сидел, понуро сгорбившись, поглощая каждую невесомую частичку тепла.

С дальних сторон улицы слышались испуганные возгласы и грохот, будто железная лошадь скакала галопом по мостовой, звонко кроша под копытами камни. Громче всех в этом сбитом в морозный нервный хаос шуме слышалось многозвучное бурлящее дыхание и знакомый крик:

– Извините! Нам пройти надо! Осторожно!

На площадь неловко, как акула на берег, вывалилась химера с Лойс на спине. Народ поражённый кинулся врассыпную, впервые увидев такое жуткое паукообразное размером чуть ли не с сам храм. На их глазах свершилась безбожная битва двух ужасных титанов, и пережить ещё одну такую люди уже отказывались.

– Всё хорошо, она добрая! – уверила Лойс, увидев в панике отхлынувшую с площади пёструю волну. Люди, едва заметив на монстре верхом нетронутую девочку, вздохнули с облегчением.

Понемногу некоторые осмелевшие подошли ближе. От

осознания кровопролитной трагедии, из которой восстал этот кошмар, женщины с опаской, но добродушно гладили головы существа и вполголоса просили прощения. Мужчины снимали шляпы и уважительно кланялись, проявляя сострадание и понимание к тому, что когда-то натворили, одержимые убийством невинных.

Нона уже встречалась с химерой, но её мирное настроение её поразило до того, что ей почудилось, будто она уже сошла с ума, а сердце ухнуло вниз, пропустило удар, сжав мёртвой гнусной хваткой горло.

Ещё больше ошарашен оказался Даглас, который, несмотря на своё бредовое состояние, немного удивился с таких детальных галлюцинаций. Или его семья пришла с ним попрощаться, или он уже умер...

Химера опустила на передние ноги перед демоном, и Лойс слезла, в благодарность ласково поцеловав холодный металл на виске у скелета. В ответ монстр легко толкнул её головой, как кошка, проявляя заботу.

– Нона, скажи мне, что это мне кажется, – прошептал Даглас, внимательно разглядывая чудо, снизошедшее на него. Химера вытянула шею и приложилась скулой к щеке Дагласа, как бы любвеобильно обнимая его.

– Тогда мне тоже, – женщина с родительской гордостью посмотрела на Лойс, сумевшую в одиночку и без единой царапины укротить чудовище и повести его сюда на помощь. – Сладкая, какая ты молодец.

Девушка вспыхнула розоватыми пятнами и смущённо спрятала нос в ворот пальто. Её не часто хвалили, но теперь она воспринимала это с удовольствием, а не с раздражением, применимым разве что к наказанию.

Монстр поднял одну из длинных рук и слегка похлопал ладонью по плечу Ноны, без слов прося отойти. Женщина послушно отползла назад, положила голову Дагласа к себе на колени и ободряюще запустила руку в его белые волосы.

Печник переживал так чутко, что его потрясывало, а внутри что-то обжигаяще носилось, круша его изнутри до обратного онемения. Он смотрел полными благоговейного обожания глазами на склонившееся над ним существо, впервые не враждебное к нему, как никогда близкое.

– Но если ты отдашь свой огонь, то погибнешь, – упрекнул горестно дрогнувшим Даглас монстра, и тот наклонил голову в разочарованном и недовольном жесте. Как знакомо, так всегда мама делала, когда злилась...

Её лучистый облик, спокойный и невероятно добрый, будто весь мир она с любовью хранила в сердце, чтобы сейчас самоотверженно дать ему, возник перед глазами, но теперь не просто грудой мёртвого мяса...

– Ты у меня молодец. Живи, а мне уже пора.

Может, и правда... жить и страдать гораздо худший выбор, чем дать шанс хотя бы одному из них на счастье.

Лойс вопросительно посмотрела на химеру. В ответ та распахнула дверцу печи, где по дну потерянно струился мелкий голубоватый огонёк. Девочка осторожно взяла его в горсть, и ладони прошило колючим, но плавным и тихим теплом.

– Ой! – потеряшка чуть было не уронила животворящее пламя в снег, но подоспел бородатый мужчина с лопатой, как ухватом пересадив искристые хищные языки с рук девушки туда, куда необходимо. Даглас принял последний подарок в свои ладони, подержал его так, вдумчиво решаясь и, наконец, без пагубной скорби отпуская всё плохое и грешное, что мешало ему.

Огонёк торжественно опустился в печь, и Нона, слегка по-

дув на опухший порез на руке, пустила внутрь ещё немного крови. Пламя весело зарокотало и принялось собирать живительную влагу, краснея и поднимаясь выше.

Химера довольно вздохнула, призрачный свет внутри неё начал угасать, уходит красноватым паром через щели. Теперь она свободна.

Все они.

– Я вас люблю, – Даглас притянул голову химеры к себе и нежно поцеловал в нос.

Монстр внезапно приоткрыл костяной рот, и изнутри тысячами свистящих хрустальным ветром голосов раздалось:

– Береги себя. Ты не один.

Тварь встала, отошла немного к центру площади, опять натруженно опустилась и устало свесила голову. Враз конструкция беззвучно развалилась, как будто болты, разбитые с высоты, потом незаметно обратилась золотистым и ярким, словно летний солнечный свет, железным пеплом и растворилась, как будто её сплавляли без остатка.

На площади воцарилась тишина, прерываемая только

хрустом снега и фырканием пламени. Толпа стремглав обратила внимание с почившего чудища на спасённого демона.

Даглас глубоко отдышался, из его рта снова повалил тёмный кудрявый дым. Он всё ещё плакал, беззвучно, трясясь и стирая слёзы кровавыми рукавами. Но не об утрате.

Он жив.

Лойс бросилась другу на шею и рассмеялась, заражая его собственной неудержимой радостью. Пришлось улыбнуться и подхватить, хотя тело так и разрывало от рыданий по пережитому.

Нона смотрела на них с удовольствием, будто всё так и должно было быть, и это она держала в голове с самого начала. Может, просто потому, что всегда надеялась на лучшее, иначе она и не врач.

Несколько человек помогли Дагласу подняться на ноги.

– Ну, что я могу сказать, встречайте нового члена общества! – обрадованный хорошим завершением, провозгласил усатый мужчина, начиная энергично аплодировать. Его действия подхватил народ, затапливая хлопками площадь, как глухим тарабанящим по мостовой дождём.

Даглас, несмотря на раны подхватил Лойс за талию и поднял вверх, смотря на неё полными искренней привязанности глазами. Лойс вторила ему таким же упоительно радушным взглядом.

– Я говорил!

– А остальную половину ты ныл! – не согласилась Нона, но в ответ на своё обычное недовольство получила только бурные объятия сразу обоих.

Неужели... теперь у них есть место в мире!

Есть место...